

В. Р. ЛЕЙКИНА-СВИРСКАЯ

# ПЕТРАКОВЕЦЫ

**В. Р. ЛЕЙКИНА-СВИРСКАЯ**

# **ПЕТРАШЕВЦЫ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОСВЕЩЕНИЕ»  
Москва — 1965**

Отечество мое в рабстве, в цепях.

*Петрашевец А. Ханьков.*

Кем были петрашевцы? Ничтожной кучкой революционных заговорщиков, оторванных от народа, преданного царю, и покушавшихся на существующий государственный строй, как изображало их царское правительство? Или кружком безобидных мечтателей о далеком и нереальном социализме, увлеченных заграничными книжками, как изображали их буржуазные историки и литературоведы? Или неустойчивыми разночинцами, в которых голодная и неустроенная жизнь вырастила протест против крепостнического порядка, как думал А. М. Горький? Или провозвестниками и сторонниками буржуазного развития России, как доказывал историк М. Н. Покровский? Все эти характеристики односторонни и поэтому неверны.

История петрашевцев чрезвычайно интересна. В ней с большим богатством идей, поступков, человеческих характеров отразилась сложная переходная эпоха, стремления и задачи русской передовой интеллигенции в ту эпоху.

Крепостное право в России доживало последние сроки. Феодално-крепостническая формация сменялась новой, капиталистической. Кризис, назревавший давно, в конце 40-х годов, резко обострился. Всего через какое-нибудь десятилетие сложилась революционная ситуация 1859—1861 гг., которая переломила старый общественный порядок.

Буржуазное общество складывалось еще в недрах крепостнического строя. Одним из признаков этого и была антикрепостническая идеология, имевшая в России давнюю традицию.

Идеологом классовых интересов в обществе является интеллигенция, которая, как указывает В. И. Ленин, «...всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее

отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе»<sup>1</sup>.

В этот переходный период впервые стала превращаться в особый общественный слой разночинская интеллигенция. Она формировалась в значительной степени из молодежи дворянских семей, выбитой из колеи помещичьего быта кризисом крепостнического строя, а также из семей служилого чиновного дворянства. Ее ряды пополнялись также и выходцами из других сословий и слоев — из семей мелкого чиновничества, из мещан, купечества, духовенства, пробившимися к образованию и овладевшими профессиями умственного труда.

Какие силы, вопреки всему, что внушалось казенным воспитанием и обучением, отталкивали эту молодежь от эксплуататорской среды и влекли ее к демократическим идеям?

Прежде всего это были социальные противоречия, в резкой форме дававшие о себе знать на каждом шагу. Думать над ними заставляла историческая обстановка как в России, так и в Западной Европе, осознать их помогали книги.

Крепостное право задерживало экономическое развитие страны. Невыгодность, неэкономичность подневольного труда, по сравнению с наемным, была бесспорным положением тогдашней буржуазно-либеральной экономической теории. В 30—40-х годах быстрым темпом шло техническое переоснащение легкой индустрии. Мануфактуры превращались в фабрики. В легкой промышленности подневольный труд вытеснялся трудом наемных рабочих. Создавались первые кадры постоянных наемных рабочих из крепостных — предпролетариата. Но такие важнейшие отрасли народного хозяйства, как горнодобывающая промышленность и металлургия, развивались очень медленно и слабо. На этих предприятиях царил принудительный труд. Влияние крепостничества сказывалось и в слишком медленном развитии путей сообщения, особенно железных дорог. Россия по своему экономическому уровню все больше отставала от передовых капиталистических стран. Отсталость лежала давящим грузом над страной как наследие крепостничества вплоть до Октябрьской революции. «Гнилость и бессилие» цар-

---

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 7, стр. 343.

ской России, по выражению В. И. Ленина, катастрофически проявились во время Крымской войны.

Кризис барщинной системы хозяйства и нестерпимость крепостнической эксплуатации, которая благодаря кризису становилась все жестче, ярко обнаруживались в настроениях и в поведении крестьянских масс.

Мы знаем лишь приблизительные цифры крестьянских волнений, но можем проследить их постоянный рост. К. Маркс отмечал, что с 1842 года восстания крепостных против помещиков и управляющих в России «стали эпидемическим явлением»<sup>1</sup>. В 40-х годах непрерывно шли и волнения рабочих — как крепостных на дворянских, купеческих и казенных предприятиях, так и вольнонаемных.

Сведения о росте крестьянского движения неизбежно проникали в общество и распространялись, несмотря на полное молчание о них печати. «Дикие смутные вести долетали до нас иногда о мужицкой расправе, о мести», — вспоминал Некрасов в «Недавнем времени».

Недовольство крестьянских масс, непрерывный глухой ропот «крещеной собственности», нередкие убийства и покушения на помещиков и управителей, массовые побег, самовольные переселения, «неповиновение властям», доходившее до сопротивления карательным отрядам, — таков был тревожный тон общественной жизни 40-х годов.

Факты крестьянского сопротивления постоянно занимали внимание демократической интеллигенции. Осенью 1848 г. М. В. Петрашевский получил известие о революционных настроениях крестьян «в смежных с Галицией губерниях», где они «весьма расположены вырезать помещиков». Он с удовлетворением отмечал, что эти известия вызвали «возобновление внимания общего мнения на эмансипацию крестьян».

Конец 40-х годов отмечен наиболее крупными волнениями крестьян в центральной России. Особенно велико было повсеместное возбуждение крестьянских масс в 1848 г. — это был год холерной эпидемии, крупного неурожая, необычайного распространения деревенских пожаров. Причиной многих волнений был прямой протест против барщины. Число крестьянских волнений перешло

---

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 12, стр. 701.

за сотню, они охватили 32 губернии Европейской России. Упорны были волнения, связанные с законом 8 ноября 1847 г., который допускал возможность коллективно выкупаться на волю при продаже имения с торгов за долги. Из десяти особо сильных волнений в 1848—1849 гг., начавшихся на почве этого закона, восемь было подавлено военной силой.

Правительство отмечало в 1848 г. еще и «необыкновенное упорство неповиновавшихся». В ряде случаев на крестьян не действовали полицейские меры, требовалось вмешательство воинских команд. В массовых выступлениях крестьяне проявляли большую стойкость, бесстрашие, убежденность в своей правоте; во многих случаях крестьянская масса выделяла энергичных и самоотверженных организаторов и вожakov движения.

Этот постоянный и все усиливавшийся крестьянский протест был важнейшим источником демократической идеологии. Он определял содержание публицистики В. Г. Белинского. «Мужики — люди ли?» — таким вопросом Белинский заклеил крепостников. Для передовых людей 40-х годов характерной чертой было чувство вины перед крепостными слугами, стыд за привычное в дворянской среде скотское отношение к дворовым. Сознание «всей нелепости крепостного права» хорошо передал своим студентам казанский профессор Д. И. Мейер. Каждый чувствует, говорил он, «какую-то тяжесть, мешающую жить по-человечески. Вникните глубже, и вы увидите, что вас смущают ненормальные отношения к крепостным: вы переросли такое положение вещей, вы уже не в состоянии примириться с этим».

Социальные противоречия глубоко вреза́лись в сознание демократической интеллигенции. Противоположность труда и капитала в России в это время была еще мало заметна — ее заслоняли более яркие противоречия господствовавших крепостнических отношений. Передовая литература будила ненависть к крепостному праву, давившему народ. Но были уже люди, которые не только томились социальной несправедливостью крепостничества, но и с особенной чуткостью подмечали черты развивавшейся в России капиталистической эксплуатации. В жизни Петербурга наиболее резко и наглядно проявлялись эти черты — в нищете наемного рабочего люда, в трущобном быте городской бедноты. Не книжные влия-

ния, а повседневные впечатления от жизни большого города отразились в размышлениях петрашевца Д. Ахшарумова. Незачем указывать на Англию, как на пример противоречий пищеты и роскоши, говорил он, «стоит взглянуть на каждодневную жизнь нашу и полюбоваться всем, что видим кругом себя. Мы живем в столице безобразной, громадной, в чудовищном скопище людей, томлящихся в однообразных работах, испачканных грязным трудом, пораженных болезнями, развратом». Эти образы давала ему русская действительность.

В реалистических очерках натуральной школы получает отражение жизнь городского плебса — дворников, разносчиков, извозчиков и другого рабочего люда, подмечается его расслоение, появляются первые картины капиталистической эксплуатации. Некрасов в неопубликованном романе рассказал о наборе крестьян в артели подрядчиками кабальным способом, который называется «пойти в задаток».

Вопрос «об отношениях подрядчиков и работников и о правах их» обсуждался и петрашевцами; об этом вели спор В. Головинский с Ф. Толем.

Петрашевец писатель С. Дуров рассказал о мальчишках-подмастерьях — «халатниках». Запертые целую неделю в темных, сырых, душных мастерских, по воскресеньям эти дети, вырываясь на волю, превращаются в буйнов петербургских улиц.

Молодой М. Е. Салтыков-Щедрин изобразил вождедения подрядчиков, мечтающих поживиться на безработице ямщиков, вызванной постройкой Петербургско-Московской железной дороги. Хозяйчикам, с одной стороны, чудится призрак революционных волнений, а с другой — они радуются голоду безработных, потому что голодного легче «поприжать». «Голод, голод и голод — вот моя система. Вот мой образ мыслей», — цинично заявляет один из них.

До людей его поколения, писал петрашевец А. Пальм, долетал «тяжелый вопрос труженика — насколько же обокрал меня лавочник, один раз при расчете за работу, а другой раз, когда я на этот заработанный грош купил у него фунт хлеба по установленной таксе?»

Думая о корнях эксплуатации народа, передовые люди 40-х годов видели перед собой общественный строй, в котором богатство было прочно соединено с со-

словной привилегированностью. В феодально-крепостнической России не было еще «аристократии богатства», власти «чистогана», буржуазия еще не имела никакой политической власти. Поэтому вся несправедливость общественных отношений связывалась в их глазах со строем самодержавия. Сословное строение общества отражало полную зависимость трудящихся от паразитических классов. Сословность высшего чиновничества, сословность офицерства, сословная система образования, отстранявшая от просвещения народные массы, а над всем — абсолютная монархия с III Отделением и жандармерией, с надежной гвардией, с усердной цензурой, с всеподданнейшими докладами министров царю о малейшем нарушении крепостнического порядка, с специфическим духом презрения к нуждам простого народа. Верно служила крепостническому строю православная церковь. Связь между крепостниками и их государством хорошо выразил управляющий III Отделением Л. Дубельт. «Помещик — самый надежный оплот государя, — писал он. — Уничтожь эту власть, народ наплет и нахлынет со временем на самого царя... Помещик есть самый верный, недремлющий пес, охраняющий государство: он есть природный исправник».

Как над крепостными крестьянами царили помещики, так над остальным населением России царили чиновники. Безнаказанность и произвол чиновников были прямым следствием власти помещиков. В 40—50-х годах господствовала система всеобщего взяточничества. Каждая государственная должность давала доход сверх казенного оклада. Председатели казенных палат и губернатор были на содержании откупщиков. Таможенные чиновники открыто брали взятки за беспошлинный ввоз товаров. На снабжении солдат наживались интенданты и командиры полков. Колоссальны были хищения в горном ведомстве. Бесчестные поборы брали духовные консистории, брали взятки священники. Полиция беспрекословно исполняла приказания дворян. Юстиции в сущности не было: судебные гражданские и даже уголовные дела почти всегда решались за взятки.

Передовая литература во главе с Н. В. Гоголем открывала обществу отвратительный низменный мир всевластия чиновников. Русские демократы разоблачали хищную, продажную, враждебную народу армию чинов-

ников, которую Белинский назвал «огромной корпорацией разных служебных воров и грабителей».

Военщина была опорой самодержавия, занимала первые места в государственном аппарате. На армию тратились огромные средства, но жизнь и здоровье крестьян, из которых состояла армия, ценились ни во что. «Русский солдат гол как сокол, голоден как пес, остер как бритва» — эту «известную поговорку» приводит в своих воспоминаниях Д. Ахшарумов. Солдат косили болезни в мирное время не меньше, чем пули на войне. Солдатская служба была каторгой.

Олицетворением царской власти была власть вездесущей полиции и жандармов. Полицейский произвол был средством парализовать в народе всякий протест. Передовые люди с возмущением следили за репрессиями николаевского правительства. Петрашевцы интересовались судьбой ссыльных декабристов, поляков, сосланных за восстание 1830 г., судьбой Т. Г. Шевченко, знали о многих политических делах своего времени, например о расправах с воспитанниками Училища правоведения в 1848—1849 гг. за их сочувствие французской республике и свободе Польши, и других.

III Отделение, утверждал Петрашевский, «вооружая брата на брата, отца на сына, сына на отца», сходно с орденом иезуитов. Подобные учреждения «сделаны для того, чтобы подавить все умственные развития и тем охранить монархическую власть». Лучшие умы России, отрешавшиеся от сословно-помещичьей идеологии эксплуататоров, осуждали и ненавидели самодержавие, антинародный крепостнический строй.

Деятелями и поборниками демократического движения становились люди, наиболее чуткие к страданиям народа.

Демократическое движение, указывал В. И. Ленин, тесно связано с существованием «исстрадавшихся народных масс». Русская демократия, начиная с Белинского, всегда выражала интересы самых широких масс населения в борьбе за элементарнейшие права народа, нарушаемые крепостническими учреждениями. Поэтому она необходимо шла под знаменем радикальных политических идей<sup>1</sup>. Среди авангарда демократической интеллигенции 40-х годов были и петрашевцы.

---

<sup>1</sup> См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, стр. 169—170.

...Людей одинакового с нами образа мыслей, нам сочувствовавших, без сомнения, надо было считать не сотнями, а тысячами.

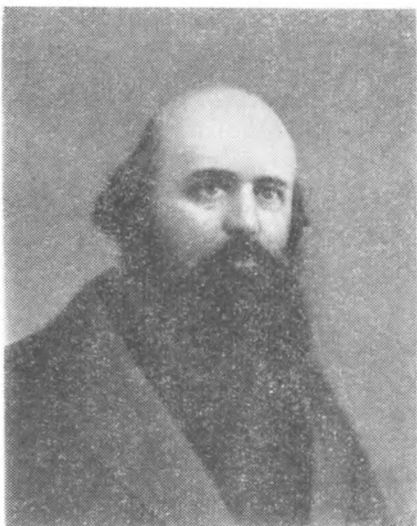
*Петрашевец Д. Ахшарумов.*

В эпохи кризиса идейное развитие общества идет чрезвычайно быстро и интенсивно. По сравнению с недавним прошлым, в 40-х годах, неизмеримо вырос круг людей, охваченных антикрепостническими настроениями и осуждавших политический режим царизма.

При полном отсутствии демократических свобод — слова, печати, представительных учреждений — общественные течения развивались в многочисленных кружках в среде интеллигенции. Уже в конце 30-х годов XIX в. оформилось славянофильское направление, консервативное политически, но ставившее в центр своих интересов жизнь народа. Позже наметились различия в кругу так называемых западников, стремившихся к европеизации отсталой крепостной России и к известной демократизации ее политического строя. Русский либерализм создал свой идейный центр в петербургском кружке К. Кавелина, Н. Милютина и А. Заблоцкого-Десятовского. Близкие к кружку люди — «бюрократы-реформаторы» и петербургские профессора — собирались у Н. И. Надеждина, бывшего редактора «Телескопа» и прогрессивного критика 30-х годов, затем чиновника министерства внутренних дел.

В этом кружке слышались «вольнодумные разговоры», резкие слова против правительства. Но в 1848 г. открытые собрания либералов прекратились, репрессиям они не подвергались. В дальнейшем это течение выработало практическую программу русского либерализма в крестьянском вопросе, во многом осуществленную реформой 1861 г. А. Заблоцкий-Десятовский, автор секретной записки «О крепостном состоянии» (1841), кото-

рая в свое время была «целым обвинительным актом» против крепостных отношений, писал, что в 40—50-х годах либералы не были ни революционерами, ни конституционалистами, никогда не мечтали о перестройке общества на новых началах, а хотели лишь «водворения правды» там, где им приходилось действовать. Идея законности в их глазах не разрушала, а поддерживала существующий порядок.



М. В. Петрашевский.

Одновременно возникали многочисленные кружки, в которых постепенно складывалось и крепло новое течение, приобретавшее в ходе развития черты революционного демократизма. В основном это были кружки дворянской и разночинской молодежи, в той или иной степени осознававшей кризис крепостной России и искавшей общественного дела. Этой молодежи негде было приложить свои силы, кроме постылой и бесполезной чиновничьей или военной службы. А. И. Пальм, молодой офицер, занимавшийся литературой, писал в 1845 г.: «Вот несчастье нашего поколения: есть головы светлые, талантливые, есть жажда, есть идея о лучшем, а нет поприща этим головам. Их еще нарочно осадят назад, не дадут им ходу... На всем, чего нужно бы коснуться, лежит печать запрещения — и пиши, знай, сладенькие повести».

В таких кружках, отмечал в своих воспоминаниях В. В. Стасов, известный критик, боровшийся за демократическое искусство, собирались для споров, для обмена мыслями, для столкновения мнений, для «храброй переоценки всего существующего». В товарищеских спорах молодежи «формируются мнения, здесь крепнут убеждения, здесь после длинного кручения направо и нале-

во по сотням лабиринтов и неизведанных дорог разъясняются сомнения и мысль ступает на твердую землю, формируется характер».

Идейным вдохновителем нового течения был В. Г. Белинский, который явился настоящим воспитателем для молодежи всей России. Разъясняя типические образы литературы, Белинский анализировал и судил русскую социальную действительность и тем поднимал литературную критику на уровень общественно-политической борьбы. С начала 40-х годов Белинский оказывал огромное влияние на складывающийся лагерь революционной демократии. «Громадное значение Белинского, — писал В. Стасов, — относилось, конечно, никак не до одной литературной части: он прочищал всем нам глаза, он воспитывал характеры, он рубил, рукою силача, патриархальные предрассудки, которыми жила сплошь до него вся Россия... Мы все — прямые его воспитанники».

Воспитанниками Белинского были, конечно, и петрашевцы.

Глубокое воздействие оказывали на молодежь философские работы А. И. Герцена, печатавшиеся в первой половине 40-х годов. Герцен боролся за материалистическое мировоззрение, за связь философии с естествознанием, за доступность знания народу. Он раскрывал реакционность и кастовость идеалистических философских систем. Мысли Герцена отражены в статьях «Карманного словаря», в высказываниях Петрашевского, Баласогло, Кашкина и других петрашевцев. Когда петрашевец В. Энгельсон познакомился впервые со статьей «Дилетантизм в науке», новая жизнь раскрылась перед ним; он жадно искал произведения Герцена, думал над поднятыми в них вопросами; в нем родились революционные настроения, желание мести царизму за народ.

О кружках петрашевцев сохранился обильный материал: следственные дела, мемуарная литература, произведения самих петрашевцев — писателей и публицистов<sup>1</sup>. Для своего времени деятельность петрашевцев бы-

---

<sup>1</sup> Основными источниками для изучения взглядов и деятельности петрашевцев являются публикации: «Петрашевцы», тт. I—III, М.—Л., 1926, 1927, 1928; «Дело петрашевцев», тт. I—III, М.—Л., 1937, 1941, 1951; Н. Ф. Б е л ь ч и к о в, Достоевский в процессе петрашевцев, М.—Л., 1936; сб. «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», М., 1953; также: «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка», СПб., 1845—1846;

ла явлением большого масштаба. Она представляет особый интерес как непосредственное свидетельство зарождения и складывания нового общественного лагеря, оформившегося позже как лагерь революционной демократии. Говоря об общественном лагере 40-х годов XIX в., мы, конечно, не должны представлять его как некую политическую группу, связанную определенной организацией. Общественный лагерь — это достаточно широкий круг интеллигенции, обладающей известной общностью социально-политических взглядов, которые связывают ее с действительными интересами и нуждами определенного класса.

Через собрания петрашевцев прошло много десятков людей. В их числе были люди с либеральными воззрениями, мирившиеся с монархическим строем, боявшиеся развязывания классовой борьбы крестьянства. В теориях утопических социалистов их интересовали положения, касавшиеся методов повышения производительности труда и выгод потребительской кооперации, обещавшие смягчение классовых противоречий. Таковы были Н. Я. Данилевский, впоследствии реакционный публицист-неославянофил, А. П. Беклемишев, впоследствии губернатор, экономисты Е. И. Ламанский и И. В. Вернадский, впоследствии столпы буржуазного либерализма, сибирские промышленники П. Н. Латкин и Р. А. Черносвитов. Однако не эти люди определяют общественное лицо петрашевцев. В числе петрашевцев были люди, которых царизм признал революционерами и жестоко покарал. Они бесстрашно пропагандировали передовые идеи, стремились создать конспиративную организацию. Документы многих петрашевцев свидетельствуют об их пытливых исканиях в области революционной теории. Именно эти петрашевцы (М. Петрашевский, А. Ханыков, Н. Спешнев, П. Филиппов, Д. Ахшарумов, И. Дебу, Н. Кашкин, Ф. Толь, А. Европеус, Н. Момбелли и мно-

---

В. А. М и л ю т и н. Избранные произведения, М., 1946; сочинения М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ф. М. Достоевского, А. Н. Плещеева и других писателей-петрашевцев; дневник Н. Г. Чернышевского; сб. «Поэты-петрашевцы», Л., 1940; «Записка о деле петрашевцев Ф. Н. Львова и М. В. Петрашевского» («Литературное наследство», т. 63, 1956), многочисленные источники мемуарного характера. В настоящей работе использованы также неопубликованные архивные материалы.

гие другие) своей деятельностью определили направление своих кружков.

Развитие демократического лагеря шло в борьбе, в спорах и разногласиях по поводу насущных общественных вопросов современности. Петрашевцы стояли на гребне общественного движения своего времени. Они пытались выработать передовую теорию, чтобы на ее основе бороться за лучшее социальное устройство. Они сделали самостоятельные шаги и в революционной практике.

Петрашевцы были уверены в существовании множества своих единомышленников. Рядом с сотней арестованных по делу петрашевцев, писал Д. Ахшарумов, «оставшихся на свободе людей одинакового с нами образа мыслей, нам сочувствовавших, без сомнения, надо было считать не сотнями, а тысячами»<sup>1</sup>.

«Чрезмерно большее число, в сравнении с стоявшими на эшафоте, но совершенно таких же, как мы, петрашевцев, осталось совершенно нетронутым и необеспокоенным, — писал Ф. Достоевский. — Правда, они никогда и не знали Петрашевского».

И действительно, имя петрашевцев вскоре получило нарицательный характер. «Я сделался петрашевцем», — так рассказал известный сибирский общественный деятель Г. Н. Потанин о перемене своих убеждений после знакомства с ссыльным петрашевцем С. Ф. Дуровым.

Демократические кружки 40-х годов были распространены гораздо шире, чем это показывают сохранившиеся источники. В период расправы над петрашевцами многие документы и дневники уничтожались из страха перед жандармами. Особенно мало сведений имеется о провинциальных кружках, хотя они, несомненно, существовали.

Больше, чем о других, нам известно о некоторых кружках, так или иначе связанных с кружком Петрашевского.

В середине 40-х годов в Петербурге существовал кружок братьев Бекетовых, у которых собиралось до 15 человек молодежи. Душою собраний был старший брат, Алексей Николаевич, товарищ Ф. М. Достоевского по Главному инженерному училищу. Младшие, Николай и Андрей, в будущем известные ученые, были студентами

---

<sup>1</sup> Д. Д. Ахшарумов, Из моих воспоминаний, СПб., 1905, стр. 16.

Петербургского университета. Писатель Д. В. Григорович характеризовал настроения этого кружка, как «негодующий благородный порыв против угнетения и несправедливости». А. В. Ханыков, товарищ Бекетовых по университету, называл их социалистами. Около 1846 г. кружок распался в связи с переездом Бекетовых в Казань. Из него перешли в кружок Петрашевского Ханыков, Плещеев, Достоевский, а также, как пишет, не называя имен, Григорович, и другие.

Осенью и зимой 1846—1847 гг. собирался кружок офицеров у Н. А. Момбелли, в казармах лейб-гвардии Московского полка. Деятельность этого кружка, с ярко выраженными общественными интересами, раскрывает малоизвестные демократические настроения в николаевской армии. Момбелли был образованный офицер. Друзья отмечали его необыкновенную «страсть к знаниям». Несколько лет он посещал литературные «пятницы» писателя и учителя Е. П. Гребенки, был знаком с Т. Г. Шевченко и интересовался его творчеством. Сам он пробовал свои силы в литературе. Он записал рассказ участника восстания в Варшаве в 1830 г., перевел стихотворение А. Мицкевича «К друзьям русским», посвященное декабристам.

За полгода у Момбелли перебивало 42 посетителя, в том числе 16 офицеров, его однополчан, и около десятка штатских — чиновники, писатели, музыканты. Сплоченное ядро кружка составляли офицеры Н. А. Момбелли, А. И. Макшеев, Н. Н. Кармалин, А. П. Никитин, Ф. Н. Львов, Н. Д. Языков. Макшеев, известный впоследствии географ, и Кармалин в 60-х годах были участниками демократического движения в армии. Ф. Н. Львов занимался химией, преподавал ее в Павловском кадетском корпусе и обработал для печати лекции проф. Н. И. Витта. Офицеры читали свои литературные, исторические и естественнонаучные статьи, знакомились с цензурными купюрами из «Горя от ума», с антирелигиозными взглядами Вольтера, энциклопедистов и Волнея, с эпизодами из истории русского самодержавия по запрещенной книге П. В. Долгорукова и другим источникам, с историей польского восстания.

Вечера Момбелли были прекращены по настоянию начальства. С осени 1848 г. Момбелли и Львов стали посещать кружок Петрашевского.

Кружок молодежи, в том числе будущие петрашев А. И. Пальм и С. Ф. Дуров, соби́рался у известного тещественника, географа Егора Петровича Ковалевскаго, который в 1847—1848 гг. вел исследования в Африке. Ковалевский с сочувствием относился к негритянским племенам и протестовал против их порабощения европейцами. Его племянник, писатель П. М. Ковалевский впоследствии красочно изобразивший кружок петрашевцев в романе «Итоги жизни» (1883), считал своего дядю причастным к кругу петрашевцев и спасшимся лишь по счастливой случайности. «Сколько так называемых петрашевцев соби́ралось у него по вечерам, — вспоминает П. М. Ковалевский, — и какая совершалась тут уголовщина, вроде чтения известного письма Белинского Гоголю».

Непосредственное влияние петрашевцев отразилось на студенческом кружке, созданном в Казани переселившимися туда семьями Бекетовых и Благовещенских. Этот кружок, руководителями которого стали, по-видимому, Лев Благовещенский и Николай и Андрей Бекетовы, оказал большое воздействие на В. В. Берви-Флеровского, в будущем одного из первых революционных народников, автора книги «Положение рабочего класса России» (1869). В автобиографическом романе Берви-Флеровского восторженных тонах передал свои юношеские впечатления от новых студентов, появившихся в Казанском университете, которые самостоятельно следили за наукой по иностранным журналам, высказывая более передовые научные взгляды, чем большая часть казанских профессоров. Эти студенты старались влиять и на политическое развитие студенческой массы, собирали у себя молодежь на собраниях «являлись на сцену» Беранже, Фурье, Прудон, Оуэн, Луи Блан. «Обильным источником возбуждающих разговоров» на собраниях были также рассказы о петербургской общественной жизни, «в особенности о Петрашевском и о рубашке Филиппове».

Кружок был связан с представителями казанской передовой интеллигенции.

У тогдашнего студента Казанского университета Л. Н. Толстого (он вышел из университета в 1847 г.) в автобиографическом материале его ранних произведений можно найти следы знакомства с идеями утопического социализма. В черновом тексте «Казаков» Тол-

стой рассказывал, как в молодом Оленине зарождалось отрицание существующего общественного порядка: «Открылось, что все наше гражданское устройство есть вздор, что религия есть сумасшествие, что наука, как ее преподают в университете, есть дичь, что сильные мира сего большей частью идиоты или мерзавцы, несмотря на то, что они владыки».

Тесную связь с кружком Петрашевского имел также небольшой кружок, созданный в Ростове (Ярославском) чиновником министерства государственных имуществ В. И. Кайдановым, сыном известного историка. Бывший лицеист, посещавший Петрашевского с 1845 г., он ревностно интересовался новейшей социалистической литературой и выписывал ее через посредство Петрашевского и своего брата Н. И. Кайданова, постоянного посетителя «пятниц». Получаемыми книгами он делился с друзьями. Он начал переводить «Чтения о социализме» К. Бидермана и перевел первое «Чтение», куда входила тема о происхождении пролетариата. Его перевод переписывали другие.

Настроения демократической молодежи окрашивали зрелая: общественную жизнь 40-х годов трудно представить без деятельности кружков петрашевцев. Это подчеркнул впоследствии Глеб Успенский, советовавший автору одного романа из эпохи 40-х годов прибавить главы о Петрашевском и его кружке. Надо «ярче выставить студенчество того времени, — замечал Успенский. — Это необходимо для того, чтобы фигура Петрашевского и его товарищей была ярче и чтобы вообще ярче было время 40-х годов». Петрашевцы имели широкие связи с чинами, в частности со студентами Петербургского университета и воспитанниками Лицея, с учителями, в том числе с преподавателями кадетских корпусов, с мелкими министерскими чиновниками, с начинающими литераторами и художниками, с передовыми офицерами. Петрашевцы оказывали влияние на идейное формирование молодежи, обращая большое внимание на пропаганду среди учащихся.

Петрашевский по окончании Лицея сохранил связь с младшими лицеистами, которые посещали его по праздничным дням. Влияние знакомства с Петрашевским было обнаружено лицейским начальством «в скептическом настроении мысли» этих лицеистов «относи-

тельно предметов веры и существующего общественного порядка, якобы несовместного с благоденствием людей». За это был исключен из Лицея А. М. Унковский, известный впоследствии прогрессивный деятель периода крестьянской реформы. «Кто знает, — вспоминал Унковский, — если бы не обыск в Лицее в 1844 г., то в 1848 г. я угодил бы вместе с Петрашевским в Сибирь, на каторгу».

Петрашевец А. В. Ханыков проявил большое внимание к студенту Н. Г. Чернышевскому, вел с ним долгие разговоры, снабжал книгами, давал ему свои статьи для чтения в университетской аудитории. «Дельный человек, ужасный пропагандист», — писал о нем Чернышевский. В начале знакомства с А. В. Ханыковым и И. М. Дебу Чернышевский еще внутренне сопротивлялся их антирелигиозным взглядам, их отрицанию семейного рабства, хотя радикальные политические взгляды петрашевцев он уже разделял вполне, подготовленный самостоятельными размышлениями по поводу событий революции 1848 г. Ханыков подвел его к мысли о возможности и близости революции и в России, указал на реальные «элементы возмущения» в русской действительности и тем дал толчок к дальнейшему развитию революционных взглядов Чернышевского. Только арест петрашевцев помешал Чернышевскому войти в их круг.

Очень близок к кружкам петрашевцев и по интересам и по личным связям был кружок, собиравшийся в конце 40-х — начале 50-х годов у И. И. Введенского. Введенский преподавал словесность (т. е. историю литературы) в военно-учебных заведениях. Это был типичный демократ-разночинец. Почти ровесник Белинского и Герцена (он родился в 1815 г.), Введенский происходил из духовенства, учился в семинарии и затем в Московском университете, прошел школу бедности и тяжелой литературной поденщины. Человек с очень живым, страстным характером, он в преподавательской работе проводил свои новаторские взгляды. Он был преданным сторонником Белинского. «Протест против рутинных мнений в науке и литературе высказывался им смело и резко», — писал А. П. Милюков.

В связи с процессом петрашевцев на Введенского был сделан донос, что он являлся «задушевым другом» Петрашевского. У Введенского собирались учителя, сту-

денты, литераторы (сам он был известным в свое время переводчиком Диккенса). Из его посетителей с кругом петрашевцев были связаны учителя А. Печкин и А. Милюков (Печкин бывал на вечерах у Плещеева, Милюков — у Дурова и Момбелли), литератор Д. И. Минаев, знакомый с Дуровым и Баласогло. Студент IV курса Чернышевский, ходивший к Введенскому с конца 1849 г., был знаком с петрашевцами Ханыковым, И. Дебу, А. Толстовым.

В числе других Введенского посещали филолог П. С. Билярский, будущий академик, студент Г. Е. Благосветлов, будущий публицист и издатель демократического журнала «Русское слово», А. А. Чумиков, издатель прогрессивных педагогических журналов 60-х годов. В связи с европейскими событиями в кружке усилились политические интересы и революционные настроения. «Реформы Пия IX и народное движение в Италии, — вспоминал Милюков, — а затем февральская революция в Париже и отголоски ее почти по всей Западной Европе отодвинули литературные интересы на второй план и обратили общее внимание на современные политические события... сочинения Прудона, Луи Блана, Пьера Леру нередко вызывали обсуждения и споры».

Расправа правительства с петрашевцами взволновала кружок. Здесь обсуждали приписываемые петрашевцам заговорщические планы и мечтали о близком народном восстании, которое освободило бы осужденных. В сентябре 1850 г. на многолюдном вечере, где было 16—18 человек, Д. И. Минаев, при очевидном сочувствии слушателей, «рассказывал о жестокости и грубости царя и т. д. и говорил, как бы хорошо было бы, если бы высказался какой-нибудь смельчак, который решился бы пожертвовать своей жизнью, чтоб прекратить его», — написал Чернышевский<sup>1</sup>.

Кружок Введенского оказал очень большое влияние на выработку литературных взглядов молодого Чернышевского, на его отношение к Белинскому и Герцену.

Собрания у Введенского продолжались в самую опасную пору реакции конца 40-х — начала 50-х годов. Это подтверждает наличие в этом кружке революционно-демократических настроений. Члены кружка хранили

<sup>1</sup> Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. I, М., 1939, стр. 395.

список письма Белинского к Гоголю, полученный от петрашевцев, и позже переслали его в Лондон Герцену.

К тому времени, когда Петрашевский начал собирать у себя кружок, ему было 23—24 года. Это был очень живой и деятельный человек, много читавший и усердно наблюдавший окружающий мир.

Петрашевский «представлял замечательный тип прирожденного агитатора», отзывался о нем П. П. Семенов-Тянь-Шанский.

Характер Петрашевского выработался постоянным сопротивлением окружающей его среде. Еще когда он учился в Лицее, он до того восстановил против себя лицейское начальство, что был выпущен, при блестящих способностях, с правом на самый низший чин — 14-го класса. На юридическом факультете Петербургского университета, который он окончил со званием кандидата в 1841 г., он разоблачал и дурачил недобросовестных профессоров. В дневнике Добролюбова сохранился университетский анекдот, как Петрашевский во всеуслышание кричал, что латинист поставил ему «пятерку» за 200 рублей.

Поступив на службу переводчиком в департамент внешних сношений министерства иностранных дел, Петрашевский постоянно вступал в конфликты с полицейскими властями, защищая притесняемых полицией иностранцев.

Теоретические взгляды Петрашевского развивались вместе с развитием общественной борьбы в 40-х годах. Особой чертой таких людей, как Петрашевский, была постоянная потребность в практическом действии. Он был погружен с головой в свои организационные дела, в воспитательную работу с людьми, в литературно-издательские замыслы, в реформаторские проекты. Общественная деятельность Петрашевского не вмещалась в рамки его «пятниц», он посвящал ей все свое время.

В 1844 г. он пытался получить место преподавателя юридических наук в Лицее, что вызвало крайнее недовольство начальства и повлекло даже учреждение секретного надзора за «опасным» для юношества претендентом. Вместе с чиновником сената А. Н. Барановским Петрашевский открыл юридическую контору, предлагая бесплатное ходатайство по делам для неимущих клиентов. Когда в 1846 г. в Петербурге было реформировано

городское сословное самоуправление, Петрашевский выставил свою кандидатуру в секретари городской думы. Эта должность привлекала его; он считал возможным пробудить в избирателях общественную инициативу, вызвать обсуждение нужд населения, а затем и подачу правительству заявлений политического характера. Добиваясь своего назначения, Петрашевский выпустил литографированную «программу», которая до нас не дошла. В ней объяснялись обязанности избирателей и депутатов, а также намечалась какая-то программа деятельности городской думы. Так, дума должна была взять на себя ряд хозяйственных задач, устранив от этих дел полицию, а также защищать «против притязаний полиции» домохозяев. Естественно, такой секретарь думы оказался неприемлемым для министерства внутренних дел. Но Петрашевский не отступил и подал жалобу в сенат, обвиняя министерство в незаконном отклонении его кандидатуры. Уже сидя в Петропавловской крепости, он получил отказ от сената.

Борьба с произволом власти у Петрашевского принимала форму борьбы за законность. Но эта «законность» имела целью не поддерживать власть, как это делали либералы, а, напротив, ослаблять ее позиции. Петрашевский «жалел, что в России нет людей, которые поймали бы правительство на слове, на его мнимом уважении к законности, и пытался первым проделать этот опыт», — писал В. Энгельсон.

Петрашевский готовился действовать и на поприще публицистики. Создать прогрессивный журнал, который бы выражал «потребности самого общества», было его постоянной мыслью. Эти планы разделяли и другие петрашевцы. Еще в конце 1841 г. Петрашевский набросал программу задуманного журнала. «Наш журнал русский и для русских, — писал он, — а потом для Европы». Журнал должен обратить наибольшее внимание на общественные науки — историю, словесность, политическую экономию, философию, «имеющие наибольшее значение в общежитии и влияние на его развитие». «Главное же, — заявлял Петрашевский, — возбудить, разбудить, вызвать чувство народности и самобытности во всех отношениях»; главной мыслью, главным предметом «должна быть Русь, и это начало должно быть развиваемо во всех направлениях».

Планы издания журнала сблизили с Петрашевским М. Е. Салтыкова, которого он приглашал в будущие сотрудники.

Петрашевцы стремились поднять общественное значение демократической публицистики. На своих «пятницах» Петрашевский требовал от литераторов, чтобы они «считали себя в государстве деятелями, а не чем-то лишним, какою-то роскошью», чтобы они вступали в борьбу с своеволием цензоров, чтобы писатель вступался бы за вымаранные места и апеллировал бы в цензурный комитет. Так он поступал и сам, когда отстаивал от цензора статьи «Карманного словаря».

По убеждению Петрашевского, передовой журнал, как орган определенного направления, должен был составляться «на акциях», это обеспечивало бы его идейную независимость. Такому идеалу журнала соответствовал новый «Современник», в 1847 г. перешедший в руки Некрасова и Белинского и ставший центром независимой демократической мысли. В 1847 г. Петрашевский пытался взять в свои руки журнал «Финский вестник», года два сохранявший прогрессивное направление, но к этому времени захиревший.

Оригинальным осуществлением пропагандистских замыслов Петрашевского был «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка». Это было главным трудом Петрашевского в начальный период его собраний. Два выпуска словаря вышли в 1845 и 1846 гг. В первом выпуске редакторская работа в значительной степени выполнялась Валерианом Майковым, при участии Петрашевского и Р. Р. Штрاندмана. Второй выпуск Петрашевский составлял самостоятельно, придав ему совершенно своеобразный характер.

Издатель словаря Н. С. Кирилов имел в виду выпустить обычное справочное пособие для объяснения новых терминов, вливавшихся в русскую публицистику. Майков и Петрашевский использовали это издание, придав ему форму маленькой «энциклопедии понятий, внесенных к нам европейской образованностью», объединив материал общим идейным направлением. Майкову принадлежали статьи по вопросам философии и эстетики. В них отразилось влияние философских работ Герцена. Петрашевский редактировал в первом выпуске статьи политического содержания.

Первый выпуск с одобрением был встречен Белинским.

Во втором выпуске, вышедшем через год, в апреле 1846 г., пропагандистские особенности издания были резко усилены. Петрашевский, искусно подбирая слова и гнезда слов, включил в словарь серию крупных статей, придав словарю характер цельного произведения, рассчитанного на сплошное чтение. В таком замаскированном виде он провел через цензуру большой и содержательный материал, включавший материалистическое учение Фейербаха, теории утопических социалистов, антифеодальное законодательство французской революции, «ядовитую критику современного состояния России», осуждение защитников рабства, одобрение национально-освободительной борьбы и многое другое. Словарь является ценнейшим источником для изучения взглядов петрашевцев, постепенно развивавшихся в сторону революционного демократизма.

Эта маленькая книжечка, густо набранная петитом в два столбца, является действительным чудом, так как Петрашевский сумел провести ее через цензуру. Он с необыкновенной настойчивостью боролся с цензором, который, конечно, и вымарывал, и целиком запрещал отдельные статьи, но не мог одолеть Петрашевского. Однако тотчас по выходе второго выпуска дальнейшее издание было запрещено, а тираж книги изъят и впоследствии уничтожен. Политический словарь Петрашевского хорошо знали в прогрессивных кругах — успело разойтись около 400 экземпляров, и он долго еще продавался у букинистов по повышенной цене. В 1849 г. во время процесса петрашевцев было обращено внимание также и на 1-й выпуск. Остатки его негласно скупили по всей России и также уничтожили.

Мысль моя — статья во главе разумного движения в народе русском.

*М. Петрашевский.*

Постоянные собрания у Петрашевского начались в 1845 г., когда умер его отец, известный хирург, и он стал жить самостоятельно. Секретный надзор за ним весной 1844 г. не обнаружил ничего подозрительного и был через 2 месяца снят. Круг посетителей Петрашевского в это время был еще незначителен. Но небольшая группа молодежи собиралась у него уже в 1844 г. М. Е. Салтыков показал: «По выходе из Лицея (в 1844 г.) я бывал у Петрашевского нередко по пятницам, когда у него собирались человек до шести, а иногда и семи». Они были приняты у Петрашевского, «так сказать, в приготовительный класс»: в известные дни их собирали и читали им сочинения Фурье, Кабэ и т. п.

С осени 1845 г. маленькая квартира Петрашевского на Покровской площади (сейчас площадь Тургенева) по пятницам стала наполняться новыми посетителями. «Ко мне всякий мой знакомый вводил кого хотел», — писал Петрашевский в своих показаниях. И сам он приглашал к себе всех, кто привлекал его внимание. Он дорожил публичностью своих собраний.

В 1845—1846 гг. среди гостей Петрашевского появились люди, уже известные в литературном мире. Талантливый, с разносторонними интересами Валериан Майков после работы над «Словарем» занимал ведущую роль в передовом журнале «Финский вестник», а затем в «Отечественных записках», где он заменил ушедшего Белинского в критическом отделе. В 1847 г. он начал сотрудничать и в «Современнике». В. Майков умер 24 лет, не успев раскрыть всего богатства своих умственных сил. Как вся передовая молодежь 40-х годов, он шел за Белинским и Герценом. Но его политические взгляды были недостаточно выработаны, в его материалистиче-

ском мировоззрении сохранялись черты агностицизма. Майкову была свойственна большая смелость мысли. Он спорил с Белинским по многим вопросам. Он считал метод эмоционального воздействия, которым Белинский покорял читателя, бездоказательным. Майков ценил познавательное значение искусства, видя в нем непосредственное отражение социально-экономических интересов людей. С другой стороны, он высоко ставил зарождавшееся психологическое направление, считая его шагом вперед в литературе. Майков видел в Гоголе не только «поэта по преимуществу социального», каким его показал обществу Белинский, но исследователя человеческой души. Продолжателем Гоголя в этом психологическом направлении он считал молодого Ф. Достоевского, высоко ценя его повести 40-х годов, которые (после «Бедных людей») не одобрял Белинский.

Майкову не нравилась политическая атмосфера на «пятницах» Петрашевского. Он вскоре перестал бывать на них. Но взгляды Майкова не были чем-то чуждым демократическому мировоззрению петрашевцев. Элементы этих взглядов находим у Ф. Достоевского, С. Дурова и других петрашевцев.

Одним из самых первых посетителей кружка Петрашевского был Алексей Плещеев, прославившийся первой книгой своих стихов в 1846 г. Он писал также повести из светско-чиновничьего быта. Гражданские мотивы поэзии Плещеева нравились передовой молодежи. Особым успехом пользовалось его стихотворение «Вперед, без страха и сомненья, на подвиг доблестный, друзья». Оно будило новое чувство единства, товарищества в революционной борьбе. По рукам ходили и нелегальные стихи Плещеева.

В Казани в 40-х годах был составлен и широко распространен в разных слоях общества рукописный сборник избранных стихотворений поэта, которого казанский профессор Д. И. Мейер назвал, «как и Беранже, поэтом всех этажей». В воспоминаниях П. Пекарского, где сообщается этот факт, имя поэта не раскрыто — они были напечатаны в 1859 г., когда петрашевцы еще находились в сфере внимания правительства. По всей вероятности, речь здесь шла о Плещееве: некоторые из его нелегальных стихов уже в 60-х годах превратились в любимые студенческие песни, например песня «По чувствам

братья мы с тобою», посвященная Плещеевым В. Милотину. Эта песня долго жила в студенческой среде.

Посещал «пятницы» талантливый поэт Аполлон Григорьев, в эти годы написавший прекрасные, проникнутые пафосом гражданской гордости и непримиримости стихотворения. Некоторые из них вошли в сокровищницу русской революционной поэзии и были напечатаны в герценовских зарубежных изданиях. Аполлон Григорьев вскоре отошел от кружка и в 50-х годах сблизился со славянофильским лагерем, а в 60-х годах вместе с Ф. Достоевским выступил как создатель нового направления — «почвенничества».

Из первых посетителей Петрашевского был Александр Баласогло, архивариус архива министерства иностранных дел. Он был старше других петрашевцев (род. в 1813 г.) и прожил трудную жизнь. Морской офицер, он вышел в отставку, мечтая стать востоковедом. Но беспросветная канцелярская служба для хлеба стала его уделом. Не пробившись к университетской науке, он самоучкой приобрел многосторонние знания. В своем искреннем автобиографическом показании А. П. Баласогло объяснил, как окружавшая действительность сделала его сторонником идей о социалистическом преобразовании общества. В прошлом была у него и книга стихов и работа над изданием «Памятник искусств» — нечто вроде «текущей энциклопедии искусств»<sup>1</sup>. Работа в архиве, куда он под конец попал, сделала его большим специалистом по истории русской восточной политики. В 1846 г., став членом вновь основанного Русского географического общества, Баласогло разработал проект экспедиции по описанию Сибири и Восточного океана, в которой стремился участвовать. Он помогал Геннадию Невельскому, своему товарищу по Морскому корпусу, обосновать его идею о необходимости поиска прохода из устья Амура в Тихий океан.

В 1847 г. Баласогло составил для Н. Н. Муравьева, назначенного генерал-губернатором Восточной Сибири, исторический обзор об освоении Россией Сибири, Дальнего Востока и Тихого океана<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> «Памятник искусств и вспомогательных знаний» выходил в 1841—1843 гг., вышло в свет 12 тетрадей.

<sup>2</sup> Одна из статей была опубликована в 1875 г. без имени автора. Авторство Баласогло установлено Б. П. Полевым.

Баласогло был постоянно поглощен издательскими замыслами. Он проявлял неистощимую инициативу в своих планах о повышении культуры народа. «Я стремился целую жизнь быть полезным государству и отечеству наукой», — писал он.

В середине 40-х годов Баласогло познакомил петрашевцев со своим проектом кооперативного общества для содействия развитию отечественной литературы. Общество должно было учредить книжный склад с библиотекой для чтения и собственную типографию. Его задачей было высвобождение писателей из зависимости от невежественных и корыстных книгоиздателей и книгопродавцов и создание добросовестной ученой критики на выходящие книги как посредствующего звена между литературой и публикой.

Баласогло упорно пытался создать компанию пайщиков и найти средства для осуществления своего проекта. Но идейные книгоиздательства подобного типа стали возможны в России лишь много позже, когда они смогли опереться на более широкий слой демократической интеллигенции.

Во второй половине 40-х годов Баласогло искал средства для нового просветительного издания «Листок искусств». Предполагалось издание очень дешевых мелких выпусков, знакомящих читателей с лучшими произведениями мировой и русской культуры. Баласогло хотел также принять участие в предполагавшемся издании на акциях журнала «Иллюстрация».

Баласогло мечтал о грандиозном плане издания «целого свода учебников по всем предметам». В связи с этим он разрабатывал единую философскую классификацию наук. Подыскивая сотрудников для осуществления этого нового замысла, он рассчитывал на содействие и петрашевцев: по наукам политическим — Петрашевского и Спешнева, по естественным наукам — Кайданова и Филиппова, по литературе — Пальма, Дурова и других.

Много лет Баласогло работал над своим основным, оставшимся незаконченным трудом «Об изложении наук»; отрывки из него он читал у Петрашевского. Баласогло требовал сделать науку доступной для широких масс. В его мыслях ясно отражено влияние философских статей Герцена. Баласогло подвергал резкой критике западноевропейские книги и справочники по раз-

ным отраслям знаний, доказывая полную непригодность этой обширной литературы для целей самообразования и овладения основами науки. С горькой иронией он описывал, вероятно по собственному опыту, злословия некой «души», жаждущей знания, которая прорывается к науке сквозь броню мнимо-научного стиля и хлам непонятной терминологии, не находя в ученых книгах никакой идеи. Такие книги Баласогло называл «великолепными саркофагами исковерканной и искромсанной науки». Баласогло клеймил кастовое самодовольство и тупость лжеученых, не умеющих писать понятно для масс.

Среди петрашевцев Баласогло был живым, много выдавшим собеседником, спорщиком, поклонником натуральной школы в литературе. Он имел обширное знакомство в самых различных кругах, особенно среди писателей и художников.

Кружок Петрашевского посещали молодые чиновники, вскоре прославившиеся,— Владимир Милютин и Михаил Салтыков. Четыре замечательные статьи В. А. Милютина, появившиеся в 1847 г. в «Отечественных записках» и «Современнике», посвященные критике вульгарной политической экономии и положению пролетариата в Англии и Франции, явились большим вкладом в развитие русской передовой экономической мысли. Статьи Милютина были широко известны его современникам — в них содержались первые положения «политической экономии трудящихся», в 60-х годах блестяще развитые Чернышевским. В 50-х годах он стал профессором права. Ранняя смерть оборвала творчество этого ученого.

В том же, 1847 г. была напечатана первая повесть М. Е. Салтыкова «Противоречия», а в следующем году — «Запутанное дело». Эти повести насыщены социальными и философскими вопросами. Их герои протестуют против бедности, лишаящей человека права на место в жизни, права на счастье; они ищут средств борьбы с основными противоречиями общества. Повести Салтыкова дают чрезвычайно ценный материал для изучения становления революционно-демократической идеологии, которое шло в поисках ответа на эти вопросы. Повесть «Запутанное дело», послужившая причиной высылки Салтыкова, была крупным явлением в реалистической литературе 40-х годов и оставила заметный след в памя-

ти современников. В общественное сознание прочно вошел образ социальной пирамиды, верхушка которой давит на нижние слои общества с такой тяжелой силой, что уродует и сплюсчивает человеческий облик людей.

Кружок посещал литератор Р. Р. Штрандман, участвовавший в составлении «Карманного словаря», а затем сотрудничавший в «Современнике». Внимательно изучал социалистические теории студент Александр Ханыков, младший брат известных впоследствии ученых-географов Я. В. и Н. В. Ханыковых. Н. Я. Данилевский, ученый-естественник, также интересовался теорией Фурье, но вскоре отошел от кружка. В конце 60-х годов он примкнул к реакционному неославянофильскому направлению, выступив с книгой «Россия и Европа», а в области науки был противником дарвинизма.

В следующем сезоне, 1846—1847 гг., в кружке прибавились новые люди. Осенью 1846 г. появился Федор Достоевский, уже известный писатель гоголевской школы, автор «Бедных людей» и «Двойника», введенный в литературу Некрасовым и Белинским. Достоевский был полон творческих планов и надежд. С начала 1847 г. «пятницы» стали посещать талантливые поэты: Аполлон Майков, тоже вступивший в литературу с социальными темами («Две судьбы», «Машенька»), и Сергей Дуров, писавший в русле натуральной школы, в распространенном тогда жанре «физиологических очерков». Писатели натуральной школы, высоко поднятой Белинским, продолжая реалистические традиции Пушкина, Лермонтова и особенно Гоголя, обращались к социальной тематике и стремились критически изображать действительность, освещая беспросветно тяжелую, полную лишений жизнь трудового люда, городских низов и паразитическую, духовно убогую жизнь эксплуататоров.

Лирические стихи Дурова проникнуты задушевной печалью о судьбе обездоленных, обманутых людей. Но он находил сильные слова и яркие образы, переводя революционных поэтов Запада — Беранже, Барбье, Гейне.

В кружке появился учитель словесности, разночинец Феликс Толь. Среди молодых чиновников отметим Владимира Энгельсона, будущего эмигранта, написавшего биографию Петрашевского, и друга Герцена. Отметим братьев Семеновых — Николая, будущего деятеля крестьянской реформы, и Петра, в будущем Семенова-

Тян-Шанского, знаменитого русского географа. Таким образом, уже в первые два года собрания у Петрашевского привлекли немало выдающихся людей. Многие из них были связаны с прогрессивной журналистикой 40-х годов — «Отечественными записками», «Финским вестником», «Литературной газетой», «Репертуаром» и другими журналами, а с 1847 г. и с «Современником». Некоторые лично знали Белинского — Салтыков, Достоевский. Десятки других посетителей-завсегдатаев и случайных гостей перебивали на «пятницах» Петрашевского — студенты, вольнослушатели, учителя, мелкие чиновники.

В эти первые годы задачи кружка можно определить как просветительские. Посетители Петрашевского были люди, «стремившиеся к образованию себя и постоянно говорившие, что воспитание их далеко не кончено и что нужно его довершить». «Прежде чем действовать, нужно учиться, — говорил Петрашевский. — Над нами еще гремит насмешливый стих Пушкина (мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь). Если бы понадобилось — начнем с азбуки наше образование». Ханыкову «нравилось это добродушное и откровенное желание учиться».

Даже у рядовых небогатых представителей интеллигенции собственные домашние библиотеки стали в это время нередким явлением. При аресте петрашевцев А. Баласогло, Н. Кайданова, И. Дебу их книги были «по большому количеству оных опечатаны в квартирах». У Момбелли было взято при аресте 135 русских книг (79 названий) и 454 иностранные книги (195 названий).

Петрашевский ставил задачу глубоко познакомить людей, привлеченных на собрания, с западноевропейскими общественно-экономическими теориями. Это придавало вечерам первой зимы «ученый» характер. Разбирались отдельные сочинения. Много внимания уделялось вопросам политической экономии. Петрашевский доказывал преимущества системы Фурье, «удовлетворяющей всем требованиям человеческим». Он считал себя «одним из старейших пропагаторов социализма» в России. Репутация Петрашевского как социалиста уже в 1845 г. отразилась в литературе: Аполлон Григорьев изобразил его в драме «Два эгоизма» под именем Петушевского, «засезжего фурьериста» из Петербурга, кото-

рый спорит со славянофилом и ценит людей только по их убеждениям, заявляя: «Мнение и человек одно и то же».

«Мы учились, — писал Н. Данилевский, — читали французов XVIII века, Фурье, Кабэ, Леру и новые журналы. Петрашевский втянул нас всех в литературу и политику».

Салтыков вспоминал Петрашевского как «многолюбивого и незабвенного друга и учителя». Принужденный в 1849 г., в ссылке, отречься на допросе от идейной близости с Петрашевским, Салтыков через несколько лет, в «Губернских очерках», высказал свое действительное отношение к человеку, оказавшему на него облагораживающее идейное влияние в юношеские годы. Он вспоминал «долгие, зимние вечера и наши дружеские скромные беседы, заходившие далеко за полночь. Как легко жилось в это время, какая глубокая вера в будущее, какое единодушие надежд и мыслей оживляло всех нас!»<sup>1</sup>

Обсуждались, писал Салтыков, «самые разнообразные и смелые вопросы политической и нравственной сферы», и мысль «фаталистически приходила к сознанию необходимости деятельного начала в жизни... И хотя деятельность, которая представлялась при этом молодым воображением, была трудная и суровая, отовсюду окруженная тревогами и опасностями, но и это как-то не пугало, а разжигало и подстрекало еще более... Новая жизнь проносилась над душою»<sup>2</sup>.

Характер собраний стал изменяться с зимы 1846/47 г. Ворвались живые темы русской жизни и зазвучала критика общественного порядка и окружающей среды. «Вечера эти, — показывал Барановский, — вместо прошлогодних зимних ученых получили самый разнообразный характер: то Баласогло вооружался против семейственности и всех ее условий, то Петрашевский говорил и выставлял преимущества публичного производства суда». Осмеивалось модное в обывательской среде увлечение спиритизмом. Петрашевский и Плещеев «отличались» в анекдотических рассказах о невежестве реакционных профессоров. Конечно, Барановский рассказы-

---

<sup>1</sup> М. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полн. собр. соч., т. 2, Л., 1933, стр. 234.

<sup>2</sup> М. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полн. собр. соч., т. 4, Л., 1933, стр. 305.

вал не все, стараясь убедить следователей, что «все эти разговоры не имели и тени чего-нибудь важного».

В это время от кружка отделились В. Майков, Р. Штрэндман, В. Милютин, М. Салтыков. Существует мнение о кризисе кружка в этот период и распаде его первоначального ядра<sup>1</sup>. Но кружок Петрашевского развивался дальше и превращался в один из центров общественного движения 40-х годов. Содержание работ Милютина и повестей Салтыкова ничем не подтверждает идейного расхождения их авторов с кружком. Первоначальное ядро кружка не ограничивалось теми, кто вышел из него после зимы 1846/47 г. Оно включало и тех, кто оставался в кружке вплоть до его разгрома, и в том числе людей с такой резко выраженной индивидуальностью, как Ханыков, Баласогло, Достоевский, Толь, с начала 1847 г. Дуров, не говоря о ряде других.

Еще к весне 1846 г. относится создание коллективной библиотеки кружка Петрашевского на взносы вкладчиков (от 15 до 30 рублей серебром в год). Книги выписывались с общего согласия по каталогам книгопродавцов, получавших заграничные издания. За три года книг набралось много. Петрашевский был душой библиотеки, ее основным распорядителем и хранителем. Кроме того, он имел личную библиотеку, книги из которой также щедро раздавал для чтения. Значение этих книг для подготовки единомышленников и скрепления связей участников кружка было очень велико.

Что это были за книги? В то время в Россию вливался поток западноевропейской художественной и социально-политической литературы. На первом месте стояла литература предреволюционной Франции, отражавшая кипучую общественную жизнь и борьбу политических партий, освещавшая положение рабочего класса. В ней велась пропаганда различных школ утопического социализма. Франция в то время «разливала по всей Европе идеи социализма»<sup>2</sup>. Во Франции также в изобилии появлялись политические памфлеты, касавшиеся истории русского царизма, его внешней и внутренней политики, крепостного права, национально-освободительной борьбы поляков и т. п.

<sup>1</sup> См.: С. Макашиц, М. Е. Салтыков-Щедрин, М., 1951, стр. 207—212.

<sup>2</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. I. стр. 271.

Царское правительство стремилось создать цензурный барьер для этого потока печатных изданий. С 1832 по 1849 г. в Россию было ввезено, по данным Комитета цензуры иностранной, свыше 9 миллионов экземпляров книг. Ввозимые книги исчислялись сотнями тысяч экземпляров в год. Цензура успела рассмотреть за это время 20 825 книг; из них было запрещено «для публики» — 2631 и «безусловно» 52 названия, разрешено «с исключением предосудительных мест» — 2690 названий, т. е. подверглось цензурным репрессиям свыше 25% книг.

Тем не менее, раз перейдя через границу, запрещенные книги свободно обращались в публике, их продавали букинисты, эти книги имелись у всех желающих. Торговля запрещенными книгами, привозимыми из-за границы морем, производилась в Петербурге, Москве, Либаве, Киеве, Харькове, Вильно и Одессе. В Петербурге у книгопродавца Иосифа Лури, который обслуживал петрашевцев, был обнаружен 2581 том запрещенных книг. А. М. Унковский вспоминал, что «не было ни одной запрещенной иностранной книги, которая не появилась бы в Лицее у малышей 14—15 лет». Лицейская молодежь продолжала читать Фурье, Сен-Симона, Луи Блана даже после дела петрашевцев. Среди студентов Петербургского университета начала 50-х годов были распространены сочинения Леру, Консидерана, Луи Блана.

По богатству запрещенной литературы библиотека Петрашевского представляла выдающееся для своего времени явление. «Петрашевский брался доставать и действительно доставал всякую книгу, которую захотят», — показывал Спешнев. Один из следователей по делу петрашевцев, А. А. Сагтынский, доносил Николаю I: «Особенное внимание обращает на себя огромное количество запрещенных изданий, которое содержится в библиотеке Петрашевского. Можно без преувеличения сказать, что он имел все, что только вышло за границей самого беззаконного (*impie*) и наиболее революционного».

Библиотека Петрашевского была, по признанию многих участников его кружка, «главной заманкою» посещать его. «Знакомством же лично с Петрашевским я особенно дорожил, — показывал Момбелли, — потому что без знакомства с ним я многих книг, может быть, никогда не имел бы случая прочесть, и собственно за книги его расположение высоко ценил».

Книги были одним из важнейших средств пропаганды в кружке петрашевцев. «Выписывать как можно больше книг и раздавать их читать было первым и самым важным средством,—показывал Ахшарумов.—Книги переходили из рук в руки, и таким образом затеяна была пропаганда чтением книг. Книги читались охотно, и это более, нежели что-нибудь другое, имело влияние».

В третьем сезоне, 1847/48 г., в кружке появились Н. А. Спешнев, И. М. Дебу, поэт и писатель гвардейский офицер А. И. Пальм, писатель М. М. Достоевский, чиновник П. И. Ламанский и другие. Николай Спешнев был одним из наиболее замечательных деятелей в кругу петрашевцев. Товарищ Петрашевского по Лицею, он затем учился в Петербургском университете, жил в 1842—1847 гг. за границей, сближаясь с радикальными кружками польской, французской и швейцарской общественности, занимался философией, историей и политической экономией. Он участвовал волонтером в военном походе швейцарских демократических кантонов против реакционных, так называемого Зондербунда. Вернувшись в Россию, принадлежа к состоятельной помещичьей семье, Спешнев не имел нужды служить. Сблизившись с кружком петрашевцев, он принял активное участие во всех их начинаниях, особенно в попытках осуществления конспиративных замыслов.

Интересен также Ипполит Дебу, молодой чиновник министерства иностранных дел, вместе со своим университетским товарищем Д. Ахшарумовым много думавший над социальными и политическими вопросами.

Прилежным читателем и участником собраний был Порфирий Ламанский, младший отпрыск большой консервативной чиновничьей семьи, представители которой заняли видные места в рядах либеральной интеллигенции второй половины XIX в.

С развитием кружка постепенно изменялась задача, которую ставил его организатор. Теперь Петрашевского вдохновляла цель широкого распространения передовых идей в обществе. Посетители кружка вовлекались в теоретические споры, которые Петрашевский умело направлял. Вечера Петрашевского, писал Ахшарумов, «были, так сказать, рассказом и толком обо всем читанном и слышанном, и он сам более всех пояснял и растолковывал».

вал все мысли». На высказанное сомнение в пользу «схоластических споров» Петрашевский возражал, что он «рад таким спорам, и они необходимы, потому что, согласив наконец мнения о началах, следствия из них должны проистечь единодушные и единообразные».

Петрашевский терпеливо боролся за людей, щедро тратя на них свое время и внимание, втягивая их в круг передовых философских и общественных интересов.

Уже в конце 1847 г. кружок петрашевцев сделался заметным в общественной жизни Петербурга. «У него со-



В. Н. Майков.

бираются социалисты», — говорили, встречая Петрашевского, в 1847 г. Хвалясь приманками петербургской культурной жизни, один из посетителей кружка писал: «Зато у нас опера, цирк, Михайловский театр... Зато у нас проповеди Нильсена и пропаганда Петрашевского, зато у нас публичные лекции и фельетоны Плещеева». Это письмо (В. Петрова) до сих пор ошибочно датировалось декабрем 1848 г. Между тем, по сообщаемым им новостям, оно должно быть отнесено к 1847 г. Оно подтверждает, что кружок петрашевцев стал одним из центров передовой мысли еще до 1848 г., до подъема, связанного с революционными событиями в Западной Европе.

Характерно, что в либеральных кругах к собраниям у Петрашевского относились отрицательно.

«О «пятницах» Петрашевского знал весь город, но знал так, что о них говорили, не иначе как смеясь», — писал либеральный экономист К. С. Вессловский. Он от-

звался о Петрашевском как о Дон-Кихоте, а посетителей его считал «без разбора нахваченными знакомствами».

По словам Баласогло, Петрашевского ославили «человеком пустым, безграмотным, таким, для которого нет ничего святого». Такая репутация красноречиво говорит о начинавшемся процессе размежевания либерального и демократического течений.

Рост кружка Петрашевского отражал подъем демократического движения в конце 40-х годов. 1847 год — год создания лучших литературных обзоров Белинского, четко выдвинувших как основную национальную задачу борьбу с крепостничеством, год написания им письма Гоголю, в котором с исключительной силой разоблачался антинародный и реакционный характер самодержавия. 1847 год — год появления обновленного «Современника» Некрасова и Белинского. В этом году появились «Письма из Avenue Marigny» Герцена с резкой критикой буржуазного «мещанства» господствующих классов западноевропейских стран. В этом году были напечатаны замечательные статьи В. Милютина. В этом году вышел отдельным изданием роман Герцена «Кто виноват?», появились первые рассказы о крепостных Тургенева из серии «Записки охотника», выступил впервые в печати Салтыков. 1847 год был годом дальнейшего расцвета натуральной школы. 1847 годом датирует начало социального движения в Петербурге причастный в свое время к кружку петрашевцев Е. И. Ламанский.

С зимы 1847/48 г. пропагандистские задачи кружка Петрашевского получили дальнейшее оформление. «Только с зимы 1847 г. — показывал Ханыков, — можно сказать определеннее о вечерах Петрашевского, потому что разговор, вследствие предложения, сделанного Спешневым, чтобы говорящий выбирал себе президента, сделался из случайного, отрывочного, заметным и удобопомытным».

●

**1848—1849 гг.**  
**ГЛАВНЫЙ ВРАГ — САМОДЕРЖАВИЕ**

...Исполнители воли его бьют его подданного, как палкою по кости... но слезы высыхают... является ненависть.

*М. Петрашевский.*

Наиболее насыщенный период деятельности петрашевцев падает на 1848—1849 гг. Он связан с революционными событиями в Западной Европе и подъемом крестьянского движения в России.

Борьба французских пролетариев, свергнувших июльскую монархию и давших толчок к революционным восстаниям в ряде других стран Европы, и рядом с этим, и как следствие этих событий, резкое усиление реакционности царизма ускорили созревание революционно-демократических настроений в русском обществе. Русские демократы с глубоким вниманием следили за развертывавшейся во Франции борьбой политических партий, учась различать в ней столкновения классовых интересов, с возмущением наблюдая антинародные и своекорыстные действия буржуазных республиканцев «Националя», с сочувствием относясь к мелкобуржуазной оппозиции «Ресформы», жалея обманутых и побежденных рабочих. Чернышевский в своей автобиографии называл время «до третьего, четвертого месяца» 1848 года «средними веками» своей личной истории, подчеркивая этим, что с событий февральской революции для него началась эпоха нового политического сознания<sup>1</sup>.

Живой пример политической борьбы и энергичные выступления народных масс на Западе обостряли ненависть русских передовых людей к мертвящему крепостническому режиму в России, заставляли глубже задумываться над вопросами борьбы с самодержавием и над перспективами народной революции. Все это с чрезвычайной яркостью отразилось в дальнейшей дея-

---

<sup>1</sup> См.: Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. I, стр. 664.

тельности кружка петрашевцев, в жизни которого началась новая полоса.

Уже в марте 1848 г. Петрашевский стал искать более действенных методов пропаганды в своем кружке. На собраниях начались чтения докладов. Первым выступлением подобного рода была серия бесед Н. Я. Данилевского, который на трех-четыре вечера, с конца марта до начала мая, изложил учение Фурье. Эти беседы отражали интерес петрашевцев к лозунгам радикальных политических партий на Западе: на открытое обсуждение выносились учения утопического социализма, ставившие перед слушателями множество философских, социологических и политических проблем.

По рассказу П. А. Кузьмина, который посещал «пятницы» с весны до июня 1848 г., вечера делились на две части: первая половина посвящалась русским общественным вопросам, а после ужина продолжалось «изложение социальных теорий». Петрашевский в мае 1848 г. предложил «для прекращения бессвязного разговора, чтобы всякий говорил о том, что лучше знает».

Новый порядок укрепился с ноября 1848 г. Центром вечера становилось чье-либо выступление, затем начинались споры. Кто-либо назначался «президентом вечера» и с помощью бронзового колокольчика поддерживал порядок в прениях.

«Полный процесс устроенных западных клубов!» — отзывался об этом полицейский чиновник Липранди.

К осени 1848 г. в кружок Петрашевского вошли новые лица: К. М. Дебу, Ф. Н. Львов, Н. А. Момбелли, Н. П. Григорьев, П. Н. Филиппов, И. Л. Ястржембский, Д. Д. Ахшарумов, в 1849 г. В. А. Головинский; стали появляться художники А. И. Берестов, Е. Е. Бернадский, морские офицеры А. А. Кузьмин, А. И. Тимковский и другие. Гвардейские офицеры Момбелли, Львов и Григорьев с легкостью вошли в политическую атмосферу кружка и принимали живое участие в практических начинаниях революционного характера. Колоритна фигура общего любимца, остряка, преподавателя статистики И. Ястржембского. Студент Павел Филиппов занимался физикой и физической географией, помещал свои статьи и переводы в «Отечественных записках» и сотрудничал в «Энциклопедическом словаре» К. Края. Он был известен молодежи как боец против косных сословных

взглядов в студенческой среде. По воспоминаниям П. П. Семенова-Тян-Шанского, университетская инспекция считала Филиппова «крайним революционером»; он был республиканцем и очень резко отзывался о политическом строе самодержавия. Боевая студенческая репутация «рубаки» Филиппова отражена также в воспоминаниях В. В. Берви-Флеровского.

Молодой чиновник Азиатского департамента министерства иностранных дел Дмитрий Ахшарумов, сын военного историка, из большой дворянско-чиновничьей семьи, мечтал о революционном деле. В его искренних автобиографических записях отразились думы, волновавшие молодежь 40-х годов. Ярko демократическими настроениями был проникнут двадцатилетний сенатский чиновник Василий Головинский.

С осени 1848 г. кружок петрашевцев стал многолюднее, но вместе с тем в нем все более устанавливалась атмосфера идейного единства. Люди, впервые попадавшие на собрания, чувствовали это очень ясно. К. Тимковский обратился к кружку с вопросом, «есть у них какая-нибудь цель, и если есть, то какая?» Ему отвечали, «что цель их — осуществление реформ социальных, а для этого первое и важнейшее средство — пропаганда, которую они намерены устроить в большом размере». Р. Черносвитов, побывав на нескольких собраниях кружка, предположил существование за ним подпольной организации. Черносвитов говорил Петрашевскому наедине: «Скажите, какая цель в ваших собраниях; хорошо идея, но надо делать». Потом спрашивал, есть ли общество, и удивился ответу, что общества нет. Эта атмосфера идейного единомыслия создавалась и товарищеским ядром кружка, и целеустремленной работой по распространению передовых идей. В конце 1848 — начале 1849 г. сложились новые кружки петрашевцев, в которых продолжалась, по существу, та же работа.

На своих собраниях петрашевцы открыто критиковали самодержавие. Постоянный политический привкус всех разговоров на «пятницах» Петрашевского обрисован в показаниях Д. Ахшарумова: «Хотя и говорили на его вечерах обо всем, о религии, о философии, о литературе, но преимущественно были предлагаемы самим им всегда вопросы настоящего положения и о правительстве». Баласогло подтверждал, что на вечерах Пет-

рашевского очень резко критиковалась высшая бюрократия и неограниченно «доверяющий» ей царь. В такой критике, считал Баласогло, вместе с ними грешна «решительно вся ...невообразимо страдающая Россия». Ханыков показал, что говорил «непримиримые речи о правительстве, об отечестве». Беседа Ястржембского 18 марта 1849 г. была, по выражению Антонелли, «усеяна солью на здешнее чиномание, на тайных советников, на государя... и вообще на все административное».

Множество высказываний петрашевцев и в печати, и в разговорах в тесном кругу, и в размышлениях наедине с собой раскрывают нам их политические взгляды и позволяют понять эволюцию этих взглядов.

Передовая мысль в России 40-х годов сделала шаг вперед по сравнению с декабристами. Для нее самодержавие было не только режимом деспотизма и произвола, несовместимым с гражданским достоинством людей и национальными интересами государства. Появилось представление о самодержавии как о власти, тесно связанной с материальными интересами господствующего класса. Уяснению классового характера государственной власти немало способствовала своекорыстная политика конституционных буржуазных правительств Западной Европы. «Фабриканты законов», писал Белинский, смотрят на народ как на «голодную, оборванную чернь, невежеством и нищетою осужденную на преступления». Законы эксплуататорского общества создаются в пользу исключительно собственников, т. е. буржуа-мещан, которые «хотят быть правы по закону гражданскому и не хотят слышать о законах человечества и нравственности»<sup>1</sup>.

«Мещане обогащаются в *свое* имя, — писал Герцен в 1847 г. об июльской монархии во Франции, — берут себе барыши, заставляя короля защищать свои капиталы детьми стариков, которых ограбили и разорили»<sup>2</sup>.

В. Милютин объяснял, какими средствами в Англии «вся политическая власть сосредоточивается в руках одного класса». Законодательные собрания заполняются почти исключительно землевладельцами и капита-

---

<sup>1</sup> В. Г. Белинский, Собр. соч. в трех томах, т. II, М., 1948, стр. 631, 633.

<sup>2</sup> А. И. Герцен, Собр. соч. в 30-ти томах, т. 5, М., 1955, стр. 67.

листами или людьми, находящимися под их влиянием. «Законы издаются, таким образом, одними капиталистами; сверх того, все управление, как центральное, так и местное, сосредоточивается почти исключительно в их руках»<sup>1</sup>.

Н. Момбелли рассматривал государство как «государство каст», охраняющее привилегии меньшинства. Он высказал глубокую мысль, что даже защита демократических прав каждого в таком государстве подтверждает их нарушение. Самые эти «права большинства такого рода, что обеспечение их уже предполагает угнетение в пользу меньшинства, охранение прав которого по самой сущности дела есть уже злоупотребление».

Это представление о государственной власти, как оплоте власти угнетателей, петрашевцы прямо относили к царизму.

П. Филиппов подчеркивал связь русского правительства с интересами помещичьего класса: оно «потворствует помещикам», потому что сановники, окружающие престол, сами помещики и из личных выгод скрывают истину, «ибо сами так же злоупотребляют своей властью, как и мелкие помещики». «Окруженные полным изобилием, они часто отнимают от своего мужика последний кусок хлеба, выработанный с потом и кровью».

Может ли царь, говорил Петрашевский, «даже понимать интересы какого-нибудь класса людей, не принадлежа к нему и имея с ним совершенно разнородные понятия?» Как может человек, принадлежащий к совершенно другому классу, составить законы для людей, «которых ни нужд, ни понятий, ни характера он не понимает, да и понять не заботится». Он объяснял, «что законы все написаны под влиянием предрассудков века и в пользу одного класса людей».

Николаевское правительство петрашевцы рассматривали не только как деспотическую политическую власть, но и как власть грабителей народа. Они считали, что абсолютная монархия разоряет страну, что она слишком дорого обходится народу с ее огромными непроизводительными расходами на двор, армию, бюрократию, полицию.

---

<sup>1</sup> В. А. М и л ю т и н, Избр. произв., Госполитиздат, М., 1946, стр. 265.

Петрашевцы видели в самодержавном строе непосредственную причину бедности России, постоянного финансового кризиса, задолженности иностранным банкерам. Экономическая политика царизма мешала, по их мнению, прогрессивному развитию промышленности, сопровождалась «исчезновением капиталов», создавала трудности промышленного кредита.

«Кто имеет капитал, в наш банк денег не кладет, отсылает за границу, ...промышленность остановилась, коммерция в самом стеснительном положении». «Глупое управление есть разорение страны,— это надо внушать всякому»,— говорил Алексей Толстов.

Н. Момбелли осуждал выкачивание средств страны на заграничные займы у банкиров. В. Энгельсон писал: «На казну можно полагаться, что она высосет все, что может, и что если она в России не идет за известный предел, то только потому, что за этим пределом взятки гладки».

Официальная идеология внушала массам представление о самодержавном монархе — «отце» подданных. Петрашевцы стремились разоблачать этот реакционный миф.

«Нет, император Николай не человек,— писал Момбелли,— а изверг, зверь; он тот антихрист, про которого говорится в Апокалипсисе». «Правление в России есть самое нечеловечное правление»— это *idée fixe* Петрашевского, доносил Антонелли. Распропагандированный петрашевцами мещанин П. Шапошников говорил о царе: «В Николае ... тоже сила души, но выражена делами: вешать, убивать и губить все прекрасное». Из кружка петрашевцев разнеслась кличка Николая — «богдыхан».

А. Толстов считал царя «виновным во всем». «Он был причина всеобщего бедствия в глазах моих, он не любит подданных, он эгоист, он сам знает, что неправ перед подданными, и только схватил народ в свою железную руку».

Раскрывая корыстный, связанный с интересами собственников характер государственной власти, демократы 40-х годов не могли материалистически объяснить происхождение и социальную природу государства и связывали его возникновение с насилием, с политикой «победителей». Но эта идеалистическая концепция с

успехом использовалась ими в борьбе против царизма. Наиболее прямолинейно она была высказана петрашевцем В. Энгельсоном в статье, заслужившей горячую похвалу напечатавшего ее Герцена. Энгельсон считал государство «заговором имущих собственность против неимущих».

Уже в 40-х годах во взглядах формирующегося демократического лагеря вырабатывались зачатки того понимания русской политической действительности, которое позже, в период крестьянской реформы, с гениальной ясностью выразил Чернышевский: он понял, «что уже тогда в русском «обществе» и «государстве» царили и правили общественные классы, бесповоротно враждебные трудящемуся»<sup>1</sup>.

Конечной целью борьбы с самодержавием людям демократического лагеря представлялось создание и упрочение материального благосостояния трудящихся масс. Они новыми глазами смотрели и на русский народ, открывая в нем новые, не замечаемые прежде черты мужественного, стойкого, терпеливого борца за лучшую жизнь. Это отношение выразил с большой теплотой и уважением Баласогло, изобразив, как народ неостановимою лавою богатырски идет вперед, «выдираясь в люди, в тяжких работах», «нигде, ни в чем, никогда не отставая, не унывая, не проклинаясь... Он берет и держит крепости, строит корабли, плавает и путешествует по всему свету, стекается в столицы, работает до изнеможения сил, отдает в училища своих детей, сам учится во всяком возрасте грамоте, жертвует имуществом, нажитым в кровавом поте, на учебные заведения, горожит в селах... раскупает книги, жаждет просвещения, науки, образованности, как араб, дотаскивающийся в степи до родника живой воды».

Петрашевцы, как и Герцен и Белинский, стояли за скорейшую европеизацию России. Они осуждали славянофильскую идеализацию допетровской старины, считали Петра Великого героем, двинувшим вперед прогрессивное развитие страны. Прямо против славянофилов направлено нападение Петрашевского на проповедь националистической замкнутости народа и отчуждения его от культуры других народов. Сохранение политической и промышленной отсталости нравственно унижает на-

---

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. I, стр. 291.

роды, считал Петрашевский; резко выраженная национальная нетерпимость, «уединение среди общения человеческого» является лишь «отпечатком дикости и варварства». С другой стороны, Петрашевский горячо осуждал и «эгоизм в духе национальности», ведущий к войнам и безжалостному порабощению других народов. Пример такого варварского национального эгоизма он видел в политике Англии по отношению к Китаю, позорной войной отвоевавшей себе право торговли опиумом, и в утонченных гонениях английским правительством ирландского народа.

Петрашевцы сочувствовали национально-освободительной борьбе поляков, кавказских горцев, желая возрождения и независимости этих народов на демократической основе.

Петрашевцы требовали отказа от национальной ограниченности, требовали «дружественного общения» народов, усвоения мировой культуры и мирового исторического опыта. «Тогда только может какой-либо народ внести свою собственную лепту в сокровищницу человеческих знаний, дать самостоятельный толчок общечеловеческому развитию,— писал Петрашевский в «Словаре»,— когда будет им усвоена, вменится в нем вся предшествовавшая образованность и будут поняты все интересы жившего до него человечества и пережиты им все его страдания путем собственного тяжелого опыта». «В этом смысле,— утверждал он,— Россию и русских ждет высокая и великая будущность».

Петрашевцы вместе с Белинским и Герценом верили в великое будущее русского народа, который добьется и свободы и света. Момбелли мечтал о «тех русских, которые по уничтожении деспотизма будут удивлять человечество примерами героизма и возвышенности чувств».

Как представляли себе петрашевцы демократический строй, которым они хотели заменить самодержавие?

Петрашевский стоял за республику. Он доказывал, что «одно правительство республиканское, представительное достойно человека», что «всякий народ должен управляться сам собою, быть своим властелином».

Еще в своих студенческих заметках начала 40-х годов Петрашевский мечтал о международном федеративном сотрудничестве равноправных, независимых и демократических народов. «Государства должны быть осно-

ваны по народам,— писал он,— и каждое государство должно вмещать в себе один народ». Петрашевский думал, что согласно этому принципу Сибирь, где «возникнет народность русская без примеси и правление республиканское будет в ней господствующим», заменит многонациональную Россию. «Отношения между народами должны быть, как между штатами в С. Америке или провинциями одного и того же государства. Пошлинных, таможенных сборов не должно существовать. Должна быть дана промышленности полная свобода... Правление должно быть представительно-республиканское. Все должности замещаемы по выборам. Те огромные войска, которые ныне содержатся, были бы не нужны, ибо война не могла бы иметь места».

В статьях «Карманного словаря» в середине 40-х годов Петрашевский усердно пропагандировал парламентарный строй, обставленный демократическими учреждениями. Он идеализировал буржуазную демократию, считая, что борьба различных партий, разногласие их интересов есть «элемент жизни и движения», залог здоровья и прочности политического организма. Борьба партий разоблачает все немощи и болезни общества, «предохраняет разум общественный от апатического застоя и захирения», «устраняет пагубный рутинизм и старообрядство из администрации». Положительные черты буржуазной демократии как лучшей формы государства, поскольку в ней «общественные противоречия не затушевываются, не сковываются насильственно», а «доходят до открытой борьбы и тем самым находят свое разрешение»<sup>1</sup>, подчеркивались в свое время Марксом.

Одним из основных преимуществ буржуазной демократии Петрашевский считал возможность существования легальной «законной» оппозиции правительству. В очень интересной статье «Оппозиция» Петрашевский на первый взгляд как будто восхваляет обычную парламентскую оппозицию. Однако он имеет в виду не исторически сложившуюся в западноевропейских странах буржуазно-либеральную беспринципную и готовую к соглашательству оппозицию при конституционной монархии. Он явно говорил о социалистических партиях, которые убеждены «в недостаточности учений респуб-

---

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 5, стр. 141.



Д. Д. Ахшарумов.

ликапских от неполноты их развития» и требуют «полной реорганизации общества». Будучи сильной, такая оппозиция борется за власть, а не имея достаточных сил для этого, борется за «общепольное», т. е. демократические реформы, как всеобщее избирательное право, улучшение форм судопроизводства, уничтожение стеснений печати, «развитие духа публичности и ассоциации».

Существование «законной» оппозиции, защищающей «новые ин-

тересы», по мнению Петрашевского, обеспечивало изменение «экономики быта общественного» мирным путем, устраняло возможность проявления жестокой правительственной реакции, а вместе с тем устраняло необходимость насильственной революционной борьбы. Петрашевский противопоставлял эти стороны демократического порядка деспотическим режимам, при которых «для людей бесправных *de jure* или *de facto* так трудно и невозможно мирными путями сохранение человеческих прав».

Таким образом, в середине 40-х годов Петрашевский придавал основное значение в политической жизни борьбе идей. Вместе с тем он признавал, конечно, и роль народных масс в освободительной борьбе, о чем писал в статьях «Словаря» (Нивеллеры, Негры, Оранжевые). К концу 40-х годов в его политических высказываниях зазвучали, однако, более радикальные ноты.

Д. Ахшарумов в своей «Автобиографической записке» 1848 г. обдумывал возможные формы демократического преобразования России и средства борьбы за него. Он был твердо уверен, что царское правительство — «глупое, пустое, злое и сильное», с «негодными, недоверчивыми, всего опасавшимися царями... с невежеством министров

и всего правительства», не способно ни на какие нововведения и реформы в пользу общества. Суть дела в том, «каким образом получить правительство, терпящее нововведения». Он хотел для России республиканского правления, но готов был согласиться и на конституционную монархию, как на более близкое и реально достижимое преобразование. Однако ему внушал отвращение антидемократический конституционный строй типа июльской монархии, «со всеми подлостями, интригами и вмешательством правительства в дела частных людей». Он опасался, что в России такая монархия, укрепившись, с трудом сможет быть разрушена. Для России он хотел демократической конституции, с одной палатой представителей, президент которой избирается на короткий срок. Считаясь с царистскими предрассудками крестьян, Ахшарумов допускал возможность временного сохранения фикции монархической власти. «Если народ нельзя вдруг лишить его любимого предмета, которому он вверился и которым дурачен столько веков, то надо оставить царя для названия, но уж взять его в руки», предоставить ему «самые ничтожные преимущества», но лишить права распоряжения народным собранием и власти над войском. «Потом, когда собрание получит доверенность народа, то можно обойтись без царя».

Демократическая конституция должна была дать свободу книгопечатания, открытое судопроизводство, обеспечить прогрессивное социальное законодательство (устройством особого министерства для рассмотрения новых проектов об улучшении общественной жизни), гарантировать гражданскую свободу («чтобы не было никаких стеснений, никаких вмешательств в дела частных людей»), право каждому «возвышать свой голос».

В требование свободы мысли, слова, чувства включалась «полная и мудрая терпимость» ко «всякого рода новым и человеческим идеям, даже несогласным с мнением большинства», т. е. к социалистическим идеям.

Одним из основных политических требований русских передовых деятелей было требование «законности». Белинский в письме к Гоголю в число «самых живых, современных национальных вопросов», вместе с уничтожением крепостного права и отменой телесных наказаний, поставил «введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть». «Спра-

ведливость есть общая нужда и потребность всех сословий,— писал Петрашевский в своих показаниях.— Справедливость в жизни общественной — то же, что воздух в природе,... чем менее справедливости, тем чахлее жизнь общественная. Внешний признак отсутствия справедливости есть взяточничество». «Отсутствие справедливости,— напоминал он крепостникам, своим следователям,— есть первый источник революций и общественных потрясений».

Оплотом беззакония в русской жизни передовые деятели 40-х годов единодушно признавали крепостническую юстицию. Они требовали открытого гласного суда, как лучшего средства борьбы с произволом. Петрашевский работал над критическим разбором «Уголовного уложения» (вышедшего в 1845 г.) и неоднократно разъяснял недостатки русского законодательства. Он горячо пропагандировал необходимость судебной реформы — замену инквизиционного и безгласного суда открытым судопроизводством.

«Тайно, в комнате запершись,— писал Ахшарумов,— стыдно, грешно и подло производить суд на человека. Это вещь святая, касающаяся общего блага, и незачем ее скрывать. Единственная причина скрывать заключается в желании произвольного несправедливого решения».

Петрашевский идеализировал буржуазный суд присяжных, представляя, что в нем строго и беспристрастно соблюдаются интересы общества. Он не учитывал, что в классовом обществе суд присяжных стоит на охране интересов господствующего класса. Он считал этот суд наилучшим в историческом смысле и ожидал его дальнейшего совершенствования в будущем.

Идейная борьба русских передовых деятелей 40-х годов за формы буржуазной демократии — парламентскую республику с всеобщим избирательным правом, судом присяжных, свободой печати — была, безусловно, не только прогрессивной, но в условиях русской политической действительности и революционной.

Вместе с тем, выдвигая программу буржуазно-демократических преобразований, демократы 40-х годов не удовлетворялись ею.

В этом проступала характерная особенность эпохи — неразрывная слитность демократических и социалисти-

ческих идей. Мечты русских демократов отражали глубочайшие надежды закабаленного крестьянства, верившего, что его освобождение от крепостного бесправия будет в то же время освобождением от эксплуатации.

В воззрениях русских демократов и социалистов 40-х годов сливались задачи реального демократического преобразования, т. е. прежде всего уничтожения крепостничества и неограниченной монархии, и задачи социалистического преобразования, которые для того времени оставались



Н. А. Момбелли.

утопией, лишь отражавшей чаяния «исстрадавшихся масс». Революционные демократы тем и отличались от либералов, что, хотя они и боролись за буржуазную демократию, эта демократия в их глазах не отвечала интересам трудящихся масс.

Либералы 40-х годов охотно поддерживали идеи политической свободы, но отворачивались от социальных задач.

Демократы и социалисты 40-х годов во главе с Герценом и Белинским стремились связать борьбу за политическую свободу с борьбой за экономическое освобождение трудящихся. Они распознавали лживость буржуазных конституций, под маской народного представительства сохраняющих всю полноту власти богатых и фактическое бесправие эксплуатируемых.

Уже дворянским революционерам было свойственно понимание буржуазного порядка как «аристократии богатств».

Исторический опыт западноевропейских революций, заканчивавшихся торжеством реакции, с новой силой приводил русских передовых людей к убеждению, что подлинная демократия не является только политически

правовым понятием, а должна осуществлять материальное благосостояние трудящихся масс.

Спешнев сначала считал «представительные правления лучше непредставительных», но позже убедился, что «для народа важно только, чтоб правительство было у него хорошее, социальное и что это зависит не от той или другой формы, а от того, кто наполняет эти формы и как действует правительство».

Молодой Чернышевский ясно понимал, что настоящая свобода людей заключается в свободе от эксплуатации, от экономического рабства и нищеты. Надо «избавить низший класс от его рабства не перед законом, а перед необходимостью вещей, чтобы он мог пить, есть, жениться, воспитывать детей, кормить отцов, образовываться и не делаться мужчины — трупами или отчаянными, а женщины — продающими свое тело». «Не в том дело, будет царь или нет, будет конституция или нет, а в общественных отношениях, в том, чтобы один класс не сосал кровь другого»<sup>1</sup>.

Смешивая задачи буржуазно-демократической революции и социалистического преобразования, русские демократы, как и все утописты, требовали, чтобы общественная власть заботилась об экономических нуждах народа и защищала интересы беднейших классов.

По мнению Ахшарумова, государство должно регулировать производство предметов общего потребления и предметов роскоши. Правительство, считал он, должно позволять последние «только при благоприятном развитии первых».

В бумагах Спешнева имелось не дошедшее до нас «Рассуждение о том, что социализм не есть новая политическая экономия, а новая политика или наука об обязанностях правительства и правах членов общества, называемого государством». Спешнев думал, что для общей пользы правительство должно заведовать не только законодательством, правосудием, администрацией и пр., но и промышленностью, если не всею, то, по крайней мере, необходимейшим, например земледелием, и тем «обеспечивать пропитание всех». В густонаселенных государствах правительство должно иметь право

---

<sup>1</sup> Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. I, стр. 121, 110.

национализации земли, т. е. право владения всей землей на территории государства.

Русское самодержавие являлось в глазах петрашевцев резким отрицанием всех этих понятий о социальных обязанностях правительства перед народом. В России и в Австрии нет правительства, утверждал Петрашевский, «потому что правительством он называл общество, принявшее на себя обязанности заботиться о благе своего народа».

## ВОИНСТВУЮЩИЕ АТЕИСТЫ

Слепая вера в бога вредна, ибо она повергает человека в бездействие и косность.

*М. Петрашевский.*

Отношение петрашевцев к религии было важнейшей частью их политического мировоззрения. Церковь в России, как и всюду, была весомым органом в руках власти. «Православие» состояло на вооружении официальной идеологии николаевской монархии. Роль церкви не ограничивалась контролем над жизнью православных путем обязательных обрядов и обязательной исповеди. Церковь активно участвовала в школьном воспитании; богословским предметам предоставлялись кафедры в университетах, цензура духовенства тормозила развитие науки. Реакционность церкви и реакционность самодержавия были взаимно связаны, служили интересам господствующего класса крепостников.

Антирелигиозная пропаганда, которую ревностно вели петрашевцы, была их большой заслугой в освободительном движении 40-х годов.

С самого начала на «пятницах» Петрашевского охотно говорили о вопросах, связанных с религией. Перевоспитание людей Петрашевский начинал с разрушения их религиозных верований, с насмешки над их молитвами, которые «детям простительны». Посещавшие кружок чиновник Н. Серебряков и вольнослушатель университета А. Мадерский признали на следствии, что услышанные ими речи о религии «поколебали их веру даже в существование бога».

В 1848—1849 гг. атеистическая пропаганда в кружке усилилась. Это было признаком подъема революционно-демократических настроений. Наступательный характер этой пропаганды виден на примере атеистической «обработки» петрашевцами Константина Тимковского. Когда он попытался защищать богословские тезисы, Петрашев-

ский, Толь, Баласогло, Ястржембский, Спешнев и другие обрушили на него весь арсенал «доводов исторических, хронологических, филологических», доказывавших апокрифичность книг священного писания и происхождение их из рук «касты духовенства». Согласно распространенному в прогрессивных кругах толкованию, источником которого была запрещенная в России книга Д. Штрауса «Жизнь Иисуса» (1835), они доказывали человеческую природу Христа и роль духовенства, которым «все здание христианской религии искусно нагромождено и подобрано». В результате этих споров, показывал Тимковский, «вера моя поколебалась, и вскоре я дошел до совершенного отрицания веры христианской, сомневался даже в существовании бога». Он пришел к «страшной мысли — что не *верить*, а *знать* должен человек; что все должно поверяться *разумом*, и чего разум не может доказать, то недостойно занимать мышление». В то же время Тимковский сделался пылким приверженцем идей утопического социализма.

В кружке Петрашевского читались антирелигиозные доклады. Первый доклад сделал убежденный материалист и атеист Спешнев. В октябре 1848 г. он объявил, что будет говорить «о религиозном вопросе с точки зрения коммунистов». Петрашевский, братья Дебу и Ханыков «готовили опровержения». Спешнев говорил «исключительно о метафизике», но обещал продолжать о религии «в историческом и философском смыслах». Речь Спешнева не дошла до нас, но содержание ее можно предположительно восстановить по его письмам к польскому журналисту Э. Хоецкому. Позже Феликс Толь «взялся продолжать, на чем остановился Спешнев».

Толь выступал 11 и 25 марта 1849 г., доказывая историческое происхождение религий и связывая их формы со «ступенями общественного развития», на которых они возникали. Толь сделал революционный вывод, что религия, действуя на мораль человека, не только не нужна в социальном смысле, но даже вредна: она подавляет развитие ума и заставляет человека быть добрым по чувству страха наказания, следовательно, убивает и нравственность.

Выступления Толя вызвали горячие прения, но все признавали религию «ненужною для благосостояния человечества».



С. Ф. Дуров.

Антирелигиозную тематику находим в работе и параллельных кружков петрашевцев. Н. С. Кашкин читал философскую речь атеистического содержания, А. П. Милюков читал свой перевод из книги Ламене «Слова верующего», предназначавшийся для распространения путем подпольной печати.

Петрашевцы были уверены, что наука рано или поздно откроет объективные законы не только природы, но и общественных явлений.

Они стремились понять происхождение религиозных идей, поставить их в связь с историческим развитием общества и найти материальные причины, порождающие и объясняющие религиозное мировоззрение. Петрашевский утверждал, что «религию и религиозные убеждения отнюдь не должно рассматривать отдельно от жизни человека и человечества», что религия «во всех своих проявлениях находится в тесной и полной зависимости от всех обстоятельств, имеющих или могущих иметь влияние на самый быт человека». Ф. Толь, исходя из естественнонаучного мировоззрения того времени, объяснял, что религии неразвитых народов вытекают «единственно из чувства подавленности человека грубыми, но гигантскими силами природы», из «непосредственного чувства своего ничтожества перед величием природы».

Мысль о том, что религиозное мировоззрение возникает из первоначальной потребности человека уяснить себе причинные связи внешнего мира, была почти одновременно высказана Герценом и Петрашевским. Чело-

век не склоняется перед тупой и внешней силой мира, «напротив, он отворачивается от его стихийного неустройства», — писал Герцен. Вера в высшую силу, правящую миром, «устраняет возможность верить в неустройство и случайность» и заменяет таким образом представление о связи и закономерности явлений<sup>1</sup>.

Петрашевский писал: «Религия не есть явление случайное, но необходимое и неизбежное в разумной жизни человека, не выдумка чьего-либо досужего воображения, но выражение действительного требования определения причинности явлений; она есть не что иное, как мирозерцание, соответствующее различным степеням умственного развития различных народов».

Спешнев также видел источник первоначальных метафизических представлений о мире (т. е. не связанных еще с законами природы) в «ненасытном стремлении человека к познанию». «Не имея еще возможности все знать точно, он обманывает это стремление, давая вместо истин гипотезы», как заглушают боль посредством паллиатива.

Петрашевцы интересовались процессом изменения религиозных представлений в связи с изменением «степеней общественного развития». Толь доказывал, что сама жизнь развивает человека, порождает в нем «категорию причинности», а затем и любознательность, которая «ищет оснований и источника».

Очень интересно отношение петрашевцев к Л. Фейербаху, книга которого «Сущность христианства» произвела огромное впечатление и в Западной Европе и в России, «снова и без обиняков провозгласив торжество материализма»<sup>2</sup>. Петрашевский признавал теорию Фейербаха высшей ступенью, достигнутой развитием «натурализма», т. е. антирелигиозной материалистической мысли. Он изложил в «Словаре», в статье «Натурализм», идею Фейербаха о том, что «содержанием религиозного воображаемого мира является действительный мир, земная основа, отвлеченные и обожествленные человеком его же собственные свойства». Натурализм считает все исторические религии «только постепенным приготовлением человечества к антропотензму или пол-

<sup>1</sup> См.: А. И. Герцен, Избр. философ. произв., т. I, Госполитиздат, 1948, стр. 132

<sup>2</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, стр. 280.

ному самосознанию и сознанию жизненных законов природы». Но Спешнев критиковал учение Фейербаха, видел его историческую ограниченность. Он рассматривал доктрину антропотеизма — обожествления человечества как «великий и характерный факт нашего времени», но считал ее идеалистической, вершиной немецкого идеализма XIX в., который весь «метит лишь в антропотеизм». «Антропотеизм,— писал Спешнев,— тоже религия, только другая. Предмет обоготворения у него другой, новый, но не нов сам факт обоготворения. Вместо бога-человека мы имеем теперь человека-бога». Если христианский бог был «лишь частичной абстракцией человека», составленной из некоторых свойств и функций индивида, соответствовавших аскетическому вкусу того времени, то теперь антропотеизм «тащит всего человека без остатка к богу». Спешнев не признавал теорию Фейербаха научной, видел в ней «не конечный результат, а только переходное учение», лишь путь, по которому наука придет «к полному и безусловному отрицанию религии».

Петрашевцы рассматривали религию как явление преходящее, которое исчезнет по мере развития науки и овладения законами и силами природы. Прежнее неразгаданное чудо становится понятным, «признается простым натуральным фактом, одним из проявлений жизни природы»,— писал Петрашевский.

Для русских материалистов 40-х годов познаваемость мира была важнейшим философским принципом. Герцену представлялось самым страшным тупиком для человеческой мысли успокоение «на предположении невозможности знания». Он не сомневался, что человеческое сознание отражает объективные законы бытия, что «разумение человека — не вне природы, а есть разумение природы о себе»<sup>1</sup>. Ахшарумов писал: «Природа в мире человеческом употребляет орудием же человека: он, как действитель ее, выносит из себя, высказывает законы, внушенные ею,—общие законы жизни всей вселенной, с которой в тесной связи находится и вся его жизнь».

Петрашевцы, как и Герцен, были уверены, что человек постепенно овладеет «законами мировой необходимости» и сможет противодействовать вредным для него

<sup>1</sup> А. И. Герцен, Избр. философ. произв., т. I, стр. 95, 96, 111.

силам природы и даже предвидеть, предупреждать их. Если при настоящем состоянии науки еще не все вопросы могут быть разрешены, то их разрешат будущие поколения. Залогом «действительного могущества» человека Петрашевский считал полноту и глубину знаний и самосознания. «Без всезнания всемогущество неудобомыслимо», — писал он.

Отсюда убеждение в необходимости глубоко изучать жизнь, «действительность» — эту основу для активной, сознательной деятельности человека в обществе. В замечательной статье для «Словаря» («Обскурантизм»), не пропущенной цензурой. Петрашевский выразил свою ненависть к реакционным силам, проповедующим непознаваемость явлений, чтобы обезоружить народ в его борьбе за лучшее общественное устройство. Стремление реакционной власти держать народ в невежестве, лишить его доступа к знанию, являющемуся основой могущества человека, Петрашевский называл обскурантизмом. Обскурантизм стремится «представить ум человеческий ограниченным, божество — непонятым, а истину — недостижимой». Его цель — «устрашить пытливость ума», «убить в людях всякое стремление к развитию и уверенность в его возможности», он твердит о необходимости нравственного уничтожения, «об ограниченности ума человеческого, о неверности его суждений». Обскурантизм утверждает как догмат «вечность, неискоренимость или, так сказать, бессмертие зла!», т. е. вечность, незыблемость несправедливых эксплуататорских отношений.

Весь этот строй мыслей объясняет, почему петрашевцы, вслед за Герценом, с презрением относились к философскому идеализму. Они считали идеализм реакционной теорией, рожденной в кабинетах «цеховых ученых», враждебной жизни и развитию, равнодушной к нуждам живого человеческого общества и проповедующей ложь о совершенстве существующего мира. «Фактами их не смутить», — писал Герцен об идеалистах гегелевской школы. — Спросите их, отчего при этой абсолютной форме бытия в Манчестере и Бирмингеме работники мрут с голоду... Они скажут, что это случайность»<sup>1</sup>. Герценовскую характеристику идеализма широко использовал Кашкин в своей речи.

<sup>1</sup> А. И. Герцен, Избр. философ. произв., т. I, стр. 83, 82.

Атеисты 40-х годов воспринимали современную религию как социальное явление, для нее у них не было иной оценки, как обман народа и мракобесие. Они подходили к пониманию классовых корней религии, делающих ее средством укрепления власти эксплуататоров, хорошо видя ее реакционную общественную роль. Белинский назвал православную церковь постоянной «опорой кнута и угодницей деспотизма». Толь указывал, что религиозная мораль, возникавшая в обстановке классового неравенства, всегда примирялась с существующим порядком, находила «точку соприкосновения рабства с свободой, братства с господством, равенства с кастами» или же, ничего не изменяя, только еще прочнее утверждала прежнее. Религию и невежество Ханыков называл спутниками деспотизма, понимая, что религия разоружает людей в их борьбе за лучшую жизнь.

Петрашевцы разделяли презрение русского народа к попам, так ярко изображенное Белинским в письме к Гоголю. Ястржембский называл богословие бреднями, нападал на иконы и монашество, считая монахов дармоедами, уклоняющимися от общественного труда. А. Миллюков отучил своих учеников-кадетов выбегать под благословение к законоучителю и целовать ему руку.

Воинствующий атеизм петрашевцев рассматривался царским правительством как самое тяжелое обвинение. «Преступления» против религии, «распространение зловредных идей богохулением», «порицание бога», речи против религии и правительства (это соединялось вместе) фигурировали в приговоре Петрашевскому, Спешневу, Момбелли, Ханыкову, Толю, Кашкину, Шапошникову, Европеусу и даже Достоевскому.

●

Я желал полной и совершенной реформы быта общественного, фаланстер считал ключом, пробным камнем таковой реформы.

*М. Петрашевский.*

В петербургском университете, где оканчивали курс юридического факультета многие петрашевцы, живой интерес к общественным наукам внушал своим слушателям профессор политической экономии В. С. Порошин, выдающийся для своего времени либеральный экономист. В своих курсах он кратко знакомил и с учениями утопического социализма. Более глубокое изучение петрашевцы продолжали самостоятельно.

Вопросами экономической теории глубоко интересовались Петрашевский, Майков, Спешнев, Ханыков, Дебу, Головинский и другие. В. Милютин и А. Европеус готовились к магистерскому экзамену по политической экономии.

И. Ястржембский, преподаватель статистики в офицерских классах военно-учебных заведений, появился на «пятницах» в конце лета 1848 г. Заметив большой интерес участников собраний к темам политической экономии, он вызвался прочесть краткий курс о началах этой науки. Он провел несколько бесед зимой 1848/49 г. Принужденный в своей преподавательской работе держаться официальной программы, он выработал особый активный метод — не делать от себя никаких заключений, лишь наводя на них и предоставляя логические выводы самим слушателям. Об этой преподавательской манере Ястржембского оставил интересные воспоминания его слушатель по Дворянскому полку М. И. Венюков, ученый-географ и известный мемуарист. Ястржембский умел возбудить в слушателях «глубокое негодование на общественные порядки, при которых бедный и слабый сполна принесены в жертву сильному и богато-

му». Он сеял в умах юношей множество вопросов, намеренно оставляя их без прямых ответов, чтобы заставить искать их самостоятельно, «в глубине совести». Какую роль должно играть правительство, действительно заботящееся о благе своего народа? «Следовать ли безучастной, безжалостной теории *laissez faire, laissez aller* и оставлять «рабочий класс или скот» (это все равно) на одной поденной плате, обусловливаемой безграничною конкуренциею, или держаться пути Гракхов, Лициния, Руссо, Сен-Симона, Фурье и Луи Блана, которых Ястржембский с неподражаемой иронией называл поврежденными, а, в частности, положение *à chacun selon sa capacité, à chaque capacité selon ses oeuvres*<sup>1</sup> богоотступным?»

Мастерски владея иронией, Ястржембский своими парадоксальными замечаниями «между строками» разрушал в умах слушателей «навязанные авторитетом догматы положительного права и казенной морали». «В нашей маленькой среде,— вспоминал Венюков,— он производил то же действие, что на более обширном поприще Герцен, которого «Записки доктора Крупова» были тогда в огромной славе».

Дело III Отделения о Ястржембском открывается доносом по поводу его уроков в Технологическом институте и Институте корпуса путей сообщения: Ястржембский внушал слушателям сомнение в официальных положениях учебника о том, что с российским престолом «тесно связаны» права на Финляндию и Польшу.

Для Следственной комиссии Ястржембский написал изложение «систем главных коммунистов и социалистов», которое, конечно, не следует принимать за адекватное выражение его собственных взглядов. Однако он не скрыл своих симпатий к утопическому социализму и признал себя «щирым фурьеристом», впрочем оградившись утверждением об аполитизме этого учения.

Хотя беседы Ястржембского не удовлетворяли тех, кто сам глубоко знал предмет, но многие слушали его с большим интересом. Умение оживить изложение шуткой, живым примером способствовало успеху его чтений; его остроты повторяли многие петрашевцы. В романе А. Пальма Ястржембский, с его оригинальными приема-

---

<sup>1</sup> Каждому по способности, каждой способности по ее делам.

ми, характеризуется товарищами как «популяризатор». «Это особый талант; в известные эпохи он имеет большую цену»<sup>1</sup>.

Ястржембский критиковал теорию населения Мальтуса, вероятно, сходясь в этой критике со статьями о Мальтусе В. Милютина. Говоря о России, он обращал внимание на экономическое законодательство в области торговли, промышленности, кредитных установлений, т. е. на меры, вызывавшиеся развитием капиталистического уклада. Он касался также государственных займов, задолженность по которым, как известно, была весьма уязвимым местом правительственной экономической политики. Ястржембский защищал характерный тезис буржуазного демократизма о том, что управление должно быть дешевым, а взаимоотношения власти и управляемых должны отвечать экономическим интересам последних: граждане, платя налоги, обеспечивают себе этим необходимый уровень свободы, безопасности, экономических удобств, а если правительство не удовлетворяет этих требований, т. е. дорого продает худой товар, то они имеют полное право обратиться к другому «купцу божьей милостью».

Ястржембский, как и все передовые экономисты 40-х годов, считал, что статистика, имевшая тогда чисто описательный характер, не является наукой; ее можно признать наукой, только слив ее с политической экономией, т. е. дав возможность делать выводы и заключения из указываемых ею фактов. «Тогда только мертвые цифры ее заговорят живым языком». Ястржембский признавал политическую экономию «социальной физикой» и определял ее предмет как исследование «самой сущности государства, отвлеченного государства», в котором, в отличие от реально существующих государств, удовлетворяются выгоды всех его граждан, без нарушения интересов одних в пользу других.

Таким образом, Ястржембский рассматривал политическую экономию как науку о нормативных общественных отношениях, очищенных от эксплуатации, т. е. стоял на позициях утопического социализма.

Демократы 40-х годов — Белинский, Герцен, петрашевцы выступали критиками вульгарных экономистов,

---

<sup>1</sup> П. Альминский, Алексей Слободин, СПб., 1873, стр. 349.

признанных светил тогдашней буржуазной науки, авторов казенных курсов и учебников. Отвергая «теории», оправдывавшие эксплуатацию неимущих собственниками и утверждавшие незыблемость и вечность этой эксплуатации, они признавали и ценили теории утопического социализма с их разрушительной критикой капиталистической «цивилизации» и идеалами коренной перестройки общественных отношений.

Большой вклад в развитие общественной мысли 40-х годов внесли статьи В. Милютина, которого мы вправе причислять к петрашевцам.

Передовые мыслители 40-х годов в своих исканиях правильной общественной теории хотели, чтобы эта теория строилась на такой же естественнонаучной основе, как науки о природе. Они видели научную несостоятельность описательных и метафизических методов и требовали, чтобы наука объясняла основы материальной жизни общества.

Герцен, В. Милютин, Н. Кашкин, И. Дебу, А. Европеус — все они заявляли уверенность, что общественные науки могут быть преобразованы из «неточных» наук в положительные.

Русские материалисты улавливали связь между содержанием общественных идей и социальной обстановкой, их порождающей. Они видели в этих идеях попытки ответить на вопросы, ставившиеся исторической действительностью. «Содержание каждой науки,— писал Милютин,— не дается аргюги, а вырабатывается самой жизнью. Поэтому, чего не было в действительности, того, конечно, не могло быть в науке». Он прослеживал возникновение и развитие экономических теорий, правильно подмечая связь существующего в обществе отношения к труду с господствующими в нем производственными отношениями.

Вульгарный экономист Сей был в глазах Милютина «самым верным органом интересов, идей и потребностей среднего сословия». Теория Сея полностью отвечала потребностям буржуазии, которая «в неограниченной свободе промышленности находила самое лучшее средство упрочить свое могущество и обезопасить себя разом как от влияния власти, так и от притязаний низших классов». Милютин же требовал «признать *материальное благосостояние* человека настоящим и единственным пред-

метом политической экономии». Он ставил задачу соединения политической экономии с социализмом.

Петрашевцы сделали шаг к материалистическому объяснению происхождения общественных теорий, пытаясь показать отражение в них общественно-экономического быта породившего их времени. Они подходили к положению, развитому впоследствии Чернышевским в «Антропологическом принципе в философии», о том, что философские учения отражают материальные интересы людей.

К современным им теориям утопического социализма они также подходили как к идеям, вызванным социальными противоречиями современного общества и направленным на уничтожение этих противоречий. Петрашевский считал социализм конечным результатом современного философского мышления, естественным выводом «из простого наблюдения действительности» с ее анархическими противоречиями. Социализм, писал Петрашевский, «есть не что иное, как реакция духа человеческого противу анархического, разрушительного для быта общественного влияния начал либерализма», т. е. буржуазной теории свободной конкуренции, приводящей к «противуестественным явлениям в жизни общественной».

Социалистическое общество будет доставлять каждому из своих членов «средства для удовлетворения их нужд пропорционально потребностям». Это общество, свободное от антагонизма между личностью и коллективом, сможет обеспечить каждому гармоническое развитие всех его способностей.

Предаваясь влечению естественных своих побуждений, человек не будет нарушать гармонии общественных отношений, но «будет деятелем не только полезным самому себе, но и целому обществу, без самозаклания личности», — писал Петрашевский.

Изучение и пропаганда социалистических идей были главной целью собраний у Петрашевского в их начальный период. Те же цели ставил себе параллельный кружок, возникший в конце 1848 г. и собиравшийся у Н. С. Кашкина, молодого чиновника, недавно окончившего Лицей<sup>1</sup>. Во главе его стояли «старые» петрашев-

---

<sup>1</sup> Отец Н. С. Кашкина был сослан по делу декабристов.

цы — Ханыков, И. Дебу. На вопрос Следственной комиссии, кто первый предложил распространять учение Фурье, Ахшарумов отвечал: «Распространение ученья — была общая мысль всех моих знакомых. Кто первый и откуда она? Я полагаю, от Петрашевского. Учение это между нами распространилось таким образом: Петрашевский, от него Ханыков, от Ханыкова оно перешло к Дебу 2-му, потом к Дебу 1-му; от них ко мне... От обоих Дебу тоже к Европеусу и к Кашкину».

О большом влиянии Ипполита Дебу на его университетского товарища Д. Ахшарумова свидетельствует автобиографическая записка последнего. «С ним вместе,— писал Ахшарумов,— я могу сказать, разрушены окончательно мои предрассудки: религиозные, нравственные и политические. Мы говорили часто, особенно он, о Франции, о ученых тамошних, о речах Тьера против Гизо; читали запрещенные книги, романы, революцию Тьера, «Histoire de dix ans» Блана. В последнее время от него же получил я социальные книги, которые дали мне новый взгляд на жизнь». В позднейшее время Ахшарумов писал об И. Дебу: «Это был человек, стоявший всегда впереди меня,— один из самых интересных личностей нашего времени». Познакомившись у Ханыкова с И. Дебу, Чернышевский сразу увидел в нем единомышленника Ханыкова.

Зародышем нового кружка были вечера у К. М. Дебу, чиновника Азиатского департамента министерства иностранных дел. У него в 1848 г. собирались И. М. Дебу, братья Ахшарумовы, А. В. Ханыков, Н. С. Кашкин, А. И. Европеус, О. Ф. Отт, Э. Г. Ващенко. «Говорили о новостях преимущественно,— и любимый разговор Дебу был о справедливости системы Фурье». Целью собраний было «разъяснять темные вопросы в учении Фурье», «разрешать сомнительные вопросы, встречавшиеся в системе Фурье». Пропаганда социалистических идей принимала живой, острый характер в спорах с противником, каким выступал старший брат Н. Д. Ахшарумов, постоянно опровергавший учение Фурье и жарко споривший с Дебу и Европеусом «против социальных мыслей».

На «вторниках» у Кашкина, начавшихся с половины октября 1848 г. (в декабре они были перенесены на квартиру О. Отта, а затем, после пяти-шести вечеров,

опять к Кашкину), так же, как первоначально у Петрашевского, сначала ставились задачи расширения общественного кругозора участников. Вечера посещало около 20 человек. Кроме петрашевцев — Ханыкова, Ахшарумова, братьев Дебу и Спешнева, там бывали А. И. Европеус и другие молодые чиновники, в большинстве бывшие лицеисты. Сознывая, что полученное в Лицее образование «не находит в себе пищи и далеко еще не имеет желаемого развития,— показывал Отт,— мы согласились, вместо игры в карты и тому подобного, собираться для взаимного обмена своих мыслей». «Разговор был веден в духе либеральном,— показывал Ханыков.— Общий тон разговора клонился впрочем к тому, чтоб заохотить заниматься».

Влияние кружка Петрашевского отразилось и на форме собраний. Говорили речи и собирались пользоваться звонком при «громких спорах». По образцу коллективной библиотеки Петрашевского, решено было составить свою библиотеку в складчину. Было куплено несколько книг, в основном по политической экономии, и часть денег передана Петрашевскому для выписки фурьеристской литературы.

Участников кружка Кашкина интересовали вопросы философского мировоззрения. Они пытались искать материалистические основы в области общественных наук. Яркое отражение получили эти искания в речи Кашкина в ноябре или декабре 1848 г., направленной против религии и идеалистической философии.

В том же духе, с критикой фальсифицированных «неточных» общественных наук, выступал А. Европеус, обличая лживость и лицемерие религиозной морали и утверждая, что общая для всех мораль может опираться только на материальные основы, связанные со свойствами природы человека.

И. Дебу говорил в кружке Кашкина о политической экономии. Таким образом, мы можем отметить и в новом кружке ту общую черту, которая характеризовала петрашевцев,—искание правильной научной теории общественного развития как основы для будущего практического преобразования общественного строя.

Так же, как на собраниях у Петрашевского, выработка новой идеологии происходила здесь в спорах, в борьбе с косным, консервативным мировоззрением ок-

ружавшей среды. Взгляды этой среды выражал, например, молодой сенатский чиновник С. П. Черкасский, отстаивавший религиозную мораль, утверждавший, что «человек всегда будет страдать на земле, что это согласно с религиею и что это его настоящее назначение».

Расширение пропагандистских замыслов сопровождалось отсевом от кружка таких людей.

В литературе о петрашевцах долго держалось представление об аполитизме кружка Кашкина. Такое впечатление создавали показания его участников. Но нетрудно увидеть, что эти показания имели целью дезориентировать Следственную комиссию. Так, Спешнев, давая показания о новых «разговорных обществах», сильно сгустил краски на их отрицательном отношении к политическому свободомыслию, господствовавшему в кружке Петрашевского. Ханыкову и братьям Дебу, по его словам, общество Петрашевского не нравилось, «оттого что там тон очень бурный и говорят обо всем, а они не намерены и не обязаны отвечать за других». Они предложили ему посещать общество, которое будет собираться у Кашкина, где «ничего другого не хотят, как провести вечер весело и поспорить о фурьеризме».

Ахшарумов также утверждал, что в собраниях у Кашкина «ничего не было политического и считалось неприличным и даже невежеством говорить о революции».

Но в апреле 1849 г., в период наибольшего подъема политической активности петрашевцев, кружку Кашкина принадлежала смелая инициатива чествования дня рождения Фурье. Они устроили на квартире у Европеуса обед «фурьеристов», пригласив и Петрашевского как «старейшего пропагатора» фурьеризма в России. Этому «старейшему» было 27 лет. Был выставлен портрет Шарля Фурье, литография французской работы. Говорились горячие речи<sup>1</sup>. Нельзя не видеть политического содержания в этой демонстрации петрашевцами своей солидарности с идеями утопического социализма о преобразовании мира.

На обеде 7 апреля была оформлена давно созревавшая мысль коллективно перевести основное сочинение Фурье «Теория всемирного единства». Первую, философскую, критическую часть этого сочинения предположено

---

<sup>1</sup> Речи Ханыкова и Ахшарумова были записаны ими после их произнесения (письма Д. Ахшарумова В. И. Семевскому).

было опустить. Петрашевцы отбирали в учении Фурье то, что им представлялось более применимым к экономической действительности. 11 апреля 1849 г. текст был распределен между участниками и было условлено окончить перевод за лето, а затем совместно обсудить его, для чего предполагалось продолжать собрания у Кашкина в следующую зиму 1849/50 г.

Перевод Фурье, несомненно, предназначался к изданию. Это подтверждается избранием трех лиц для его редактирования — И. Дебу, А. Ханыкова и А. Европеуса. Легально издать Фурье в России было, конечно, невозможно. Роль Спешнева в устройстве тайной типографии и его одновременное участие в организации перевода Фурье дают возможность предположить о существовании планов нелегального издания Фурье.

Учение Фурье было, как мы видим, социалистическим знаменем для петрашевцев. Что же они усваивали в этом учении, как представляли себе социализм, какими сторонами этот социализм отвечал в их глазах реальным требованиям жизни?

Пытаясь обосновать закономерности в жизни общества, материализм XVIII—середины XIX в. создал теорию, подставлявшую биологические закономерности на место не открытых еще законов общественного развития. Эта теория характеризовалась вниманием к «природе человека» и к материальным нуждам человеческого общества. Она выдвигала положение о «нормальном развитии» человека, состоящем в наибольшем удовлетворении его, в первую очередь материальных потребностей, и о «назначении» человека, состоящем во всестороннем развитии его способностей. Эта теория легла в основу развивавшихся учений утопического социализма. Она же подняла интерес общества к наукам о человеке.

Искания развивающейся материалистической мысли были еще далеки от исторического материализма, от понимания общественных отношений как производственных отношений. Но для своего времени эти искания, предшествовавшие научной общественной теории, созданной Марксом и Энгельсом, имели прогрессивный характер, утверждая значение материальных потребностей в жизни трудящихся масс.

Петрашевцы разделяли убеждение, что человек является продуктом общественных условий, в которых он

воспитывается и действует, и что антагонистическое общество уродует людей, извращая их природные способности и достоинства. В. Милютин горячо становился на сторону «низших классов» в Западной Европе, обвиняемых буржуазными публицистами в «деморализации». «Самые пороки бедных,— писал он,— бывают не столько причиной, сколько следствием нищеты, которая сама служит самой энергичной причиной развращения и упадка рабочих классов».

Петрашевский доказывал, что человека не может исправить одна только теоретическая проповедь любви к ближнему, поскольку причины преступности лежат вне человека, «в бедности, силе страстей, противоречии интересов». Он делал вывод, что «лучше не пытаться более переиначивать или искажать природу человеческую, чтоб ее приспособить к каким-либо формам быта общественного», и что «источника всего худого не следует искать в природе человеческой, но в самом устройстве житейских отношений». Надо сделать эти отношения правильными.

Таким образом, передовая мысль 40-х годов, исходя из материалистического учения о зависимости человека от общественных условий, подходила к выводу о необходимости коренной переделки общественных отношений. Маркс указывал на прямую связь между учением материализма и социализмом. «Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими»,— писал он. «Должно не наказывать преступления отдельных лиц, а уничтожить антисоциальные источники преступления»<sup>1</sup>.

Русские передовые люди 40-х годов во главе с Белинским и Герценом были убеждены в том, что человечество развивается в прогрессивном направлении и что несовершенное и антагонистическое общественное устройство является преходящим и должно смениться другим порядком, в котором восторжествуют братские междучеловеческие отношения.

Петрашевский утверждал, что непрерывное преобразование внешних форм есть необходимое явление «жизни всего в природе», что «преобразование общест-

---

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 2, стр. 145—146.



Ф. Н. Львов.

вешного быта соответственно требованиям природы человека безусловно нужно» и действительно постепенно происходит. Он отвергал представление Руссо, «будто бы тип, идеал, первообраз человеческого благоустройства и человеческого счастья должно искать в мире прошедшего, а не в будущем», не в разумном сознании человеческом.

Эту мысль еще раньше развил Герцен в «Письмах об изучении природы»: «Человек не отошел, как думали мыслители XVIII века, от своего естественного состояния,— он идет к нему; дикое состояние — для него самое неестественное»<sup>1</sup>.

Идея о золотом веке в будущем, провозглашенная Сен-Симоном, любимая идея утопического социализма,

---

<sup>1</sup> А. И. Герцен, Избр. философ. произв., т. I, стр. 272.

вдохновляла также социалистов-петрашевцев. О путеводном значении этой идеи для поколения 40-х годов много раз говорил Салтыков.

«Не преданием о прошедшем, но сказаньем о грядущем должно считать в этом смысле золотой век,— писал Петрашевский.— Осуществление его практическое или содеяние общества живым орудием полного благоденствия и счастья всякого человека принадлежит будущему и составляет еще не окончательно разрешенную общественную задачу». Верой в социалистический характер грядущего общественного устройства проникнуты и показания Петрашевского. Придет пора, утверждал он, «когда для счастливого человечества слова: нищета, страдание, горесть, принуждение, наказание, несправедливость, порок и преступление — утратят свое удручительное значение» и будут лишь, «подобно остовам допотопных времен, напоминовением о предшествовавших эпохах бедствия и общественного неустройства... труда тяжкого, удручительного не будет, всякий акт жизни человеческой будет актом наслаждения... эпоха всеобщего блаженства настанет».

Петрашевцы разделяли теорию, выработанную великими французскими утопистами, утверждавшую, что историческое развитие общества идет путем закономерной смены различных эпох, или ступеней, каждая из которых проходит свои периоды роста и упадка. Эта теория была гениальной догадкой, которой творцы утопического социализма пытались осветить явление исторической смены общественно-экономических формаций. Не умея материалистически объяснить эту смену изменениями способа производства, объясняя ее движением идей, они тем не менее сделали очень важное наблюдение, подметив чередование органических и критических периодов.

Понятие органического периода включало представление о прогрессивном развитии материальных сил в условиях, когда общественные отношения способствуют этому развитию.

Понятие критического периода выражало такое состояние общества, когда господствующие в нем общественные отношения изживали себя, противоречили новым потребностям и общественное развитие требовало изменения этих отношений.

Органическим эпохам, писал Петрашевский, противостоят критические эпохи. Они «как в науке, так и в жизни суть эпохи антагонизма, противоречия, противоборства новых требований и способов их удовлетворения со старыми, эпохи переходного состояния». В эти эпохи господствует скептицизм, сомнение, равнодушие к идеалистическим философским проблемам. Петрашевский особо подчеркивал, что в критические эпохи разрушается авторитет власти, утрачивается сознание «законности основания власти тех, кому она принадлежит *de facto*», отрицается справедливость привычных форм общественных отношений.

Передовые люди, жившие в период резкого кризиса феодально-крепостнической формации и начала промышленного переворота в России, бывшие современниками быстрого капиталистического развития ряда западноевропейских стран, не могли не видеть, что общество развивается в прямой связи с ростом производства материальных благ. Они понимали, что основной предпосылкой успешной борьбы за материальное благосостояние масс и за изменение общественных отношений является наибольшее развитие производительных сил.

«Должна быть дана промышленности полная свобода», — писал Петрашевский в начале 40-х годов, но к этому лозунгу буржуазной экономии прибавлял социалистическое обоснование — «чтобы цель и назначение человечества были постигнуты и люди сознавали, что они люди».

В отсталой России, где крепостнические отношения тяжелой преградой стояли на пути подъема техники, передовые люди с радостью приветствовали промышленное развитие, двигавшее страну вперед.

Петрашевцы высоко ценили общественное значение материальных достижений науки и техники. Петрашевский писал: «Не стратегии и тактике Наполеона, а силе сжатого пара суждено преобразить землю и возвысить человечество».

Огромная преобразующая и созидательная сила общественного труда вдохновляла людей 40-х годов. Их воображению представлялись величественные картины будущего, когда человек овладеет могучими силами природы. Рисуя идеал «нормального», т. е. социалистического, общества, Петрашевский указывал на грядущее

щее полное господство человеческого коллектива над природой.

Он подчеркивал мощь именно общественного труда.

Человеку, «взятому в отдельности, почти ничего невозможно совершить, *но все возможно совершить в обществе и обществом*».

Чрезвычайное развитие индустрии, характеризующее XIX в., — «вот практика, вот золотая будущность, золотой век», — говорил Ханыков, выражая твердую веру в возможность материального преобразования всей природы, «всей планеты».

«Для рабочих классов, — писал Милютин, — не могут быть вредными ни развитие промышленности, ни все те явления, которые составляют необходимое условие для ее успехов». Современная наука понимает, «что для уничтожения бедности постоянное деятельное и безостановочное развитие промышленности столь же необходимо, сколь необходимо преобразование в устройстве хозяйственных отношений».

Петрашевский признавал существующее общество «преддверием лучших форм быта общественного, той фабрики, в которой предназначено покуда вырабатывать материалы и способы для будущего благосостояния всего человечества». Он критиковал утопических коммунистов за одностороннее отношение к собственности: они видят способ избавления от нищеты в замене частной собственности общей, но упускают из виду, что «бедность не от того происходит, собственно, что есть богатые, а от того, что в человечестве еще до сих [пор] производится менее ценностей, нежели сколько того общественные потребности требуют»; они забывают «необходимость скопления больших капиталов для изобретений и движения промышленности».

Для демократов 40-х годов индустриальное развитие было положительным явлением не только потому, что оно умножало сумму материальных потребительских благ для человека, но и потому, что машинная техника облегчала тяжелый труд рабочего.

Убеждение в том, что общественные отношения изменяются и должны изменяться к лучшему, представление о преходящем характере современного общественно-экономического порядка, за которым необходимо последует более высокий общественный строй, являлись

важнейшим элементом социалистического мировоззрения русских социалистов 40-х годов. Они приближались к пониманию неизбежности грядущего уничтожения капитализма, как и предшествовавших ему исторических формаций, «силой исторической необходимости». Герцен утверждал, что для буржуазии нет будущего, что «она теперь уже чувствует в своей груди начало и тоску смертельной болезни, которая непременно сведет ее в могилу»<sup>1</sup>. Милютин рассматривал процесс смены общественных отношений с точки зрения изменения «материального благоденствия рабочих классов». Рабство сменилось феодализмом, а феодализм — «свободой промышленности и труда», т. е. капиталистическими отношениями, которые привели к «неограниченному владению капитала над трудом». «Еще один шаг,— предсказывал Милютин,— и цель будет достигнута. Неограниченная свобода промышленности, или — что то же, безусловное господство анархии и произвола, падет рано или поздно, точно так же, как пали и все другие неразумные, несправедливые учреждения, произведенные силою исторической необходимости и ею же уничтоженные».

Социалисты 40-х годов не могли материалистически связать общественный прогресс с борьбой угнетенных общественных классов за свое освобождение от эксплуатации, а падение капитализма с борьбой пролетариата. Они оставались на почве исторического идеализма, утверждая, что победа нового порядка будет обеспечена внутренней разумностью развития. Тем не менее они хорошо понимали необходимость материальной экономической основы для осуществления социалистического преобразования общества.

Учение Фурье привлекало петрашевцев тем, что оно показывало в подробно разработанном виде новые преобразованные производственные отношения, в которых отсутствовала эксплуатация человека человеком. Эти отношения представлялись реальными и осуществимыми, так как Фурье выводил их из преобразования самого производства. Маркс считал великой заслугой Фурье то, что он «объявил решающей задачей *поднятие на высшую ступень самого способа производства, а не*

---

<sup>1</sup> А. И. Герцен, Собр. соч. в 30-ти томах, т. 5, М., 1955, стр. 239

только распределения». Уже в 40-х годах Маркс и Энгельс оценили эту черту: Фурье «всегда исходит только из преобразования производства»<sup>1</sup>.

Утопический социализм указывал на возможность обратить могучие силы производства, служившие до сих пор только обогащению единиц и порабощению масс, на служение благосостоянию всех в качестве общественной собственности.

Правда, Фурье был непоследователен, оставляя в своей системе организации труда право частной собственности на вкладываемые в фаланстер средства производства. Это право, обеспечивавшее особую дополнительную долю в потреблении, должно было служить приманкой для капиталистов, которых Фурье приглашал вложить средства в проектируемый им коллектив. Но самое производство материальных благ в фаланстере строилось на основе обобществленных средств производства и при общественном управлении процессами производства и распределения.

Экономическая проблема разрешалась учением Фурье в форме устройства хозяйственной общины, т. е. производственного коллектива, ассоциации, в которой при отсутствии эксплуатации, при использовании средств науки, при охоте людей к труду неизмеримо подымалась производительность труда работников, а масса производимых богатств колоссально возрастала. Соединение отдельных хозяйств в ассоциацию должно было обеспечить не только общее довольство, но даже роскошь.

Коллективный труд должен был обогащать не только собственников, но и тех, кто отдавал обществу свою «работу» и свой «талант», под которым понималось «разумное усилие», умение, искусство, практическая ловкость, научные знания и организаторские способности.

Признание огромной роли и полноправности производительных участников вновь создаваемых богатств и было элементом новых производственных отношений в противоположность действительным, капиталистическим, а в России крепостническим отношениям, построенным на эксплуатации и «работы» и «таланта» собственниками денег, фабрик и земли. Коллективный труд в ассоци-

---

<sup>1</sup> Из неизданных рукописей К. Маркса, «Большевик», 1939, № 11—12, стр. 65; К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 3, стр. 517.

ации должен был создавать новые равноправные трудовые отношения между владельцами капитала и неимущими, принесшими в общину свои способности и свой физический труд.

В учении Фурье производственные отношения конструировались в полном согласии с философской концепцией «природы человека», на основе свойств и потребностей человека, получавших возможность свободного проявления и удовлетворения при новых формах организации труда. У Фурье, писал Энгельс еще в 1843 г., имеется «научное изыскание, трезвое, свободное от предрассудков, систематическое мышление, короче — *социальная философия*»<sup>1</sup>. Петрашевский также называл систему Фурье «философией быта общественного».

Фурье принадлежала разработка учения о «страстях» — потребностях человека. Под страстями понимались психофизические инстинкты и чувства, общественные стремления, соответствующие психическим связям между людьми, а также отношения людей к труду. Страсти признавались движущей силой человеческой деятельности, включая и материальную производственную деятельность. Учение Фурье уделяло большое внимание отношению людей к труду в процессе коллективного общественного производства.

Поскольку «каждый человек рождается на свет со склонностью к какому-либо виду труда», то, доказывал Фурье, «нет необходимости насильно принуждать людей к деятельности, как это делается при нынешнем устройстве общества, а нужно лишь дать верное направление их природной активности». Свободный труд является наслаждением для людей.

Полное удовлетворение всех страстей человека, по мысли Фурье, делает для человека труд привлекательным, рождает трудовую доблесть, повышает чувство трудовой чести, высокое чувство общественного долга. Это благородство общественно полезного труда демократы 40-х годов очень хорошо понимали и ценили.

Теория Фурье представлялась петрашевцам, несомненно, опирающейся на материальную действительность. Они не держались за ее букву, проходили мимо космических грез Фурье, не обращали внимания на религиоз-

---

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. I, стр. 528.

ную оболочку его теории, но ценили в ней то, что им казалось осуществимым и приложимым к жизни.

«Коренной вопрос общественного быта» — вопрос об организации работ — отчетливее всего разработан фурьеристами, утверждал Петрашевский. Человек — эта «живая единица быта общественного», взят у них не в отвлечении, а «так, как он есть, и быт общественный к нему приноровлен, а не он насильственно подведен под известные формы быта общественного».

Петрашевцам нравилось в системе Фурье живое внимание к многообразным потребностям человека, материалистический подход к жизни. И. Дебу считал одной из положительных черт теории Фурье то, что она, «признавая и согласуя все существующие интересы между людьми, невольно заставляет светло и весело смотреть на жизнь и не пренебрегать ее мелочными интересами». На собраниях у Кашкина, отмечал Ахшарумов, говорили о взглядах Фурье на способности человека, «о том, каким образом заохотить каждого к труду, к которому он способен, и сделать труд вместо тягости приятным удовольствием». Сериарный метод Фурье казался И. Дебу «методом из естественных наук», введенным Фурье в изучение политической экономии, т. е. методом, основанным на реальных данных, а не только на «умозаключениях», как у других политико-экономов.

Но разработанные Фурье новые формы организации труда были искусственными, придуманными и, поскольку они отвлекались от всех других социально-экономических и политических условий, утопическими. Основой новых трудовых взаимоотношений между людьми должна была, по мысли Фурье, стать так называемая сериарная организация работ в крупном хозяйстве, при которой вся материальная деятельность людей распределялась исключительно по нравящимся, свободно избираемым отраслям и специальностям — «сериам». Этим устранялись утомительность и тяжесть труда, и труд делался наслаждением.

Эту утопию петрашевцы признавали осуществимой.

Петрашевский считал организацию труда по Фурье «ключом, пробным камнем» «полной и совершенной реформы быта общественного». Он заявил Следственной комиссии: «Все же, относящееся до организации фаланстера, вполне признаю справедливым и удобоосущест-

вимым на практике». На собраниях петрашевцев было говорено, показывал Дуров, что «фаланстеры могут быть устроены в России».

Следует обратить внимание на то, что система Фурье легко пользовалась популярностью и в среде русской либеральной интеллигенции. Это объясняется тем, что она содержала ряд мелкобуржуазных черт, провозглашая примирение классовых противоречий, мирное сотрудничество капитала с трудом. В фалангах Фурье узаконялось привилегированное положение богатых членов общины, вносивших в нее свой «капитал». Энгельс в 40-х годах определил важную непоследовательность фурьеризма — сохранение в этой системе частной собственности, «мы на деле имеем старую систему конкуренции на улучшенных началах, бастилию для бедных на более либеральных основах»<sup>1</sup>. Эти черты, наряду с сулимыми теорией огромными выгодами потребительской ассоциации, а также открыто провозглашаемые западноевропейскими фурьеристами аполитизм и политическая лояльность, привлекали к теории Фурье таких сторонников, как посетители Петрашевского Н. Я. Данилевский, А. П. Беклемишев, К. И. Тимковский и другие. Тимковский даже считал возможным добиться правительственной помощи для устройства в России экспериментального фаланстера.

Но петрашевцев-социалистов учение Фурье привлекало, конечно, не этими чертами консерватизма и лояльности к власти, хотя многие из них в своих показаниях не упускали подчеркнуть эти черты, чтобы снять с себя политическое обвинение.

---

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. I, стр. 529.



Социалисту в наше время нельзя не быть революционером.

*А. Герцен.*

С конца 1848 г. в кружках петрашевцев замечен подъем политической активности. Самая атмосфера правительственной реакции, ожесточившейся в страхе перед европейскими революциями и обрушившейся на прогрессивную печать и на просвещение, заставляет нас с особым вниманием оценить общественное поведение петрашевцев в этот период. В то время как либеральные кружки прекратили свое существование, многочисленные собрания петрашевцев шли полным ходом. Пропаганда, которую вели петрашевцы, в исторических условиях 1848—1849 гг. превращалась в подлинно революционное дело. «Когда, по случаю западных происшествий, — показывал Баласогло, — цензура всей своей массой обрушилась на русскую литературу и, так сказать, весь литературно-либеральный город прекратил по домам положенные дни, один Петрашевский нимало не поколебался принимать у себя своих друзей и коротких знакомых, — это обстоятельство, признаюсь, привязало меня к человеку навеки. Он, как и все его гости, очень хорошо знал, что правительство, внимая чьим бы то ни было ябедам... во всякую минуту могло схватить, так сказать, весь его вечер и начать розыски, и не смутился духом».

На обеде в честь Шарля Фурье петрашевцы провозгласили необходимость уничтожить старый мир рабского проклятого труда и построить цветущее изобилием, счастливое социалистическое общество — «новый мир, совершенно противоположный действительному порядку вещей». Необходимо «преобразование совершенное, согласно требованиям природы человеческой», — заявляли петрашевцы. «Мы осудили на смерть настоящий быт общественный, надо приговор наш исполнить», — говорил Петрашевский в своей речи 7 апреля 1849 г.

Казалось бы, перед нами теоретики, мечтатели о далеком будущем. Но мысли их прежде всего обращены к России, к отечеству, которое в «рабстве», «в цепях», под игом деспотизма. Эти жаркие защитники социализма знают, что им предстоит путь нелегкий и долгий. Поскольку они родились и живут в России, они признают своим общественным долгом бороться за социализм в своем отечестве, «невежествующем и страждущем от невежества». «Социализм и Россия,— писал Петрашевский,— вот две крайности, вот два понятия, которые друг на друга волком воют... и согласить эти две крайности должно быть нашей задачей».

Социалистов еще мало, ничтожно мало в России, но, заявлял Ахшарумов, «все начинается с малого и растет до великого». Им предстоит «великое дело» — «возвести новую жизнь». «Мы здесь в нашей стране начнем преобразование, а кончит его вся земля».

Ханыков и Ахшарумов хорошо понимали необходимость политической борьбы и неизбежность революционной схватки с царизмом. Но речи их на обеде в честь Фурье приняли слишком отвлеченный, декларативный характер. И вот Петрашевский, «старейший пропагатор» социализма в России, спускает утопистов на землю, напоминая им о задачах освобождения русского народа от крепостной кабалы и гражданского бесправия. Петрашевский предложил тост «за знание действительности», подчеркнул «необходимость соединения пропаганды социальной с политической». Еще прежде Петрашевский предлагал расширить устраиваемое торжество, пригласив и «нефурьеристов», и «сделать обед более политический, нежели социальный».

Петрашевцы, русские социалисты 40-х годов, сумели критически подойти к некоторым слабым сторонам западноевропейских утопических теорий.

Историческая ограниченность этих теорий заключалась в отказе от борьбы за власть и в непонимании активной роли буржуазного государства в защите экономической и политической власти господствующего класса. Считалось возможным начать экономическое преобразование общества вне политики, «силой примера» новых форм организации труда. Фурье предоставлял функции организации производства и потребления самоуправляющимся общинам, обходя вопрос о централизованной



Ф. М. Достоевский.

власти. Известно, что он даже надеялся на поддержку со стороны просвещенных правителей и миллионеров.

Русские социалисты в крепостной России не могли всерьез питать подобные иллюзии, хотя опять-таки, в целях самозащиты подчеркивали перед следователями аполитизм признаваемых ими социалистических теорий. Они не только отбрасывали всякую религиозно-метафизическую и фантастическую оболочку этих теорий, но, по существу, отвергали

их утопические методы борьбы. Они искали такой теории, в которой возможность общественного преобразования опиралась бы на реальные силы действительности. В. Милютин видел слабость утопических социалистов в том, что, «признавая все справедливое возможным», они отрицают самую действительность, «нисколько не принимая ее в соображение при построении своих теорий».

Милютин уже в 1847 г. поставил проблему превращения утопии в науку, мечты в действительность. Самая постановка такой проблемы являлась критикой утопического социализма. Милютин, как и другие материалисты 40-х годов, требовал сведения общественной науки на почву действительности, на материалистическую основу. Он протестовал против приписывания человеку «власти изменять по произволу устройство общественных отношений». Общественные науки должны были, по его мнению, доказать существование не зависящих от воли человека законов жизни общества.

Так как идеи и теории порождаются жизнью, отвечают на потребности общественного развития, являются осознанием этих потребностей, то, считал Милютин, «дей-

ствительность сама по себе не противоборствует мечте, но, напротив, вызывает ее и производит». Социалистические идеи близки к действительной жизни, потому что они «заботятся преимущественно о решении экономических задач, об организации хозяйственных отношений», что они как будто «вызваны самой силой обстоятельств, т. е. экономическими и общественными событиями настоящей эпохи». Идея, или утопия, есть «предвидение *будущей* действительности», она имеет характер «пророчества, апелляции от настоящего к будущему». Утопия неминуемо обгоняет действительность, из которой она исходит. Но «между идеалом и действительностью... нет никакого противоречия, развитие идей соответствует развитию самой жизни», и то, что сначала является только идеей, впоследствии превращается мало-помалу в действительность.

В поисках реальных сил, на которые могло бы опереться социалистическое преобразование, некоторые петрашевцы обратили внимание на русскую сельскую общину. В их взглядах мы найдем в зачаточном виде идею, будто русская крестьянская община несет в себе зародыш социалистической организации труда. Эта идея была разработана Герценом в конце 40-х — начале 50-х годов, после крушения его надежд на «социальный переворот» в Западной Европе, и составила характерную черту русского крестьянского социализма. В. И. Ленин указывал, что «зародыши, зачатки народничества были, конечно, не только в 60-х годах, но и в 40-х и даже еще раньше»<sup>1</sup>.

По свидетельству К. Д. Кавелина, Белинский говорил, «что Россия лучше сумеет, пожалуй, разрешить социальный вопрос и покончить с враждой капитала и собственности с трудом, чем Европа».

У «фурьеристов» было обращено внимание на сельскую общину, с которой познакомили русское общество славянофилы. Петрашевский делал выписки из известной книги Гакстгаузена, вышедшей в 1847 г. Толки об общине шли в кружке Дурова. Отголоски этих толков находим в показаниях Н. П. Григорьева. «Что такое артель,— писал он,— как неслышимое изобретение русского ума, давно поставившего социализм на должное ему

---

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 530.

место? Что такое наша благотворительная запашка<sup>1</sup> — все тот же социализм». «Деревенская, т. е. крестьянская, земля принадлежит не какому-либо отдельному лицу, а целому миру — общине, которая распределяет ее между мирянами», — объяснял Головинский.

Петрашевский доказывал Следственной комиссии, что именно экономическая организация общины, в которой он видел «дух социализма», спасает крепостных крестьян от полного обнищания. Но в общине петрашевцы видели, кроме того, и основу демократического общественного устройства — эта сторона вопроса также сближала их с будущими шестидесятниками.

Ханыков считал сельскую общину исторической основой народной жизни. Он разделял представление декабристов о том, что общинное демократическое устройство удельных времен, времен «народной вольницы», было подавлено в дальнейшем ходе истории развитием «деспотизма». Он хотел «пополнить пробел» в системе Фурье, который «пренебрег историческими преданиями», т. е. не учел сохранившихся особенностей общественного быта, могущих облегчить социалистическое преобразование. В общинном устройстве государственных и удельных крестьян Ханыков видел один из «элементов возмущения», считая, что в этой среде сохранилось более живое стремление к свободе. Представления петрашевцев о социалистической сущности русской общины были глубоко утопичны. Исторической задачей в России была борьба за буржуазный строй, шедший на смену крепостничеству. Крестьянству, массе мелких производителей, предстояла перспектива превращения в классы буржуазного общества — мелкую буржуазию и пролетариат.

Однако эти утопии отражали в свое время поиски правильной общественной теории, опирающейся на экономические условия народной жизни. В этих взглядах на общину было мало общего со славянофильством. Славянофилы рассматривали общину как патриархальное учреждение, предохраняющее Россию от социализма, доказывающее неприменимость социалистических теорий в русских условиях. Славянофильская теория общины утверждала о коренном отличии России от Европы.

---

<sup>1</sup> Благотворительная запашка — участок, обрабатываемый в пользу нетрудоспособного населения деревни.

Представление об ассоциации, как основе солидарности между помещиком и крестьянином, отразилось в некоторых либеральных проектах крепостных фаланстеров, по существу являвшихся проектами утонченной эксплуатации крестьян. Таков был, например, проект А. П. Беклемишева, выдвигавший на первый план выгоды потребительской ассоциации крестьянских хозяйств и блага классового мира, которые будто бы явятся результатом «сообщения помещиков и крестьян». «Сообщите помещиков и крестьян,— предлагал он,— тогда помещики не будут более, как ныне, дрожать ежеминутно за жизнь свою, они будут спокойно ложиться спать».

Реакционную идею о крепостном фаланстере высмеивал Герцен, именуя крепостников, выведенных в романе «Кто виноват?», «главой общины», «почтенным главой этого патриархального фаланстера».

В мемуарной литературе существует рассказ журналиста В. Р. Зотова о попытке Петрашевского устроить «фаланстерию» для крестьян принадлежавшего ему выселка из семи дворов. На рождестве 1847 г., в ночь накануне приказанного им переселения в выстроенный для них благоустроенный общий дом, крестьяне будто бы сожгли этот дом со всем имуществом.

Этот рассказ, несомненно, вымышлен. И показания Зотова, и его воспоминания подтверждают, что он вовсе не был близок с Петрашевским. Факт, о котором Петрашевский мог рассказывать Зотову при случайной встрече, был бы, конечно, известен и его друзьям. Но этот рассказ не подтверждается никем. Может быть, Петрашевский и пытался как-то улучшить жизнь своих крестьян, но нельзя считать это попыткой навязать крестьянам крепостной фаланстер. Ничего общего с идеей организации труда в фаланстере здесь нет.

Русские демократы 40-х годов не искали и не могли в русских условиях видеть революционной силы в рабочем классе. Вместе с тем они горячо сочувствовали той защите интересов пролетариата, которую встречали в западноевропейской социалистической литературе — у Луи Блана, Прудона, Бюре и других. Их внимание привлекала проблема пауперизма — обнищания рабочих, как важнейшая социальная проблема, стоящая в капиталистических странах.

Вопрос о пауперизме был впервые подробно освещен в русской литературе В. Милютиным. Согласно с глубокой мыслью Фурье, что «в цивилизации бедность порождается самим избытком», Милютин показал пауперизм как страшное зло, порождаемое самим развитием богатства в качестве его полярной противоположности. В работе «Пролетариат и пауперизм в Англии и во Франции» Милютин использовал книгу Евг. Бюре «Нищета трудящихся классов в Англии и Франции», которую он называет «одной из самых блистательных и энергических протестаций против учения экономистов о пауперизме и распределении богатств». В. Милютин видел в многочисленном классе пролетариев «живой упрек современной цивилизации, предмету нашей гордости и нашего удивления». Он ярко изобразил эксплуатацию и обнищание рабочих капиталистических стран, показав также бесчеловечную эксплуатацию детского труда.

Для России тема «пролетариатства» в это время имела свое национальное, своеобразное значение. Она была связана с близким будущим крестьянства. При освобождении без земли русское крестьянство должно было превратиться в многомиллионную массу пауперов. Именно эту проблему видели русские читатели перед собой, читая о положении ирландских пауперов. Милютин показал, как безысходная нужда привязывает безземельного земледельца к чужому клочку земли, как он держится за него, несмотря на полную невозможность окупить свое существование, как, дочиста обобранный и ограбленный системой аренды, он буквально «умирает с голода». «Ирландия,— писал Милютин,— как известно, по преимуществу страна нищеты; она указывает собою тот последний, крайний предел, до которого могут дойти бедствия и страдания человечества».

В статье Милютина рассказывалось также о непрерывных, почти ежегодных возмущениях, волнениях и восстаниях английских «сельских классов», вызванных «только одной чрезмерной нищетой». Эта тема очень актуально звучала в России 40-х годов в период все учащавшихся волнений крепостных и государственных крестьян.

Революционная роль рабочего класса не могла быть воспринята русскими демократами и социалистами не только 40-х годов, но и гораздо позже, вплоть до появ-

ления рабочего движения в России. Но они приветствовали борьбу неимущих, обездоленных классов против угнетателей. Эту борьбу петрашевцы признавали закономерным явлением в каждом обществе. В. Милютин признавал «борьбу интересов» показателем жизненных сил общества. Отвергая причитания славянофилов о гнилости Европы, зараженной социальными смутами, Милютин писал: «Близоруким судьям Запада можно сказать, что они смотрят и не видят, слушают и не слышат. Они не понимают, что эта борьба интересов есть признак не распада, а жизни, что она показывает не гнилость общества, а, напротив, его зрелость, его свежесть, его силу».

Но Милютин не видел особой роли пролетариата как единственного класса, которого его собственные интересы заставляют бороться за уничтожение эксплуатации человека человеком. Он приписывал «стремление к добру» обществу в целом, «которое сознает в себе несправедливость и силится победить ее».

Для Ханыкова закон классовой борьбы, идущий через всю историю, включая современную «борьбу пролетариев с капиталистами», представлялся законом борьбы победителей и побежденных. Победители отрицают «естественные права» побежденных, побежденные борются за них. В социализме он видел восстановление естественных прав людей, уничтожение борьбы, высшее начало «всемирного примирения, всеобщей свободы, счастья».

Найти в действительной жизни силы, способные бороться за социализм, русские мыслители и революционеры 40-х годов не могли, в силу отсталости общественного строя в России. Эта проблема была разрешена в то же самое время в Западной Европе, в условиях развитого капиталистического строя, сформировавшего такую силу в лице промышленного пролетариата. Разрешение этой проблемы было одновременно созданием научного социализма, основоположниками которого стали К. Маркс и Ф. Энгельс.

Но надо со всей силой подчеркнуть, что и в России 40-х годов ставился вопрос о преодолении утопических черт социализма. Этому способствовала историческая обстановка, сила крепостников и крепостнического государства, их яростное сопротивление всякому шагу впе-

ред. Здесь не могли укорениться добросовестные утопические надежды на какое-либо сочувствие господствующим классам коренному общественному переустройству.

Петрашевский понимал, какое сопротивление отживающих сил встретит борьба за новый порядок. «Чем важнее будет новаторство в сфере быта общественно-го,— писал он,— тем большее количество интересов оно должно потрясти, тем наибольшую реакцию встретит в нравах общественных, так что сила противодействия новаторства будет находиться в прямом отношении к его полезности».

Петрашевцы были утопическими социалистами в крепостной России, где задача общественного развития состояла в борьбе за буржуазный строй. Поэтому для них представлял огромную трудность вопрос о силах, способных к борьбе за социализм, и о методах этой борьбы. Таких сил действительно не было в тогдашней России. По этим вопросам не было и не могло быть согласованных мнений в складывающемся лагере революционной демократии. Учению утопического революционного коммунизма, к которому примыкал Спешнев, коммунизма, характеризовавшегося стремлением к коренному переустройству общества революционным насильственным путем, Петрашевский противопоставлял фурийеризм, который «доводит до того постепенно и естественно, чего желает установить мгновенно и насильственно коммунизм». Петрашевский верил в силу примера удачного экономического опыта фаланстера и предпочитал этот путь «болезненным» и «разрушительным» революционным потрясениям, связанным с «неблагоразумной тратой сил общественных».

Но в то же время насущные задачи борьбы против самодержавия и крепостничества для того же Петрашевского стояли на первом плане, неизбежно приводя к выводам о необходимости вовлечения народных масс в политическую борьбу. И признанный защитник «мирного» учения Фурье Петрашевский подвергался упрекам со стороны участников кружка Кашкина за забвение принципов фурийеризма, за призыв заняться не только «социальной», но и политической пропагандой. А Ахшарумов, один из тех, кто упрекал Петрашевского, признавался, что готов был даже на «восстание против правительства» ради возможности осуществления фаланстеров в

России. Такими сложными путями развивалась демократическая и социалистическая мысль 40-х годов, приходя к сознанию невозможности «мирной» борьбы за социализм.

Так, уже первые шаги социалистического движения в России вели к тому, «что самой его насущной задачей оказалась борьба против самодержавного правительства, завоевание политической свободы»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 373—374.



## КРЕСТЬЯНАМ ВОЛЯ И ЗЕМЛЯ БЕЗ ВЫКУПА

Всего один вопрос в России представит повод к народному восстанию, именно крестьянский вопрос.

*Н. Спешнев.*

Напряженное крестьянское сопротивление власти помещиков в крепостной России в конце 40-х годов было так ощутимо, что, казалось, близится и надвигается общенародное восстание. Либерал А. П. Беклемишев писал: «Идея свободы, как электрическая искра, пробежала по деревням и селам, умы крестьян в брожении, страсти разгораются... Общий крик: «государь хочет нас сделать свободными, а бояре ему мешают». Логическое следствие этой мысли, глубоко вкоренившейся в народе, может быть только рано или поздно — общее восстание крестьян против предполагаемых утеснителей своих».

О том же писал Белинский в конце 1847 г.: «Крестьяне сильно возбуждены, спят и видят освобождение... Они убеждены, что царь хочет, а господа не хотят. Обманутое ожидание ведет к решениям отчаянным»<sup>1</sup>.

В обстановке суетливой возни правящих кругов вокруг крестьянского вопроса с целью оттянуть его разрешение в демократическом лагере вырабатывались основы новой, радикальной для своего времени программы, требовавшей передачи крестьянам всей обрабатываемой ими земли без выкупа. Позже, в условиях революционной ситуации, эта программа была развита и углублена Чернышевским как программа демократической революции, включавшая уже ликвидацию помещичьего землевладения, выборное самоуправление сверху донизу и, как необходимое условие ее осуществления, уничтожение самодержавия.

---

<sup>1</sup> В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 12, М., 1956, стр. 439.

Вопрос об освобождении крестьян живо интересовал многих петрашевцев. Петрашевского сильно занимало «желание разрешить вполне вопрос об освобождении крестьян»; он обдумал в главных чертах «множество мер» к его разрешению. В бумагах Спешнева имелось «Рассуждение о крепостном состоянии, о необходимости неотлагательного уничтожения его в России и о составлении общества из лиц, действующих для достижения сей цели». Изучением крестьянского вопроса занимались Головинский, Григорьев, Филиппов, П. Кузьмин и другие.

На собраниях петрашевцев говорили, «что если правительство освободит крестьян, не дав им земли в собственность, то это необходимо тотчас же образует у нас огромный класс пролетариев, более многочисленный, чем в государствах Западной Европы». Петрашевский утверждал, что если освобождение крестьян совершится без земли, то оно «не будет благодеянием для них».

Проектировать освобождение без земли перед лицом внушительного крестьянского движения не решались даже ярые крепостники. Но отдать землю русские помещики не хотели. «Трудность этого решения,— писал Белинский,— заключается в том, что правительство решительно не хочет дать свободу крестьянам без земли, боясь пролетариата, и в то же время не хочет, чтобы дворянство осталось без земли, хотя бы и при деньгах»<sup>1</sup>. Возникла либеральная компромиссная программа освобождения крестьян при сохранении основной массы земли за помещиками и передаче крестьянам некоторой части обрабатываемой ими земли за выкуп. Проекты чиновника министерства внутренних дел А. П. Беклемишева, посещавшего кружок петрашевцев, откровенно показывают, что необходимость освобождения крестьян с землей диктовалась помещикам не только страхом, но и классовым расчетом. Он писал: «Отпустить крестьян на волю без земли, т. е. без всякой недвижимой собственности, значит совершенно разорить помещиков, лишив их всякой возможности, по крайней мере в первое время, иметь работников для возделывания полей».

Эти либеральные проекты надо иметь в виду, чтобы понять, чем отличалась от них впервые слагавшаяся в

---

<sup>1</sup> В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 439.

первоначальных общих чертах демократическая программа освобождения крестьян.

До нас дошли два документа по крестьянскому вопросу, написанные Петрашевским. Это литографированная записка, которую он выпустил в феврале 1848 г., и незаконченный «Проект об освобождении крестьян», найденный в его бумагах, по-видимому более позднего происхождения. Эти документы по-разному подходят к вопросу. Записка является попыткой поставить на публичное и легальное обсуждение запрещенный крестьянский вопрос. «Проект» выражает принципиальные программные позиции. В «Проекте» отражена также известная эволюция во взглядах Петрашевского на крестьянский вопрос, связанная с наступившим в 1848 г. крушением надежд на крестьянскую реформу сверху.

Литографированная записка Петрашевского носила многообещающее название «О способах увеличения ценности дворянских или населенных имений». При повсеместной задолженности помещичьих имений и их хозяйственном застое она должна была заинтересовать помещиков, как выгодный выход из затруднений. Петрашевский объяснял на следствии, что предлагал меры, сходные с известными указами правительства, «прямо способствующие к возвышению ценности населенных имений и косвенно содействующие к освобождению крестьян»<sup>1</sup>.

Петрашевский предлагал распространить право владения населенной землей на недворян, вследствие чего создастся прилив капиталов к земле и цена на нее повысится. Но при выводе земли из дворянской собственности должна была уничтожаться крепостная зависимость крестьян. Переход земли в недворянские руки давал крестьянам право выкупаться, и они должны были делаться «обязанными», т. е. лично свободными, несущими повинности с земли, которой пользуются.

Записка Петрашевского была воспринята в дворянских кругах именно как проект отмены крепостного права. Сенатский чиновник К. Лебедев писал, что Петрашевский сделал предложение «о дозволении всем сословиям приобретать населенные имения и этим путем отменять исключительность права и самое право».

---

<sup>1</sup> Записка напечатана в сб. «Петрашевцы», т. II, М.—Л., 1927, стр. 82—84.

Петрашевский исходил из существующих уже указов об обязанных крестьянах (1842) и о праве выкупа с земель при продаже имений с торгов (1847), комбинируя их вместе и делая освобождение крестьян не зависящим ни от инициативы, ни от согласия помещиков. Петрашевский мог рассчитывать на успешный ход освобождения крестьян по его проекту, зная о сильной тяге крестьян к использованию закона 8 ноября 1847 г. С другой стороны, он стремился убедить помещиков в большой выгоде для них предлагаемой операции, которая перенесет с их плеч на другие классы тяжести и неприятности, связанные с «изменением настоящих отношений крестьянина и помещика», а их самих вознаграждает за «уступку более мнимую, нежели действительную, некоторого преимущества» — значительными экономическими выгодами.

Петрашевский видел в крестьянах вовсе не экономически беспомощный и неимущий класс, а класс хозяйственно сильный, способный при свободном труде крепко стать на ноги. Он предлагал создание уездных «сохраненных касс» для крестьянских сбережений, считая, что эта мера внесет в общественный оборот «значительные капиталы, ныне находящиеся без движения». Этим же облегчится выкуп крестьян, которые будут обязаны своим освобождением «своему труду и благоразумию, а не странному пожертвованию других». В духе Петрашевского было считать «милость» нарушением справедливости, и последняя фраза подчеркивает его отношение к существующему положению, когда и переход в обязанные и выкуп крестьян зависел от согласия помещиков.

Литографированный проект Петрашевского, расчищавший путь буржуазному землевладению, следует оценить как реформистскую иллюзию, противоречившую позиции освобождения с землей без выкупа. Не случайно некоторые петрашевцы приняли его с большим неодобрением, как поддержку интересов купцов, «финансовой аристократии». Этот проект был одним из поисков осуществления реформы помимо революционной борьбы масс<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Уже после записки Петрашевского, в марте 1848 г., правительство нейтрализовало закон 1847 г. о праве выкупа крестьян с землею целыми общинами при продаже имений с торгов, заменив

Однако записка Петрашевского имела и другой смысл. Она была практической попыткой нарушить молчание по крестьянскому вопросу и вынести его на общественное обсуждение. Петрашевский хотел использовать для этого дворянские выборы в Петербурге в феврале 1848 г.

Записка Петрашевского была просто не принята губернским предводителем дворянства. Но, видимо, Петрашевский, внося ее, рассчитывал на поддержку известной группы дворян. Ястржембский упоминает о помещике Петербургской губернии полковнике Даровском, «который вместе с Петрашевским в дворянском собрании внес проект освобождения крестьян, что привело министра Перовского в бешенство».

В «Записке о деле петрашевцев», составленной Ф. Львовым и Петрашевским в Сибири, упоминается, что вследствие конфликта Петрашевского с губернским предводителем А. Потемкиным некоторые дворяне воздержались от представления приготовленных ими проектов по крестьянскому вопросу, опасаясь репрессий, ибо «под рукой говорили», что тогда выборное собрание будет закрыто.

Сохранились сведения, что один проект, внесенный дворянами Царскосельского уезда, был заслушан в предварительном собрании депутатов петербургского дворянства 17 февраля 1848 г. Царскосельские помещики не шли дальше предложения составить опись крестьянских повинностей по имениям и дать право крестьянам жаловаться на «отягощение их господскими работами». Но внести этот проект на обсуждение губернского собрания по выборам было все же запрещено, со ссылкой на «важность предмета», «несовместного с преждевременною излишнею гласностью».

Чтобы в такой обстановке добиться обсуждения своего проекта, Петрашевский должен был приглушить его демократический смысл, выставляя на первый план выгоды помещиков. Не достигнув своей цели, он все же широко распространил свою записку за своей подписью, разослав ее даже в провинцию. Известно, что она послужила поводом для новой полицейской слежки за Петрашевским.

---

его правом отдельных крестьян покупать недвижимое имущество с согласия помещиков, оставаясь крепостными.



М. Е. Салтыков-Щедрин.

Эти факты отражают «эмансипационные» настроения небольшой части дворянства, на которые Николай I ответил выговором в речи депутатам петербургского дворянства в марте 1848 г. «В последнее время распустили слух о какой-то эмансипации. Эта мысль и самые толки о ней нелепы», — сказал царь и подтвердил, что земля является нерушимой собственностью помещиков.

На тех же дворянских выборах Петрашевский критиковал предложение послать царю адрес, выражающий осуждение революции, только что начавшейся во Франции. Адрес был отклонен дворянским собранием, следствием чего был отказ царя в принятии даже обычного верноподданнического адреса.

Петрашевский считал, что его выступления на дворянских выборах вызвали личную ненависть к нему Николая I.

Второй документ Петрашевского, «Проект об освобождении крестьян»<sup>1</sup>, содержал критику политики крепостнического правительства по крестьянскому вопросу. Известно, что правительство Николая I топталось на месте в крестьянском вопросе, изредка решаясь на незначительное маневрирование для ослабления внутреннего напряжения в стране. Указы 40-х годов, касавшиеся крепостного состояния, Белинский в письме к Гоголю называл «робкими и бесплодными полумерами в пользу белых негров».

Петрашевский осуждал эти «полумеры» как непоследовательные «законодательные случайности», «действующие раздражительно на умы, никому не доставляя ни надлежащего удовлетворения, ни обеспечения в будущем». «У силы без схватки промахи да упадки», — писал он, подчеркивая, что усилия, бьющие мимо основной цели, обречены на неудачу. Ходячему мнению «что-нибудь лучше, чем ничего» он противопоставлял убеждение, что «лучше ничего, чем худое».

Впоследствии этот взгляд, вынесенный из опыта проведения крестьянской реформы руками помещиков, развил Чернышевский, утверждавший, что лучше не приниматься за реформу, когда нет сил ее выполнить в интересах народа, иначе она будет испорчена враждебными руками, превращена в «мерзость»<sup>2</sup>.

Петрашевский критиковал дворянские проекты освобождения, отражавшие узкогрупповые интересы их авторов. Такие проекты не раз разбирались на «пятницах». Он требовал глубокой подготовки и специальных статистических и финансовых знаний для подхода к решению крестьянского вопроса, от которого «зависит действительно, а не метафорически благосостояние миллионов». Те же мысли мы встречаем у Головинского. Изучение крестьянского вопроса, утверждал он, не может оставаться делом одного правительства, но «предполагает приготовление материалов и частными лицами» для учета всего разнообразия местных конкретных условий.

Петрашевский считал самым простым и справедливым способом «прямое, безусловное освобождение» кре-

---

<sup>1</sup> См.: сб. «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», Госполитиздат, 1953, стр. 359—364.

<sup>2</sup> Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. 13, М., 1949, стр. 106.

стьян «с тою землею, которая ими была обрабатываема, без всякого вознаграждения за то помещика». Даже и при таком решении, указывал Петрашевский, «пай, нами данный крестьянину, будет несравненно менее того, какой ему следовало бы по-настоящему получить».

Справедливость такого разрешения вопроса Петрашевский выводил из естественного права: поскольку «род человеческий есть совокупный обладатель земного шара», каждый человек может иметь свою долю в этом владении.

Мы видим связь идеи Петрашевского о праве каждого человека на землю с традицией западноевропейской и русской демократической мысли и, в частности, с мыслями П. Пестеля, который также признавал, что «земля есть собственность всего рода человеческого и никто не должен быть от сего обладания ни прямым, ни косвенным образом исключен». Петрашевский преодолевал дворянскую ограниченность Пестеля, который в своих проектах имел в виду не лишить дворян «дохода, ими с поместий своих получаемого».

Переходя на историческую почву, Петрашевский доказывал, что помещики уже в достаточной мере воспользовались крестьянским трудом и что реформа не может их разорить: «все-таки при сем разделе на долю помещиков придется хорошая, чуть не львиная часть», так как в их пользу останутся те их поля, которые не нужны для пропитания освобожденных крестьян, построенные руками крестьян строения и другие результаты крестьянского труда.

Петрашевский признавал полное право собственности крестьян на землю, с которой они кормились и лишить их которой было бы «законопротивно». В то же время петрашевцы не представляли себе, как не могли этого представить и все дворяне, чтобы правительство поступило «революционно, т. е. законопротивно» (так передает А. Мадерский слова Петрашевского), с помещиками, не заплатив им за эту землю. Вознаграждение помещиков правительством казалось им необходимой практической мерой, которая могла бы обеспечить проведение крестьянской реформы сверху при ожесточенном сопротивлении со стороны землевладельцев.

Говоря о вознаграждении помещиков за землю, петрашевцы не связывали этот вопрос с выкупным гнетом,

налагаемым на крестьян. Они имели в виду финансовую операцию за счет правительства. Но для оптимизма на этот счет было мало оснований, так как критическое состояние государственных финансов было общеизвестно. Убеждение, что правительство не может пойти ни на освобождение крестьян без земли, ни на безвозмездное отобрание этой земли у помещиков, так как при этом оно «должно будет поступить революционным образом и, следовательно, должно будет действовать само противу себя», приводило Головинского к неизбежному выводу, что правительство «не может освободить крестьян».

Этот вывод подкреплялся и резким поворотом в политике правительства, которое после событий 1848 г. в Западной Европе положило под сукно крестьянский вопрос.

В 40-х годах еще не был найден способ освобождения, выработанный помещиками позже,— с недостаточным наделом, с отрезками и с выкупом по повышенной оценке земли, переложением на плечи крестьянства. Но Петрашевский как бы предвидел новые тяготы, которые падут на крестьян; он считал, что почти половина крестьян — оброчники, перейдя из-под помещичьей власти под экономический пресс бюрократического государства, едва ли получит облегчение. Платя значительные оброки, они зато производят торговлю без платы, тогда как «будучи свободными,— говорил Петрашевский,— они должны будут платить и за право принадлежать к какому-нибудь сословию, и за право торговли, и за обязанность служить по выборам, и мало ли еще за что, так что платить им придется гораздо большую сумму, нежели оброк барину».

Ту же мысль выражал Момбелли. «От одного слова свободный,— говорил он,— оттого, что вместо помещичьего крестьянин сделался исключительно казенный, благосостояние его еще не везде улучшится». Недобросовестный чиновник «интересами с ним никакими не связан, о будущности его не подумает и, что можно, вытянет при случае».

Противоречия и колебания во взглядах Петрашевского по крестьянскому вопросу показывают сложность процесса становления революционно-демократической идеологии. Демократы 40-х годов не ставили и не могли поставить вопрос о насильственной ликвидации поме-

щичьего землевладения. Этот принцип был выработан революционными демократами в период созревания революционной ситуации 1859—1861 гг. и связан с надеждами на близкую победу крестьянской революции. Но радикальная постановка аграрной проблемы, предлагавшая передачу крестьянам всей их земли без выкупа, была безусловно большим шагом вперед по сравнению с программами декабристов. Такая постановка вопроса была непосредственно обусловлена все повышающимся напряжением крестьянской борьбы.



## СИЛЫ РЕВОЛЮЦИИ

Вот мой образ мыслей о России:  
неодолимое ожидание близкой револю-  
ции и жажда ее.

*Н. Чернышевский.*

Разные общественные группы по-своему, исходя из своих классовых интересов, воспринимали перспективу грядущей революционной ломки старого строя. С ненавистью и страхом смотрели на нее крепостники; той же боязнью революции, опасением за привычные «мирные» общественные отношения была проникнута идеология славянофилов и либералов-западников.

Петрашевцы смотрели иначе.

«Перемена правительства нужна, необходима для нас», — говорил Петрашевский Антонелли. Он говорил о «великом перевороте, которого всякий человек с душою, честью и истинно человеческими понятиями должен ожидать с нетерпением».

Вера в близость революции, пример боевых выступлений революционных масс в странах Западной Европы обостряли стремление демократов 40-х годов вступить в бой со старым порядком. Ханыков поверял Чернышевскому свои мысли «о возможности и близости у нас революции», показывая ему «множество элементов возмущения», утверждая, что революции «может быть не-долго дожидаться»<sup>1</sup>.

Чувство приближающегося социального переворота хорошо выразил в своем показании А. Баласогло. Уже в половине 40-х годов он «сознал ясно, что в России пошло все вверх дном, что в ней готовится какая-то катастрофа и что это уже ни для кого не тайна». Приметы «приближения бури» он видел в таких явлениях, которые можно назвать кризисом верхов: в моральном одичании верхушки общества, в «исчезновении капиталов, которые

---

<sup>1</sup> Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. I, стр. 193.

как бы ушли в землю», в «вере в одни деньги», наконец, в «бессилии власти к одолению бесчисленных беспорядков и злоупотреблений»; а будущую крестьянскую революцию представлял себе в виде грандиозной гражданской войны, сопровождающейся борьбой покоренных народов и отпадением их от Российской империи.

Передовые деятели 40-х годов заново передумывали и пересматривали вопрос об общественных силах, способных добиться уничтожения крепостного права и свержения или ограничения царской власти. Для декабристов вопрос о силе, производящей политический переворот, решался просто: в их глазах такой силой являлась легко управляемая солдатская масса, послушная своим офицерам-революционерам. В 40-х годах опыт декабристов представлялся серьезной политической ошибкой.

Для многих петрашевцев, так же как для Герцена, были ясны причины неуспеха восстания декабристов, в котором «народ остался равнодушным зрителем». Они критиковали заговорщическую тактику декабристов. А. Д. Толстов, рассказывая агенту Наумову о планах повсеместной пропаганды, подчеркивал отличие этой новой тактики от действий декабристов. «Они (т. е. правительство) думают, что у нас теперь, как прежде, какой-нибудь один полк сбунтуется, и мы будем действовать силою; нет, у нас теперь все иначе, мы действуем не так». Выступление произойдет, «когда везде наши действия примут и будут все недовольны, а правительство будет угнетать более».

Петрашевский видел причины поражения заговора декабристов в том, что «главная его цель была известна только очень малому числу действующих лиц, между тем как другие действовали наобум». Лишь приобретя доверие упорным преодолением препятствий и «внушая всем и всякому необходимость нового порядка вещей», руководители могут надеяться на верный успех. «Масса всегда против правительства», и когда ею будут распоряжаться убежденные и уверенные в себе руководители, то «правительство никакими средствами не в состоянии будет остановить общего потока и необходимо должно будет покориться новому порядку вещей».

Революционному перевороту должна предшествовать идейная подготовка народных масс. Переменить правительство «нужно не вдруг,— объяснял Петрашевский,—

но действуя исподволь, приготовляя как можно осторожнее и вернее средства к восстанию таким образом, чтобы идея о перемене правительства не заронилась бы в головы двум, трем, десяти лицам, но утвердилась бы в массах народа и казалась *не внушенной*, а естественно рожденной по положению дел».

Решающую историческую силу освободительного движения передовые люди 40-х годов начинали видеть в народе, в крестьянстве. «Главная цель,— говорил Петрашевский,— состоит в том, чтобы идеи и желания укоренились в массах народа, а когда будет чего желать целый народ, тогда против него ничего не может войско».

Мысль петрашевцев искала в народной среде опоры для революционного действия. Они старались уловить признаки революционных настроений в народе, сомневались в прочности монархических предрассудков крестьянства. Ястржембский доказывал, что «простой народ принципом зла непременно понимает государя», ссылаясь на свои сношения с польскими, украинскими и белорусскими мужиками; по его наблюдениям, крестьяне считают царя виновником того, что они остаются в крепостной кабале. Другие возражали, что в Великороссии «простой народ вооружен против властей», но перед царем еще «благоговеет». Особенно отчетливы стали эти новые представления о скрытой революционной силе крестьянства в связи с тем, что после событий в Западной Европе в 1848 г. царское правительство круто повернуло в сторону реакции и в крестьянском вопросе.

Петрашевцы понимали, что революционную пропаганду следует начинать в наиболее восприимчивой к ней социальной среде, откуда затем выйдут новые пропагандисты для широких народных масс. В отличие от дворянских революционеров, петрашевцы не ориентировались на передовое дворянство. Быстрый рост слоя демократической разночинской интеллигенции укреплял их представление о широком круге сочувствующих им единомышленников. Они делали даже подсчеты сочувствующих сил. На «пятницах» у Петрашевского «старались разъяснить себе, в каком положении находится социализм в России и какое число социалистов». Называли цифры от 400 до 800 человек. Вычисления эти делали Петрашевский, Спешнев и другие.

Наиболее благоприятной средой для пропаганды пет-

рашевцы считали учащуюся молодежь. Ахшарумов выделял как первоочередную задачу — «распространение между собою». «Первое,— писал он,— с чего нам начать,— распространить мнения в своем кругу». Он перечислял людей специальных познаний, ученых, людей практических, военных людей; ставил задачу «взять в свои руки университет, Лицей, правоведение (т. е. Училище правоведения), училища артиллерийское и инженерное, кадетские корпуса и гимназии»<sup>1</sup>, т. е. все рассадники образования. Он учитывал настроения политического протеста, затаенные в учащейся молодежи.

Также весьма благоприятной средой для революционной пропаганды петрашевцам представлялся «средний класс». «Действовать нужно на средний класс людей,— говорил Петрашевский,— как имеющих более средств и более причин быть недовольными. Высший класс людей естественно имеет и больше выгод и удовлетворенной гордости при правительстве монархическом». В среднем классе, т. е. в непривилегированных сословиях, Петрашевский видел не только горючий материал для возмущения, но думал, что из него выделятся деятели, которые смогут своей агитацией поднять и повести за собой широкие низы народа.

Говоря о «среднем», «ремесленном» классе, Петрашевский имел в виду мелкобуржуазные городские слои, ремесленников, мелких торговцев, артельщиков. Но он включал в эту категорию и наемных работников мелких предприятий; «ремесленный класс» не только «многочислен сам собою, но в случае нужды каждый из них может быть предводителем от пяти до ста пятидесяти человек, совершенно ему преданных и подвластных»,— говорил он.

Этим определялось отношение петрашевцев к людям из «среднего класса», попадавшим в сферу их влияния. Таков был, например, содержатель табачной лавки, полунинтеллигентный молодой мещанин П. Г. Шапошников. Шапошников был притянут к делу Петрашевского случайно, в связи с тем, что на него натолкнулись ищейки Липранди. Он не был, конечно, петрашевцем. Он представлял для петрашевцев ту среду, в которую вносилась

---

<sup>1</sup> В Петербурге в середине 40-х годов было свыше 15 тысяч учащихся.

революционная пропаганда. Студенты Толстов и Катенев познакомились с ним летом 1848 г., и у них был разговор «о французской революции, о равенстве, о свободе человека, об угнетении вообще всех сословий и о прекрасном управлении в республике, в особенности же Толстов выражал ненависть свою к правительству».

Петрашевцы ценили в Шапошникове способности агитатора, которые они предполагали развить и использовать. Толстов говорил, что Шапошников «человек необыкновенного ума, но необработанного. Мы его уважаем и бережем для того, что мы его называем *стоик-сектатор* и что придет время, когда он может на площади собрать народ своим языком и передать ему понятным образом мысль нашу, чего мы не умеем, а он с простым народом более свычен. Упрям и тверд как камень».

Шапошников показал, что Толстов отклонял его от намерения поступить в актеры, уговаривая, что его ждет лучшая участь, что дар его слова будет нужен на площади и что «с переменой правительства он может быть со временем значительным человеком».

К представителям «среднего класса» принадлежал и девятнадцатилетний вольнослушатель университета, сын купца 3-й гильдии В. П. Катенев; восприняв республиканские взгляды от петрашевца А. Толстова, он был полон пропагандистского жара, вступал в споры, утверждал, что «бога нет, а религия выдумана», и доказывал это на примере Афинской республики, которая «процветала без веры, не следуя никакой религии». Перед Катеневым носились идеалы политического оратора, баррикадного бойца, даже и цареубийцы; он говорил о постройке баррикад на петербургских улицах, задумывал авантюристическую затею с разбрасыванием сообщений о мнимом бунте в Москве и убийстве Николая I.

Доверчивое отношение петрашевцев к полицейскому агенту мещанину Наумову объяснялось тем, что они принимали его за вольнодумца из народа. Петрашевский и Толстов вели с ним беседы, посвящая его в планы подготовки революции. Толстов надеялся вести пропаганду в табачной лавке, которую Наумов собирался открыть в доме Петрашевского. Толстов хотел использовать и Наумова как агитатора, обещая его «приспособить» и «дать наставление, как действовать на дворовых людей, крестьян и мещан, а в особенности на раскольников».

Петрашевцы обдумывали также и методы непосредственной революционной агитации в народе. Ахшарумов размышлял о возможности прямо говорить с людьми из народа, которые «поймут свою пользу». Он замечал таких людей вокруг себя, и среди городских ремесленников, и среди пришлых крестьян — строительных рабочих, лодочников, извозчиков, торговцев и пр. «Знаю только то,— писал он,— что все зависит от народа, без них мы не подвинемся, не уйдем вперед; нам надо короче узнать наш народ и сблизиться с ним. Для этого не только не упускать ни одного случая при встрече с этими людьми, но даже нарочно искать встречи, придумать, каким бы образом чаще видаться и говорить с ними!»

Оценить то новое, что заключалось в мысли говорить с народом, нести революционную агитацию в крестьянскую среду можно, лишь представив себе реальную трудность сближения с незнакомыми людьми из народа в условиях крепостнического, насквозь пропитанного словесными предрассудками быта. Когда сверстник петрашевцев П. И. Якушкин в 40-х годах по поручению П. И. Киреевского ходил по деревням, под видом корабейника собирая народные песни, эти встречи «глаз на глаз с народом» казались современникам смелым и дерзким поступком.

Страх дворянина перед простым народом проскальзывал и у Ахшарумова, который отмечал, что «едва ли не больше в России» таких людей, которые «дики, зверски ленивы»,— «это все жертвы нашего общества», обезображенные тяжелою жизнью, их нельзя исправить и переделать и «от них можно всего ожидать при освобождении».

Петрашевцы не пренебрегали случаем поговорить с оброчником-извозчиком, настроить его на сопротивление власти помещика. Один такой разговор рассказал Ястржембский на «пятнице» 8 апреля 1849 г. Он посоветовал извозчику, которого высекли за неплатеж оброка, чтобы каждый из крестьян «дал по колотушке барину», тогда «и не надо б было платить оброк, да и лозанов-то нечего было б бояться». Извозчик открыл свои затаенные мысли: «Нас хотели сделать вольными, да царю, вишь, это невыгодно, так он и оставил нас в кабале».

Другой случай агитации извозчика записал агент Наумов, который ездил вместе с Толстовым. Молодчики,

подобранные чиновником сыскной полиции Липранди, были вездесущи, кружась вокруг Петрашевского, Толя, Толстова, Шапошникова, Утина, и собранный ими материал во многом дополняет картину пропаганды петрашевцев среди простонародья. 22 марта 1849 г. Толстов расспросил извозчика, ярославского крепостного, и, узнав, что он платит оброку 120 р., уговаривал не платить. «Вы уже слышали, что отходите от господ?» — «Отдерут, батюшка», — сказал извозчик, на что Толстов заявил: «Какое отдерут, за вами последуют другие — и все».

Подобный разговор записан и Чернышевским в его дневнике в феврале 1850 г. Он сначала говорил с извозчиком «об их положении как крепостных, только вообще говорил, что должно стараться от этого освободиться», а на обратном пути говорил уже «весьма ясно, что силою чтоб требовать, добром нельзя дожидаться»<sup>1</sup>.

Петрашевцы одновременно с Герценом высказывали мысль, позже широко развитую революционными демократами 60—70-х годов, о плодотворности революционной агитации в среде старообрядцев. Эта среда, жестоко преследуемая правительством, по мнению Петрашевского, должна была ненавидеть «настоящий быт общественный» и казалась элементом, всегда готовым в русском обществе для ужасной «Jasquegie». «Пугачевский бунт — одно из его проявлений, — писал Петрашевский в своих показаниях. — Старообрядчество, раскольниковство и рабство — вот его производители, а не яицкий казак».

Ханыков назвал Чернышевскому раскольников в числе «элементов возмущения». Петрашевский предусматривал, однако, трудность подхода к старообрядцам с революционной агитацией, говоря, что на них нужно действовать только через людей из их же среды, «пользующихся их особым доверием».

Вызывала внимание петрашевцев и солдатская среда, как способная по условиям своей тяжелой жизни к восприятию революционных идей.

Революционная пропаганда в николаевской армии, после декабристов, была сопряжена со слишком большими трудностями. Однако активное участие офицеров во всех революционных планах петрашевцев было при-

---

<sup>1</sup> Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 362.

знаком начинавшегося брожения в среде передового офицерства. Попытка обратиться с революционным словом к солдатской массе не случайно была сделана именно офицером-петрашевцем Н. П. Григорьевым, написавшим «Солдатскую беседу». Петрашевский хотя и отнесся критически к провокационному предложению Антонелли «забросить несколько идей в войско», но он же говорил, что солдаты «теперь ничего еще не понимают», но что работа в войске должна вестись «и тогда, когда им прикажут стрелять, они повернут ружья дулом в землю».

Очагами будущих восстаний против самодержавия, которые смогут содействовать успеху освободительной борьбы в России, петрашевцы считали Польшу, Кавказ, Финляндию, в которой в 40-х годах начало развиваться буржуазно-националистическое движение. По мнению Петрашевского, Финляндия «при каком-нибудь движении у нас, сама, без поощрения будет помогать нашим [т. е. революционным] интересам, стараясь отделиться». К таким «отдельным странам государства», потенциально способным поддержать освободительное движение внутри России, некоторые петрашевцы причисляли и Сибирь.

Кроме непосредственного революционного значения национальных восстаний, Петрашевский оценивал их и как косвенный фактор усиления недовольства в стране. «С усилением сопротивления на Кавказе,— говорил он,— потребуется усиление войска, налогов и, наконец, других тягостей, которые, естественно, всегда более рожают недовольных». Следовательно, массы скорее почувствуют необходимость изменения политического строя. Демократы 40-х годов сочувствовали национально-освободительной борьбе горцев. Петрашевский хотел, чтобы горцы узнали, что «война России с Кавказом» не встречает поддержки у русского народа, «не есть желание народа, а только политика правительства».

Говоря о национально-освободительном движении в Европе, Петрашевский считал, что чисто национальные цели политического объединения и воссоединения отвлекают «жизненные силы общества» от более важных, социальных задач и влекут за собой войны. Однако петрашевцы глубоко интересовались национально-освободительной борьбой в Польше. Благодаря цензуре широкой русской общественности было очень мало известно о ре-

волюционно-демократическом течении в этом движении. Но передовые люди 40-х годов сочувствовали борьбе за демократическую независимую Польшу. В этом смысле становится понятным заявление поляка И. Ястржембского, что за свободу Польши он готов отдать свою кровь до капли, но не за возрождение «средневековой», т. е. феодально-шляхетской, Польши, против такой Польши он бы «первый принес топор, чтоб отрубить ей голову». Возрождение Польши он представлял в форме «нового», т. е. демократического, государства. В устном показании Ястржембский пояснил: если бы он «видел, что бедные классы страдают, то отказался бы от своей задушевной мысли восстановления народности».

Демократическая мысль настойчиво останавливалась на социальных причинах крестьянских восстаний, на элементах организованности в среде восставших. Внимательно изучалась история крестьянских движений на Западе. «Ужасные угнетения», которым подвергался «низший класс народа от высших классов», — вот причина крестьянской войны в Германии.

И. Дебу, конспектируя книгу А. Вейля о крестьянской войне в Германии, размышлял об одинаковых общих корнях народных «смятений»: «Везде крестьянин погибал от десятин, барщины, пошлин, податей и регалий». Он отмечал подлость и коварство по отношению к восставшим со стороны феодалов, предательство со стороны городской буржуазии. Анализируя причины поражения, он писал: «Но эти частные восстания, без единства, связи и без установленного плана, рушились почти всегда перед комбинированной силою и конфедерациею городской и дворянской аристократии». Он видел огромное историческое значение этой «смертельной борьбы» «господ с крестьянами, тогдашними пролетариями», которая, несмотря на поражение крестьян, должна была непременно «привести к серьезному результату».

Петрашевцы предвосхитили убеждение Герцена, высказанное в 1850 г., что революция в России возможна только в форме крестьянской войны<sup>1</sup>.

Общение с петрашевцами ускорило созревание революционной мысли молодого Чернышевского. Еще в ав-

---

<sup>1</sup> См.: А. И. Герцен, Собр. соч. в 30-ти томах, т. 24, стр. 143.

густе 1848 г. он со своим товарищем В. П. Лободовским обсуждал характерные черты крестьянского движения, опираясь на известные им современные факты крестьянских волнений и на исторический опыт восстания Пугачева. Он раздумывал, «как бы можно поднять у нас революцию». В 1850 г. Чернышевский так определял свой образ мыслей о России: «неодолимое ожидание близкой революции и жажда ее». Он думал, что надо написать призыв к восстанию — «просто демагогическим языком описать положение и то, что только сила и только они сами через эту силу могут освободиться» от крепостного права<sup>1</sup>.

Петрашевцы не только считали восстание против угнетателей делом справедливым, правым, но и хотели внушить народу, что он может стать сильнее своих притеснителей — своей массой, своей волей к сопротивлению, своим «согласием». В «Автобиографической записке» Ахшарумов писал: «Говорить с народом так: «Вот, ребята, вы крепостные, вы платите оброк, вы ходите на барщину. Вы стеснены, у вас нет ничего своего, все помещичье, теперь он вас может переселить, продать, прогнать, полиция дерет с вас все, что хочет, ваши справедливые жалобы на дворян не слушают, а когда вы сами дотронетесь до дворянина рукой, вас секут за это до смерти и созывают всех дворников смотреть для примера и страха, — а сколько дворян с царем? (Дворяне, придворные, дворецкие) несколько тысяч, а вас сколько всех? — миллионы».

Рассказчик в «Солдатской беседе» Григорьева кончает свою речь таким призывом: «Нас больше, чего бояться чудо-богатырям... удалым братцам-солдатушкам? Умереть так умереть, лишь бы не дать в обиду богачам да нехристям своих кровных и свою волюшку». И солдаты, растревоженные им, задумываются: «Ах, кабы согласие, да воля!»

Думая о средствах осуществления демократических преобразований, Ахшарумов приходил к отчетливой мысли, что революционный переворот возможен только при активном участии всего народа, крестьянства. Это участие представлялось ему в форме многостепенных выборов от

---

<sup>1</sup> Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 67, 356—357, 372.

деревень и городов, от уездов и от губерний, в результате которых «всего до 1000 человек представителей явятся в Москву, в центр государства, и там уничтожат все дурное». Ахшарумов не учитывал, конечно, что для проведения выборов необходимо наличие обеспечивающей их административной власти, что свободные выборы представительного собрания не могут быть осуществлены в царской России без предварительной победы революционных сил. Тем не менее мысль его имела, несомненно, революционно-демократический характер: он верил в революционное творчество народа и хотел непосредственно обратиться к крестьянской массе с прямой агитацией против дворянской власти и крепостного права, с призывом выбирать народных представителей, которые уничтожат это зло.

Вопросы о социальных силах, способных к успешной борьбе с самодержавием, о методах их подготовки и революционному выступлению были в центре внимания петрашевцев. Все практические проблемы упирались в основной вопрос — об участии в этой борьбе крестьянских масс. Мысль передовых деятелей искала, как подойти к революционной силе масс. Петрашевцы колебались между «убеждением» и «силою», между мирными и насильственными методами действия. Эти искания и колебания были неизбежны в процессе выработки новой идеологии.

В то время как вопрос о крепостном праве был строгойше запрещен для всей русской печати, в кружке петрашевцев ставили на открытое и прямое обсуждение насущную необходимость освобождения крестьян. Об этом горячо спорили несколько вечеров в апреле 1849 г. Здесь были вынесены на свет заветные, тревожившие петрашевцев мысли, обдумывавшиеся наедине с собой или в откровенных разговорах с друзьями, — о неизбежности крестьянского восстания в близком будущем и о необходимости определить свое отношение к нему.

У некоторых петрашевцев окрепло убеждение, что крестьянская революция явится ответом на дальнейшую задержку отмены крепостного права. Услыхав в 1848 г., что вопрос об освобождении отложен, Спешнев думал, «что откладывать этот вопрос — значит добровольно готовить в России единственный возможный предмет народного восстания». В апрельском споре высказалось

то общее, что объединяло людей формирующегося революционно-демократического лагеря,— сочувствие назревающей крестьянской революции и желание помочь народу в его освободительной борьбе.

Спор шел о «первоочередности» судебной и крестьянской реформ (цензурная реформа всеми признавалась менее существенной по сравнению с первыми). Но дело было вовсе не в градации важности или настоятельности одной из этих реформ, а шло гораздо дальше. Спорящие хорошо понимали, что обе реформы должны быть тесно взаимосвязаны общей целью уничтожения крепостнического бесправия народа. «Будучи свободными, крестьяне потребуют и прав»,— говорил В. Головинский. Ахшарумов высказал мнение, что «вопрос о судопроизводстве и освобождении крестьян должен разрешиться в один и тот же день». Петрашевский утверждал, что «переменою судопроизводства откроются все и прочие недостатки».

Спорили по существу о том, как ускорить и усилить движение масс, во имя каких реальных интересов массы легче подымутся на борьбу с правительством. Речь шла о различии методов революционного действия.

Петрашевский был убежден, что на правительство можно оказывать давление, непрерывно предъявляя ему от имени различных общественных групп и сословий «законные» требования «справедливых перемен», которые оно не могло бы отвергнуть без «несправедливости», т. е. не разрушая собственными руками свой авторитет. Петрашевский считал, что именно требование судебной реформы могло бы стать общим и поднять на широкое выступление против крепостного порядка значительную массу населения. Эта реформа касалась всех, тогда как освобождение крестьян касалась только 12 миллионов помещичьих крепостных (мужского пола) и, по его мнению, не могло вызвать поддержки других сословий.

Подобный метод действия был недоступен народным массам. Он мог опираться только на верхние слои общества — передовых дворян, интеллигенцию, верхушку городского сословия. Проповедуемая Петрашевским тактика была отказом от насильственных методов революционной борьбы.

Однако, рассматривая деятельность Петрашевского в конкретных исторических условиях, не можем не видеть, что он не призывал просить милостей и подачек

у правительства, не думал о сделке с всесильной властью ради укрепления привилегированного меньшинства. Его стремление действовать, опираясь на «закон», показывало силу неизжитых либеральных иллюзий, которые должна была преодолевать в своем становлении революционно-демократическая идеология. Приверженность Петрашевского к «законности» была следствием его убеждения в диалектической подрывающей силе законности. Для него требование законности было орудием борьбы против произвола крепостнической власти, средством подрыва ее авторитета, вынуждающим ее к саморазоблачению своей антинародной сущности. Эта тактика стремилась дискредитировать власть изнутри и имела целью усилить раздражение и сопротивление общества. Весьма интересно в этом смысле показание П. Е. Деева, который писал: «Слышав от Петрашевского, что система ухудшения есть лучшая для достижения перемен», что «судопроизводство чем будет идти хуже, тем скорее народ будет просить или требовать его изменения, я эти слова нахожу согласными с образом мыслей Петрашевского».

Предлагая требовать перемен от правительства, Петрашевский думал, что при любом исходе дела позиция власти будет объективно ослаблена. «Важность тут та,— говорил он,— что правительство и отказавши, и удовлетворивши просьбе, поставит себя в худшее положение. Отказавши в просьбе сословию, оно вооружит его против себя — и идея наша идет вперед. Исполнивши просьбу, оно ослабит и себя и даст возможность требовать большего — и все-таки идея наша идет вперед».

Деятели складывавшегося демократического лагеря признавали неотложность революционного переворота в России, считали необходимым, чтобы этот переворот опирался на сознательное участие в нем народных масс, стремились сами практически работать над подготовкой этих масс. Петрашевцы отрицательно относились к тактике восстания без участия масс, которая привела к поражению декабристов. Возражая против неподготовленного восстания, Петрашевский имел в виду восстание именно такого типа. Ахшарумов также высказывался против переворота «силою, обманом, против воли и желания массы», считая, что такой переворот не может быть прочен — малейшее замедление успеха «грозит ему

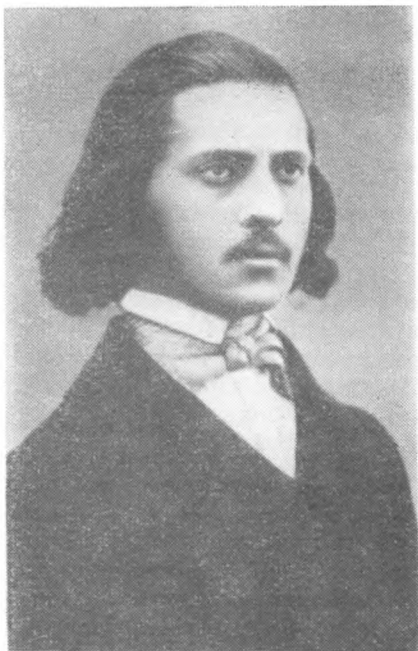
возвращением прежнего порядка вещей и вековой отсрочкой».

Демократы 40-х годов считали закономерной крестьянскую войну. Они хорошо усвоили высказанную еще Радищевым мысль о том, что освободительная борьба порождается «самою тяжестью порабощения». Петрашевский смотрел на восстание Пугачева, как на могучий отпор народа «рабству».

Отношение петрашевцев к крестьянству как к силе, способной в близком будущем сломать крепостные окопы, которую «не удержишь», было исторически связано с подъемом крестьянского движения в России в конце 40-х годов. Массовое восстание крестьян против помещиков в австрийской Галиции в 1846 г., принявшее форму гражданской войны и оказавшее большое влияние на крестьянство пограничных русских районов, представлялось петрашевцам прообразом будущего движения. Пугачевский бунт «едва был унят,— напоминал Петрашевский своим следователям,— теперь времена другие, дела галицийские в Торне указывают, чего ждать должно».

Петрашевцы обращали большое внимание на положение на Украине, где в это время происходили сильные крестьянские волнения на Волыни, в Подолии и в Киевской губернии. Петрашевский связывал «брожение» на Украине с деятельностью Кирилло-Мефодиевского общества, особенно же с влиянием Шевченко, сочинения которого «разошлись в том краю во множестве и были причиною сильного волнения умов». Момбелли в своих записках вспоминал воинственное прошлое Украины, где все «кипело и шумело», и надеялся на возможность восстания украинцев, которых «стоит только расшевелить», «так уж трудно будет успокоить их, пока не доберутся до своего, не исполнят, что затеяли». Вместе с восстанием на Украине, по мнению Момбелли, «зашевелился бы и Дон, давно уже недовольный мерами правительства», вновь поднялось бы национально-освободительное движение в Польше. Он делал вывод, что «весь юг и запад России взялся бы за оружие».

Особый интерес вызывал Урал. Спешнев и Петрашевский подробно расспрашивали бывшего исправника Черносвитова, который в начале 40-х годов усмирал один из так называемых «картофельных бунтов» государственных крестьян в Ирбитском уезде Пермской губернии.



Н. А. Спешнев.

Им хотелось выяснить, каковы были бы последствия в случае успеха восставших крестьян. Их живо интересовали элементы организованности в крестьянском движении. Черносвитов был посажен народом под караул и просидел в осаде 2 дня, пока не дождался прибытия карательного отряда. «Толпу, как водится, пересекли», — писал он в своих показаниях.

Черносвитов полагал, что лишь его карательные распоряжения предотвратили дальнейший размах движения: в случае нерешительных действий его отряда крестьяне других волостей и уездов,

собравшиеся в с. Верхтечинском, «разъехавшись по домам, воспламенили бы народ», настроенный уже к возмущению еще в прошлом, 1842 г. «Это истина, не требующая доказательств», — утверждал Черносвитов. Он указывал на начало «брожения сильного в народе» в соседнем, Курганском округе Сибири. «А если б взбунтовался, как было в прошлом годе, уезд Камышловский и Ирбитский, то кто поручится за спокойствие горных заводов, а недовольных везде не нет! буйная же голова в этом народе отыщется, да и соседство сибирских поселенцев и каторжан на винокуренных заводах пермских, тобольских есть соседство ненадежное». Опасность взрыва увеличивалась отсутствием войск в этом крае, а Оренбургский корпус, по мнению Черносвитова, был слишком растянут, чтобы «вдруг потушить мятеж весьма возможный».

Они обсуждали, какой район мог бы стать очагом восстания и как это восстание смогло бы развернуться

дальше по определенному стратегическому плану. Наиболее надежным очагом движения был признан Урал, а не Волынь, где было слишком много войска. На Урале учитывалось наличие заводских рабочих, игравших ведущую роль еще в восстании Пугачева. По словам Черносвитова, Урал, где на пермских заводах имеется 400 тысяч народу и оружие под рукою, был «почти готов восстать». В качестве первого стратегического хода намечалось возмущение в Восточной Сибири, чтобы, когда туда пошлют корпус на усмирение, изолировать его в Сибири. «Едва он перейдет Урал, как встанет Урал и посланный корпус весь в Сибири останется». Затем восставшие должны были двинуться с 400 тысячами вооруженных заводских («Это сила страшная, и кто имеет ее в руках, тот почти может быть уверен в победе») на Поволжье, «где народ помнит Пугачева», «Пугачевским путем», и на землю донских казаков, где, очевидно, тоже предполагалось найти свежие воспоминания о восстании, усмиренном в начале 20-х годов. «На потушение этого потребуются все войска». Дальше намечалось движение на Москву, а «по Москве», в случае успеха, «пойдет вся средняя Россия». Последним ударом предполагался удар по правительству изнутри, в обеих столицах, из которых уже будут выведены войска, — «если к этому будет восстание в Петербурге и Москве, так все и кончено», и революционная партия выиграла. Спешнев одобрил обсуждавшийся план, сказав, что это «единственный путь, каким должна начаться будущая революция в России». «Спешнев ...убежден, — писал Черносвитов, — что без революции государство не может быть».

По отношению к этому будущему, ожидаемому крестьянскому восстанию и проявлялись колебания и разногласия среди петрашевцев. По-разному оценивалась подготовленность восстания, а также соотношение сил борющихся сторон. В зависимости от этой оценки получал разрешение и другой вопрос — что делать революционной интеллигенции в такой ответственный момент? Именно такой смысл приобретали апрельские споры. Становится понятной позиция Петрашевского, отрицавшего необходимость насильственных действий. Прежде всего он отрицал всякую пользу восстания без народа, подобного восстанию декабристов. Что касается крестьянского восстания, то он считал невозможным успех этого вос-

стания в современных условиях, при обилии войска, которого у правительства «напихано везде много, в одном Петербурге до 60 тысяч человек». Он видел отсутствие того, что мы называем революционной ситуацией и что ему представлялось как благоприятное стечение событий, создающее «удобный случай» для успеха восстания. Такие случаи Петрашевский иллюстрировал историческими примерами: когда «истощится казна», или «при перемене государя», или «когда совершенно ожесточатся многочисленные раскольники».

Взвешивая шансы борющихся сторон, Петрашевский считал, что в предстоящей прямой классовой схватке из-за уничтожения крепостничества перевес сил останется не на стороне крестьян. Поражение крестьянского восстания повлечет за собой «деспотизм военный», «или, что еще хуже, деспотизм духовный». Под этим он понимал победу реакционных сил, мракобесов, диктатуру контрреволюции. Реакция затруднит и отдалит разрешение крестьянского вопроса.

Д. Ахшарумов также опасался усиления реакции в случае разгрома неподготовленного восстания. У Ахшарумова, кроме того, явственно звучат ноты боязни народной революции, хотя он сам находил необходимым участие народа в перевороте. Он полагал, что изменить правление надо «осторожно, чтобы не произошел слишком сильный беспорядок, который бы вовлек народ опять в старое». «Надо нам стараться произвести переворот убеждением,— писал он,— и только в такой мере произвести его, сколько нужно для приведения в исполнение нового проекта» (т. е. созыва народных представителей). Ахшарумов помнил, что «освобождение народа угнетенного требует большой осторожности; терпевший долго народ и перенесший тысячи обид будет мстить».

Все эти опасения и колебания наряду с ясным пониманием, что революция нужна и что ее может совершить только народ, показывают незавершенность развития революционно-демократической идеологии в 40-х годах. Людям нового, революционного лагеря, из которых многие принадлежали к дворянскому сословию, было нелегко преодолеть в себе классовую ограниченность.

Но некоторые петрашевцы смотрели иначе. Им казалось, что крестьянская масса уже достаточно подготовлена собственными страданиями к немедленному револю-

ционному действию, если крепостнический гнет не будет с нее снят. Головинский спорил с Петрашевским, доказывая, что потребности масс могут поднять их на борьбу не потому, что эти потребности «всеобщие» в количественном смысле, а своей материальной настоятельностью, переносимыми страданиями и лишениями. Головинский утверждал также, что публичность суда не может являться всеобщей потребностью, так как от судебного бесправия «совсем не так многие страдают»: имущие классы имеют «возможность или силою, или покровительством, или деньгами все решать в свою пользу», в народе же царит невежество, он не знает законов. Он считал невозможным, чтобы в общей атмосфере бесправия, царившего в полицейско-бюрократическом государстве, значительная масса народа могла активно бороться за свои юридические права.

Василий Головинский, молодой сенатский чиновник, готовившийся на степень магистра политической экономии, занимался особой темой русского судопроизводства: он изучал дела Западного края, в которых решениями сената признавались свободными крестьяне целых имений. Его интересовали основания, по которым можно было добиться освобождения судебным порядком. Эту работу он закончил в апреле 1849 г. и собирался ее прочесть у Петрашевского. Но Головинский вовсе не был сторонником постепенных путей ликвидации крепостного права. Движущую силу в борьбе за раскрепощение он видел в самом положении угнетенных крестьянских масс, которые больше не в силах терпеть своего угнетения. Он полагал, что «освобождение крестьян не представляет никакого чрезвычайного затруднения, потому что они сами уже в эту минуту сознают всю тягость и всю несправедливость своего положения и стремятся от него освободиться».

Головинский утверждал, что отмена крепостного права будет вынуждена напором крестьянских масс. Он «говорил очень горячо,—показывал Пальм,—и сказал, что для освобождения крестьян все меры хороши». Григорьев, спрошенный, каким образом предполагалось освободить крестьян «без содействия» или «без воли» правительства, ответил, что Головинский предполагал «одну меру только — восстание самих крестьян». По показанию К. Ольдекопа, Головинский «с чрезвычайным убе-

ждением описывал быт крестьян, говоря, что более 100 человек ежегодно погибает дворян от их мщения и что гибель ожидает дворян, если они сами потребуют свободу». Ф. Достоевский в устном показании передал слова Головинского, что «для освобождения крестьян нужен бунт». Филиппов напоминал про «те страшные драмы, которые разыгрываются в некоторых имениях над помещиками и за которые, однако ж, нельзя обвинять доведенных до крайности крестьян».

Консервативный А. Майков, утверждавший, что он «никогда не разделял мнений красных», и отделившийся от кружка Петрашевского «за два года до печальной их развязки», через несколько лет вспоминал, что делалось в кружке в последний период его существования: «Одно время подхваливали госуд[аря] за эм[ансипацию] кр[естьян], но потом решили, что не сумел, тут уж пошли говорить, что надо вырезать помещиков».

Взгляды ряда петрашевцев на крестьянскую революцию обобщил Филиппов, заявив, что «они оправдывали бунт». Лучшие люди 40-х годов принимали крестьянскую революцию как справедливое воздаяние господствующему классу и становились на сторону будущего лагеря восставших. Это выразил Герцен, сказав, что под кулаком Николая «наша мысль стала отрезвляться, он добил нас, как квартальный, не пускающий вперед, до мужиков... мысль наша сделалась дерзка и неустрашима»<sup>1</sup>.

Убеждение в силе и неотвратимости крестьянской революции вело честных и искренних людей нового лагеря к выводу о необходимости деятельно помогать освободительной борьбе народа. Об этом совершенно ясно говорил Головинский. Он говорил с «жаром, с убеждением, с истинным красноречием...», что грешно и постыдно человечеству глядеть равнодушно на страдание этих 12 миллионов несчастных рабов, что идеею каждого должно быть старание освободить этих угнетенных страдальцев». В апрельских спорах петрашевцев можно уловить чрезвычайно важную мысль о возможности непосредственного участия революционной интеллигенции в крестьянском восстании. Головинский сказал, что крестьяне настолько подготовлены «тягостью своего положения», что «им нетрудно внушить (разрядка моя.—

---

<sup>1</sup> А. И. Герцен, Собр. соч. в 30-ти томах, т. 14, стр. 45.

В. Л.-С.), как противуестественно их отношение к помещикам», и, что «доведенные до крайности», они «могут сами потребовать свободы».

Смысл речей Головинского состоял в призыве помочь восстанию народа. В ответ посыпались возражения тех, кто боялся стихийности восстания. «Неужели вас может прельщать перспектива пугачевщины?» — возражал Львов. «Или вы желаете, чтобы власть перешла в руки попов, другого образованного сословия после дворян?» — возражал Петрашевский. На это Головинский ответил: «Нет, крестьянам надобно диктатора, который бы повел их». Речь шла здесь о преодолении стихийности крестьянского восстания, о необходимости помощи и руководства со стороны защитников крестьянских интересов, людей из революционного лагеря.

Это очень важное высказывание. Его так и понял агент Антонелли, доносивший, что Головинский «проговорился» о необходимости диктатуры. «Образ правления не может измениться вдруг, — сказал Головинский, — но прежде должна быть диктатура, как необходимое следствие происходящей реформы». Очевидно, он имел в виду создание временной власти с диктаторскими функциями по уничтожению старого и организации нового общественного порядка. В этом сказалось воздействие революционной мысли декабристов. В то же время другие петрашевцы видели во всякой диктатуре нарушение демократии; Петрашевский заявлял, например, что «первый бы поднял руку на диктатора». Отрицательное отношение к диктатуре вызывалось также и опытом контрреволюционной диктатуры во Франции и Италии в этот период.

В лице петрашевцев лагерь революционной демократии впервые подошел к вопросу об отношении революционной интеллигенции к надвигающемуся крестьянскому восстанию. Дальнейший шаг вперед в этом вопросе был сделан молодым Чернышевским. Страстно ожидая крестьянской революции, он понял огромное историческое значение даже неудачного восстания, участники которого погибнут, но которое раскачает к движению более широкие массы народа и создаст опыт для дальнейшей борьбы. Для разночинца Чернышевского не существовало колебаний и в вопросе о личном участии в восстании «мужиков с дубьем». Он гораздо глубже, чем петрашевцы, понял и необходимость организации революционеров

●

...Приготавливать способных людей на случай какой-нибудь революции... чтобы большая часть уже были согласными в общих началах. И наконец, готовить массы к восприятию всяких перемен.

*Петрашевец Ф. Толь.*

Петрашевский заявлял своим следователям: «Перед вами стоит человек, который с колыбели чувствовал свою силу и, как Атлант, думал нести землю на плечах своих».

Он понимал «назначение» человека не как пассивное удовлетворение потребностей, но как преобразовательную деятельность в обществе в соответствии с его природными способностями. «Сфера умственной деятельности,— писал он,— вот поприще, мне указанное природою».

Мыслящий человек предназначен для борьбы за благосостояние человечества — это положение Петрашевский неустанно отстаивал. «Не важно умереть, произведя театральный эффект,— писал он Тимковскому,— но важно наполнить тот кратковременный срок своего существования, в который можно надеяться сохранить полноту жизненных сил, делами поистине общепольными».

В середине 40-х годов идеалом передового борца Петрашевскому представлялся политический оратор, трибун, защитник интересов народа, силой своей речи пробуждающий миллионы дремлющих и подавленных умов. Этому образу он посвятил немало восторженных похвал в «Словаре».

Деятельность политического борца наиболее мощно проявляется не в мирные, а в революционные периоды, крупных общественных деятелей порождают события великой общественной борьбы и появление великого оратора-трибуна, «глашатая истин и нужд общественных», связано с глубокими общественными движениями, с ча-

сами «великих потрясений, переворотов, торжеств или бедствий общественных».

Позже, в конце 40-х годов, Петрашевский вносил в образ общественного борца новые, революционные черты и уточнял конечную цель его борьбы как социалистическое преобразование общества. Он причислял себя и своих единомышленников к тем, кто «сознал и понял свое отношение к механизму общественному не для того, чтобы смиренно, рабски покоряться гнету всех неудобств» существующей организации общества, но для того, чтобы изменить эту организацию.

Петрашевцы признавали долгом сознательного существа бороться против угнетения себя и себе подобных и осуждали тех, кто терпит свое угнетение. В первых повестях Салтыкова с большой силой был поставлен вопрос о вине «забитого» человека перед самим собой за то, что позволил себя сделать таким. Мыслью, что покорность угнетению является не заслугой, а тяжелой виной человека, проникнуто агитационное произведение Филиппова «Десять заповедей».

Передовой борец должен проявлять выдержку и бесконечное терпение в преодолении трудностей, веря в правильность избранного пути и в окончательную победу своего дела. «Путь наш хотя и долог, но маршрут хороший у нас»,— писал Петрашевский. Борьба за овладение массами представлялась петрашевцам большим и долгим трудом, особенно в России, стране самодержавия. Те, кто стремится к преобразованию общества, не могут надеяться на быстрый успех. «Кто ждет мгновенного успеха сочувствия, тот пусть простудит свой пропагаторский жар»,— замечал Петрашевский.

А вот голос тогдашних либералов, для которых трудности борьбы оправдывали отступление и пассивность. В противоположность Петрашевскому, который утверждал: «Если история делает людей, то люди делают историю», либеральный профессор А. В. Никитенко утешал себя: «Арена истории не от тебя зависит... Кто хотел быть полезен людям и не успел, потому что люди того не захотели, тот имеет право уединиться в самом себе». Те же мысли находим в дневнике либерального правоведа В. Философова. Если народ уже готов к борьбе, то и он собирался «с опасностью свободы и жизни» поджигать «костер». Если же народ охотно повинуется притес-

няющему его правительству, тогда, заявлял он, «оставь все и живи для себя».

Новым качеством, отличавшим складывавшийся демократический лагерь 40-х годов от его предшественников в освободительном движении, была критика либерализма.

«Лагерь демократии, понимающей ограниченность либерализма, свободной от его половинчатости и дряблости», не может сложиться и существовать «без систематической, неуклонной, повседневной критики либерализма»<sup>1</sup>, — писал В. И. Ленин.

Конечно, эта критика делала еще первые шаги, классовый характер буржуазного либерализма не был еще ясно сознаваем. Но опыт развивающейся общественной борьбы уже воспитывал в передовых людях способность распознавать такие признаки либерализма, как расхождение слова с делом, уклончивость мнений и трусость перед практической борьбой.

Новое отношение к либерализму ярко сквозит у петрашевца Баласогло; под либералами он понимает политических болтунов и заявляет о своей ненависти к «либеральной болтовне», «наводящей на душу грусть до изнеможения ума и воли», к «гнилым и безвредным либералам», — «порядочным людям» в кавычках, «с их белыми перчатками и спокойными сюртуками, с их обедами и попойками, с их криками и карточными островами».

Для Петрашевского либерал — прежде всего человек, живущий чужими идеями, неспособный самостоятельно мыслить, довольный «настоящим» и драпирующий свое неумение понять новое, т. е. социалистические идеи, в «плащ безусловного скептицизма». Он видел во «мнимом беспристрастии» либералов лишь выражение их «посредственности», «нравственного бессилия, неспособности или неумения концентрировать их убеждения».

С мыслями Петрашевского совпадают мысли молодого Чернышевского, который писал: «Как мне противно, когда кто настаивает на том, что он решительно беспристрастен, не принадлежит ни к какой партии; да как же можно не принадлежать ни к какой партии, ни к какой школе?»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 22, стр. 64.

<sup>2</sup> Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 254.

Наряду с либеральной раздвоенностью и дряблостью люди демократического лагеря 40-х годов учились распознавать и такие формы расхождения идей с делом, как мнимо революционное фразерство. В письме к Тимковскому Петрашевский ярко изобразил это крикливое и самолюбивое фразерство. Подобных фразерсов вывел Салтыков в остро сатирических типах безответственных болтунов Беобахтера и Алексиса Звонского в «Запутанном деле». «Оба стояли грудью за страждущее и угнетенное человечество», но Звонский проповедовал «отверстие для всех равно объятия», любовь, созидание, а Беобахтер — разрушение, террор, гильотину, «спасительность» страданий и лишений, загоняющих человечество в революцию.

Именно трудное дело пробуждения спящего народа признавали петрашевцы основной практической задачей. Кто боится трудностей борьбы, лишений, напряжения умственных и физических сил, «тот не берись за дело трудное и смелое философа-пропагатора,— писал Петрашевский,— тот ешь капусту в постные дни и читай помилуй мя, боже, и не называйся к нам в спутники». Петрашевский презирал тех, кто «льститя согласить свои личные выгоды с служением истине, кто, провозглашая себя торжественно общественным радикальным реформатором, заботится о том, чтобы общественные реформы не потемнили лоск его лайковых перчаток, не положили неприличной складки на платье».

Эту же мысль позже выразил Чернышевский, сказав: «Исторический путь — не тротуар Невского проспекта... Кто боится быть покрыт пылью и выпачкать сапоги, тот не принимайся за общественную деятельность»<sup>1</sup>.

Многие петрашевцы ставили перед собой вопрос о готовности к революционному самопожертвованию.

«Готов ли я?» — спрашивал себя Ахшарумов в своей «Автобиографической записке» и отвечал решительно, что готов жертвовать жизнью за достойное дело, что готов последовать за друзьями, даже если бы они «увлеклись неблагоразумно на смерть». На следствии Ахшарумов признал, что был готов на все, даже на «восстание против правительства» ради осуществления социалистических идей.

---

<sup>1</sup> Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. 7, стр. 923.

Петрашевский вовсе не старается быть героем какого-нибудь «переворота», напротив, «готов пожертвовать собою, но с условием только, чтобы укоренились его идеи», — доносил Антонелли. Толь говорил о Петрашевском «как о человеке, который только для того и живет, чтобы осуществлять свою идею».

Одновременно молодой Чернышевский записывал в дневник: «Увидел, что в сущности я несколько не подорожу жизнью для торжества своих убеждений, для торжества свободы, равенства, братства и довольства, уничтожения нищеты и порока, если бы только был убежден, что мои убеждения справедливы и восторжествуют... и сладко будет умереть, а не горько, если только буду в этом убежден»<sup>1</sup>.

В русском обществе жила прочная память о подвиге декабристов. Молодежь 40-х годов с глубоким интересом искала сведений о декабристах. Сестра декабриста Е. А. Бестужева вспоминала «бойкого, пытливого» студента Петрашевского, который «выведывал от нее всё». По рукам ходили запрещенные песни, стихи, письма декабристов, документы следствия 1826 г. Прочитав письмо С. Муравьева-Апостола брату Матвею, Ахшарумов испытал прилив ненависти к палачам декабристов.

В организационных планах революционеров 40-х годов постоянно присутствовала декабристская традиция — мысль о тайном обществе.

В 1848—1849 гг. мысль о необходимости революционной конспиративной организации получает широкий отклик в кругу петрашевцев. О создании тайного общества думали Ханыков, А. Толстов. Спешнев еще за границей в 1845 г. изучал историю тайных обществ. Особенно его интересовали вопросы конспирации.

Он внимательно приглядывался к поведению новых людей, попадавших в круг петрашевцев, надеясь нащупать нити тайной организации. Так, он подозревал в Черносвитове, который вел себя на собраниях с вызывающей неосторожностью, «эmissара или главу какого-нибудь тайного общества в Сибири». Черносвитов, в свою очередь, допытывался о связях петрашевцев с каким-либо тайным обществом; доказательством существования и активной деятельности этого общества он считал

---

<sup>1</sup> Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 193.



А. Н. Плещеев.

массовые пожары 1848 г. и крупные крестьянские волнения в Нижнем Поволжье. Возможно, что его беседа со Спешневым и Петрашевским о реальных возможностях близкого крестьянского восстания подтолкнула их к попытке оформления тайной организации в своем кругу.

Еще до вхождения в круг петрашевцев Момбелли вынашивал «любимую мечту» о союзе солидарности, который бы помогал людям преодолевать «эгоизм и разрозненность», т. е. неблагоприятные для отдельной личности общественные условия. Члены союза должны были бы тайно поддерживать друг друга в обществе, помогать честным людям занять влиятельное положение, направлять общественное мнение «против произвола и насилия». Львов впоследствии сближал этот проект с его литературным прообразом — могущественным тайным союзом благородных людей в романе Э. Сю «Вечный жид».

Мысли Момбелли нашли поддержку. Группа из пяти человек (Петрашевский, Спешнев, Момбелли, Львов и

К. Дебу) несколько раз в декабре 1848 г. сходилась на квартире Спешнева и с большим увлечением пыталась выработать формы тайной организации. Первоначальный расплывчатый замысел Момбелли о «товариществе взаимной помощи» перерабатывался в план политического общества. Участники совещаний вкладывали в проект Момбелли более радикальное содержание. Львов считал, что в случае политического переворота в России из подобного общества могут выйти готовые политические деятели. К. Дебу отметил в проекте Момбелли предложение «ругать все меры, принимаемые правительством». Петрашевский хотел, чтобы это товарищество, «вникая во все общественные отношения и потребности, дало бы правильное направление общественному мнению» и обратило бы внимание на «предосудительные действия или злоупотребления административных лиц», имеющие наиболее вредное влияние на общественную жизнь.

Спешнев прямо предлагал составить тайное политическое общество с целью воспользоваться переворотом, который должен был «сам собою произойти в России, как это случилось в западных государствах». Он ожидал, что народная революция произойдет уже через несколько лет, и требовал непосредственно связать деятельность общества с уничтожением крепостного права, поставить его целью скорейшее разрушение старого крепостнического порядка. Он высказал чрезвычайно важную для характеристики общественных взглядов петрашевцев мысль, «что следует главным образом приобрести материальную силу».

Обсуждался вопрос о составе будущего общества. В него должны были входить «социалисты» и «люди передовых мнений», т. е. республиканцы и сторонники конституции, как уточнил Спешнев. Момбелли предложил не допускать «конституционных» в комитет, т. е. к руководству. Таким образом задача сплочения демократических сил уже связывалась с отмежевванием их от либерально-монархического лагеря.

Спешнев ставил вопрос об участии членов общества в насильственном свержении царизма. Но в спорах по этому вопросу обнаруживалась незавершенность складывавшейся революционно-демократической идеологии. Соглашаясь на создание тайного общества, участники

расходились в понимании его задач. Хотя Спешневу никто резко не противоречил, его позиция вызывала «общее неодобрение». Другие участники «совещания пяти» считали не менее важным, чтобы тайное общество занималось выработкой политической и социальной программы государственного устройства (Петрашевский) и чтобы оно организовало пропаганду социализма (Львов, Петрашевский, К. Дебу — последние двое особенное значение придавали пропаганде фурийеризма).

Назревало разногласие. Петрашевцы еще слишком далеко стояли от масс и не представляли себе реальных форм участия революционной организации в народном восстании в России. Опыт восстания декабристов, вышедших на площадь с солдатами, был признан неудачным.

Петрашевский говорил: «Увлечь на площадь сотню, тысячу пылкой молодежи легко, но к чему бы это послужило? Их перестреляли бы картечью или повесили бы, не только без всякой пользы для дела, которого они хотели быть защитниками, но и во вред ему».

В то же время на подозрения в робости Петрашевский отвечал: «Я, конечно, выйду последним на площадь, если даже этого потребует необходимость, но зато последним и сойду с нее».

Вопросы организации народного восстания и руководства им не могли быть разрешены в тогдашних условиях. Они были глубже поняты и разработаны революционными демократами на основе опыта революционной ситуации 1859—1861 гг., а историческое разрешение получили тогда, когда борьбу за буржуазно-демократическую революцию возглавил русский пролетариат.

Недомолвки в вопросе о восстании заставили Спешнева резко поставить вопрос о цели тайного общества. Он спрашивал Петрашевского — «если хотят бунта, то надо говорить чисто». Спешнев предложил тактический план, который объединил все выдвинутые формы революционной работы. Центральный комитет общества должен был включать сторонников всех трех различных способов «внеправительственного действия». Эти способы — иезуитский («тайной интриги», по проекту Момбелли), пропагандный и революционный — «восстанием». Каждый из этих путей «не верен и оттого более шансов, если взять все три дороги».

Члены Центрального комитета должны были в дальнейшем организовать «частные» специальные комитеты: комитет «товарищества», комитет для устройства школ пропаганды — фурьеристской, коммунистической и либеральной (т. е. идей политической свободы) и, наконец, комитет «для создания позади всего этого тайного общества на восстание».

Таким образом, несмотря на сильное влияние декабристской традиции, петрашевцы *свое* тайное общество представляли совсем по-другому. Насильственное ниспровержение старого порядка они связывали с предварительной большой работой по пропаганде новых идей, с развитием общественно-политического сознания масс и привлечением их симпатий к социалистическому преобразованию общественного строя.

Колебания и разногласия товарищей разочаровали Спешнева. Изложив свой план, он заявил, что сам он избрал бы путь действия «открытою силою», а «средством к тому — бунт крестьян!» Он отказался от дальнейших разговоров о тайном обществе. Как увидим дальше, от замыслов о тайном обществе Спешнев вовсе не отказался.

Организационные задачи «общества на восстание» в плане Спешнева не были подробно раскрыты. Отсюда исключительный интерес приобретает найденная у него «обязательная подписка» — проект обязательства при вступлении в тайное общество. Член общества обязывался не только увеличивать силы общества привлечением новых членов, но и принять с оружием в руках «полное и открытое участие в восстании и драке», когда вооруженное восстание («бунт») будет назначено руководящим центром. Спешнев утверждал на следствии, что эта подписка является лишь отрывком из его уничтоженного сочинения 1845 г. о тайных обществах. Это вполне правдоподобно: никто из других участников совещания не знал о существовании подписки, а все остальные бумаги Спешнева, относившиеся к совещаниям пяти, были им тщательно уничтожены. Но это не мешает видеть внутреннюю связь подписки с планом «тайного общества на восстание». В ней идет речь о строго дисциплинированной боевой революционной организации, требующей от своих членов личного участия в вооруженном восстании.

План Спешнева может показаться механическим соединением разнородных элементов в рамках одной организации, исключающим возможность согласованных действий. Однако этот план строился на принципиальной основе. Общей целью тайного общества признавалось уничтожение самодержавия и крепостничества. Но вместе с тем признавалось целесообразным сосуществование различных методов «внеправительственной» борьбы, подготовляющих успех конечной цели.

Спешнев еще в 1847 г. высказывал мысль о необходимости «коалиции разных партий для временных согласованных действий», ради достижения общей цели. «Практика,— писал он в письме к польскому радикалу Э. Хоецкому,— часто может не принимать во внимание различие исходных принципов, так как совершенно разнородные системы иногда содержат в себе совершенно одинаково гласящие выводы». Спешнев допускал, что при всем различии и даже противоположности мирозерцания некоторые результаты и некоторые выводы из этих систем могут быть общими. Поэтому самый правоправный христианин и «самый закоренелый атеист и материалист школы Дезами» могут временно объединиться для определенных совместных действий, например, в борьбе за отмену частной собственности, за общинную организацию, за распределение продуктов труда по потребностям.

В мыслях Спешнева мы видим знакомое смешение демократических и социалистических понятий. Он правильно думал, что совместная борьба различных социальных сил за буржуазно-демократические цели оказывается на известных этапах освободительного движения возможной и нужной. Но он не понимал, что такое соединение противоположных классовых сил для борьбы за социалистические цели невозможно, а расчет на него является вредной для движения утопией. Свою теорию Спешнев применял на практике, сближаясь с Н. Данилевским, К. Тимковским, вовлекая в создаваемую им конспиративную группу таких далеких от революционных целей людей, как Ф. Достоевский или А. Майков.

Кружки петрашевцев не успели сложиться в революционную организацию. Попытка положить начало тайному обществу также не привела к практическому результату. Однако петрашевцы были на пути к созда-

нию нелегальной организации, и многие сознавали ее необходимость.

Они понимали, что для широкого распространения революционных идей нужен узкий законспирированный кружок организаторов-пропагандистов из хорошо проверенных единомышленников. О необходимой профессиональной опытности революционера размышлял Д. Ахшарумов: «Все мы должны вести жизнь деятельную, стараться узнавать всякого знакомого, иметь при себе готовые книги ...составлять кружки, библиотеки», «для осторожности чтобы несколько только человек знали обо всех знакомых, чтобы можно было знать число и силу всех нас». «Действовать надо не по случаю, а систематически, хотя без всяких формальностей».

Мысль о необходимости иметь резерв материальных средств организации развивал Момбелли, предлагавший делать взносы и сборы, иметь кассу и даже пускать капитал в оборот для нужд организации, в том числе и на случай арестов. Петрашевский знакомил товарищей со «средствами оправдываться при допросах». Многие петрашевцы уже чувствовали себя членами этого узкого кружка единомышленников. Петрашевский и Ханыков «настоящие люди»,— говорил в этом смысле А. Толстов.

Очень интересно свидетельство Ахшарумова о том, что среди петрашевцев родилась мысль «все происходящее записывать», т. е. фиксировать историю организации. Он вспоминал: «Ханыков — человек самого живого характера, которого любимым делом было поддерживать связь между всеми нами, имевший огромный круг знакомства, уже принялся, как это было мне известно, за описание деятельности отдельных кружков».

Революционная пропаганда, охватывающая самые широкие социальные слои, признавалась петрашевцами наиболее важной задачей конспиративной организации.



Царь, который забыл свой долг, не хочет заступиться за народ, унять господ и начальников, тот враг богу и людям.

...А помещик, обижающий крестьян своих, не хуже ли он разбойника?

*Петрашевец П. Филиппов.*

Вопрос о создании бесцензурной литературы, естественно, возникал в планах петрашевцев. Русское общество издавна привыкло пользоваться рукописными списками, восполнявшими отсутствие свободы слова и печати. У петрашевцев также была в ходу подобная литература, в том числе памфлет Герцена «Москва и Петербург».

Наряду с рукописной литературой в публику проникали из-за рубежа запрещенные в России книги русских авторов на иностранных языках, принадлежавшие в основном представителям русской дворянской оппозиции И. Г. Головину, П. В. Долгорукову и другим.

В кругу петрашевцев впервые появился замысел о русской зарубежной печати. Это предложение было сделано Спешневым весной 1848 г. Какие реальные возможности имел он в виду? Живя за границей в 1842—1847 гг., он завязал широкие связи в кругах польской эмиграции. На него смотрели как на возможного сотрудника иностранной радикальной печати по русским вопросам, весьма интересовавшим западноевропейское общественное мнение. В бумагах Спешнева было найдено письмо из Парижа от 24 марта 1847 г. из редакции журнала «Revue Independante», издававшегося П. Леру, Ж. Занд и Л. Виардо, с предложением помещать в этом журнале статьи о России.

Спешнев был знаком с польским литератором Эдмундом Хоецким, который хотел основать в Париже типографию; Спешнев обещал написать для него «Историю России», «потому что русских за границей было много, а книги о России раскупались сильно»; кроме того,

Спешнев обещал пересылать Хоецкому из Петербурга русские запрещенные сочинения, которые «ходят по рукам».

Спешнев был связан за границей также с русскими кружками. В Дрездене он познакомился с М. А. Бакуниным, жившим в семье Е. П. Языковой, сестры декабриста Ивашева. Он мог встречаться там же с ее родственником Г. М. Толстым, принадлежавшим к числу тех «русских аристократов», которые «носили на руках» Маркса в период его жизни в Париже в 1843—1844 гг.<sup>1</sup> Возможно, что Спешнев мог рассчитывать на какие-то проекты и в этих кругах.

Во всяком случае, весной 1848 г. Спешнев в присутствии Плещеева, Н. Данилевского и братьев Достоевских говорил о возможности печатать за границей запрещенную литературу и «брал это на себя». По показанию Н. Данилевского, «положили стараться привести это в исполнение и прежде всего написать несколько статей».

Однако в то время, несмотря на первоначальное согласие, никто ничего не написал. Спешнев объяснял Филиппову, что людей «пугала опасность такого дела в случае его обнаружения».

Петрашевцы стремились использовать всякий повод для устной пропаганды против царской власти. Петрашевский ставил за правило, «где только возможно поражать власть и выставлять все ее неправильные действия». Спешнев писал: «С тех пор как стоит наша бедная Россия, в ней всегда возможен был только один способ словесного распространения — изустный, для письменного слова всегда была какая-нибудь невозможность. Оттого-то, господа, так как нам осталось изустное слово, то я и намерен пользоваться им без всякого стыда и совести, без всякого зазора, для распространения социализма, атеизма, терроризма, всего, всего доброго на свете и вам советую то же».

На «пятнице» 15 марта 1849 г. шел оживленный спор о том, как успешнее выращивать протест против власти в подчиненных ей людях, как подходить к слушателям, применяясь к уровню их политического развития. Дуров утверждал, «что всякому должно показывать зло в самом его начале, т. е. в законе и государе, и вооружать под-

---

<sup>1</sup> См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 32, стр. 472.

чиненных не противу начальников», но «против самого корня, начала зла». Таким образом, Дуров требовал разоблачения политической системы самодержавия в целом.

Мнение Дурова оспаривали Филиппов, Баласогло, Берестов и другие. Они исходили из того, что обличение политического режима в целом не может быть понятно запуганным и зависимым людям без их предварительной подготовки. Готовить же их нужно путем последовательных обличений, начиная с мелких звеньев административной системы и доходя до ее основ. «Мнение свое они основывали на том,— передает Антонелли,— что у нас в России не только простой народ принимает военного губернатора за какое-то всевышнее, всекарающее существо... но что даже чиновники дрожат пред своими начальниками отделения», даже в их отсутствие. «Следовательно, каким же образом подобным людям указывать прямо на начало зла? — они, замахав руками и заткнув уши, разбегутся от вас прочь».

Дурову возражали, что, «напротив, *должно* вооружать подчиненных противу ближайшей власти или начальства» и только тогда показать им, «что самое то зло происходит не от этой ближайшей власти, но от высшей, и, переходя таким образом от низших к высшим, наконец невольно ошущью довести и до самого начала зла». Филиппов при этом прибавил: «Наша система пропаганды есть наилучшая и отступать от нее значит отступать от возможности исполнения наших идей».

Планы революционной пропаганды оказались в центре внимания второго параллельного кружка, собиравшегося на квартире С. Дурова и А. Пальма. Кружок оформился в виде литературно-музыкальных вечеров в складчину. Дуровцы объясняли это на следствии антипатией к Петрашевскому и к господствовавшей на его «пятницах» «политике». То же объяснение давал Спешнев, стремившийся обесцветить политическое лицо как кружка Кашкина, так и нового кружка с целью ослабить обвинительный материал.

Участники кружка Дурова усиленно подчеркивали эстетические цели вечеров. Это утверждал, например, Ф. Достоевский. То же подтвердил Дуров: он с Достоевским и Плещеевым «твердо положили изгнать всякую политику и фурьеризм, который нам давно надоел, и за-

водить разговоры и совещаться чисто об изящных искусствах». Пальм заявил, что они «выбирали преимущественно тех, кто не говорил речей у Петрашевского». По его словам, Дуров отказался пригласить к ним самого Петрашевского, потому что тот «как бык уперся в философию и политику; он изящных искусств не понимает и будет только портить наши вечера». Григорьев видел в собраниях у Дурова «продолжение их прежних дружески-социальных бесед, как у Плещеева, но не так, как у Петрашевского». Однако в кружке Дурова очень скоро выступили на первый план те же политические настроения, которые преобладали на собраниях Петрашевского. Большая часть его участников продолжала посещать «пятницы». Самый факт создания параллельных кружков выражал назревшую потребность петрашевцев в революционной активности, не удовлетворявшуюся формами кружковых собраний. Об этом говорят следующие цифры: из 50 посетителей кружка Петрашевского, подвергшихся различным взысканиям, 29 человек посещал только его кружок, 21 человек — также и другие кружки. Из числа первых было осуждено военным судом 5, из числа вторых — 15 человек.

Будущие участники кружка Дурова первоначально собирались у поэта А. Н. Плещеева. Круг их интересов мало чем отличался от собраний у Петрашевского, да и состав посетителей во многом совпадал. Вечера у Плещеева продолжались в течение трех месяцев зимы 1848/49 г. У него собирались Ф. М. Достоевский, С. Ф. Дуров, А. И. Пальм, Н. А. Мордвинов, П. И. и Е. И. Ламанские, В. П. Головинский, Н. П. Григорьев и Н. А. Момбелли, Н. А. Спешнев, А. Д. Шелков, преподаватели русской словесности А. П. Милюков и А. М. Печкин (все эти лица, кроме Печкина, посещали впоследствии кружок Дурова). Иногда бывали у него Ф. Г. Толь, Н. Я. Данилевский, К. И. Тимковский и М. В. Петрашевский. Плещеев назвал еще В. А. Милютина, В. П. Безобразова и А. В. Пальчикова.

Здесь интересовались бесцензурной литературой. А. Милюков читал ходившую по рукам статью Герцена «Москва и Петербург», где резкими штрихами был очерчен облик царской столицы, как бы воплотившей антинародные и паразитические черты самодержавия. Плещеев читал речь депутата Национального собрания

Ф. Пиа, 2 ноября 1848 г., предлагавшего внести в французскую конституцию признание права на труд. Головинский и Толь вели спор об отношениях и правах рабочих и подрядчиков.

Собрания у Дурова начались еще с середины 1848 г., на них занимались литературой и музыкой. Новая организация вечеров в складчину была создана в конце февраля 1849 г. Чаще всего собирались по субботам. Кроме тех, кто постоянно посещал Плещеева, в складчину вошли чиновник и учитель музыки Н. А. Кашевский, Ф. Н. Львов и П. Н. Филиппов. Позже в кружок вошел В. П. Головинский. Иногда приходил студент-медик Н. С. Курочкин, будущий поэт-демократ, сотрудник «Искры» 60-х годов. Кружок собирался у Дурова всего 7 раз и один раз на обеде у Спешнева.

В литературных интересах отражались и общественные интересы кружка. Дуров читал свой прекрасный перевод поэмы Барбье «Кийайя», посвященный освободительной борьбе итальянского народа. Достоевский читал гневно обличительное стихотворение Державина «Властителем и судьям» и сравнивал поэзию Пушкина и Виктора Гюго. В кружке Дурова впервые было прочитано Достоевским и замечательное письмо Белинского к Гоголю.

Н. Момбелли, по инициативе которого незадолго перед тем в узкой группе петрашевцев обсуждался вопрос о создании тайного общества, теперь отошел от утопических, бесформенных мечтаний о братстве взаимопомощи. Он заговорил о необходимости создать сплоченную организацию единомышленников для обработки общественного мнения.

Предложение Момбелли было встречено с неодобрением. Момбелли вышел из кружка. Но влияние высказанной им идеи ясно чувствуется в дальнейшей деятельности кружка.

Именно в кружке Дурова была найдена новая форма пропаганды в виде многосторонних обличений самодержавия. П. Филиппов предложил общими силами разрабатывать статьи, касающиеся «современного состояния России в юридическом и административном отношениях», «представлять в разоблаченном виде все несправедливости законов, все злоупотребления и недостатки в организации нашей администрации».

Филиппов показал, что «печатать запрещенные письмена желал он для того, чтобы увеличивать число недовольных правительством».

Мысль Филиппова была всеми одобрена и принята. Участники кружка распределили между собою различные темы, над которыми они собирались работать. Решено было изложить «факты и свои о них мнения, не стесняясь ничем». Были взяты темы о законодательстве (Дуров), об экономической политике (братья Ламанские), о крестьянах (Филиппов), об армии (Григорьев) и др. Было решено распространять эти статьи анонимно.

Характерно, что петрашевцы оценили памфлет Герцена «Москва и Петербург» как образец для своих политических обличений.

Итак, дело шло о создании агитационной литературы. Эта цель ясно видна в тогдашней деятельности Плещеева, отражавшей планы и замыслы его товарищей по кружку Дурова. Уехавший во второй половине марта 1849 г. в Москву Плещеев усердно разыскивал там новинки подпольной литературы. Он выступил перед московскими студентами на квартире студента Е. М. Феоктистова (в будущем известного деятеля цензуры). По воспоминаниям Феоктистова, Плещеев говорил им, «что необходимо пробудить самосознание в народе, что лучшим для этого средством было бы переводить на русский язык иностранные сочинения, приноравливаясь к простонародному складу речи, и распространять их в рукописях, а пожалуй удастся как-нибудь их и отпечатать, что в Петербурге возникло уже общество с этой целью и что, если бы пожелали содействовать ему, то для первого дебюта могли выбрать «*Les paroles d'un croyant*» Ламене». Историк К. Н. Бестужев-Рюмин, в то время также студент Московского университета, вспоминал, что Плещеев говорил им «о возможности получать запрещенные книги», и намекал, что в Петербурге есть общество. Плещеев достал от студента С. В. Ешевского, будущего историка, копию переписки В. Г. Белинского с Н. В. Гоголем.

О книге аббата Ламене «Слова верующего», запрещенной в России, Плещеев говорил студентам не случайно. Участник кружка А. Милюков готовил перевод одной из наиболее ярких глав этой книги, и Плещеев нетерпеливо ждал присылки этой рукописи в Москву.

Работа Милюкова принадлежала к числу тех политических статей, которые предназначались дуровцами для широкого распространения. Его рукопись была прочитана Филипповым у Дурова в первой половине апреля, по-видимому, одновременно с письмом Белинского.

Перевод Милюкова или, вернее, вольное подражание Ламене, сделанное церковнославянским языком, который чрезвычайно усиливал, по отзыву Достоевского, «суровую библейскую речь» оригинала, назывался «Новое откровение митрополиту Антонию Новгородскому, С.-Петербургскому и проч.»... Этот митрополит, сделавший необыкновенно быструю карьеру, жил с кардинальской пышностью, деспотически правя подчиненными и раболепствуя перед властью. Не дошедшее до нас сочинение Милюкова содержало, очевидно, резкие выпады против церковных порядков и зависимости церкви от самодержавия.

Взявшись за разработку темы об армии, офицер Конногренадерского полка Николай Григорьев написал «Солдатскую беседу», живой рассказ из солдатского быта. Милюков называет это произведение «первой статьей» из тех статей «обличительного содержания», которые решено было писать и читать на вечерах у Дурова. Григорьев читал свой рассказ на обеде дуровцев у Спешнева 2 апреля 1849 г. Один только М. Достоевский советовал автору «быть умереннее»; под его влиянием Григорьев позднее уничтожил оригинал статьи. Другие не только одобряли (Кашевский, П. Ламанский, Спешнев), но и просили написать «рельефнее и резче». Григорьев усилил некоторые места, особенно концовку, где изображалось, как царь избил морских солдат, зашедших в кабак. Измененный автором текст был вновь прочитан у Дурова Спешневым. У Спешнева и найден был этот новый текст, списанный Н. Мордвиновым. «Я не мог не обратить внимания на замечательное ее изложение», — писал Мордвин о «Солдатской беседе».

Огромной заслугой петрашевцев является энергичное и быстрое распространение письма Белинского к Гоголю. Это письмо (из Зальцбрунна 15 июля 1847 г.) В. И. Ленин назвал «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати»<sup>1</sup>. Рукопись переписки Бе-

---

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.

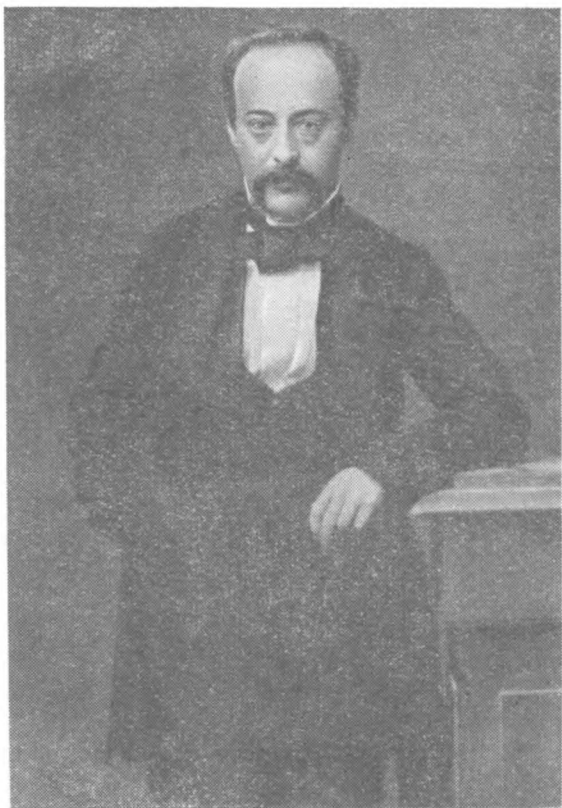
линского с Гоголем, присланная Плещеевым Ф. М. Достоевскому на адрес Дурова, была получена в первой половине апреля и прочитана Достоевским у Дурова в тот же день дважды, а через несколько дней, 15 апреля,— у Петрашевского в присутствии свыше 20 человек. Письмо Белинского вызвало общее одобрение непримиримым обличением крепостничества и самодержавия и требованием от каждого честного писателя защищать интересы народа. Конечно, оно было включено в число произведений, предназначенных для размножения.

С переписки Белинского и Гоголя за короткий срок было снято несколько копий. Чтение у Петрашевского происходило уже по списку, снятому Филипповым. Достоевский читал письмо Белинского в знакомых домах и давал его списывать. Так как в руки жандармов попал только один список, бывший у Момбелли, то, следовательно, остальные уцелели и продолжали распространяться.

Момбелли получил список от Достоевского на один день и сразу отдал его знакомому писарю для переписки в двух экземплярах. Но в ту же ночь он был арестован, а писарь представил рукопись по начальству. Возможно, что писарь успел отдать заказанную копию товарищу Момбелли, офицеру Н. Языкову.

Правовед Н. П. Балин, знакомый с петрашевцами Филипповым, Головинским и другими, писал в своих воспоминаниях: «Всякий из нас не позадумался бы распространять письмо Белинского. Мы его переписывали и распространяли после петрашевцев». О чтении письма Белинского в кружке Е. П. Ковалевского вспоминал и П. М. Ковалевский.

В устной традиции письмо Белинского неизменно соединялось с судьбой петрашевцев. Об этом говорится в воспоминаниях М. А. Антоновича о Белинском. Вспоминая, с какими трудностями он раздобыл это «страшное и многообещающее» письмо Белинского в Петербурге в начале 50-х годов, он писал: «По переселении в Петербург, в духовную академию, нам по секрету указали на зальцбруннское письмо Белинского к Гоголю, как на самую сильную улику, как на страшное «слово и дело» Белинского, за именование и чтение которого виновных предавали суду и подвергали еще более страшным наказаниям».



И. М. Дебу.

Письмо Белинского к Гоголю, сбереженное в той среде, которая могла получить его из рук петрашевцев, стало уже в 50-х годах достоянием нелегальной печати. Оно было привезено за границу и прислано Герцену в 1851 г. учителем А. А. Чумиковым, участником кружка И. И. Введенского. Чумиков послал Герцену «несколько сокращенный и обработанный текст, приноренный для понимания его иностранными читателями», который позже и появился в «Полярной звезде».

Одновременно с подбором агитационной литературы вставал вопрос о средствах ее широкого распространения. Первоначально Филиппов предложил литографиро-

вать рукописи, как обычно литографировались учебные лекции. Эта мысль родилась в ответ на общее желание иметь списки с письма Белинского. Выяснили, во что обойдется заведение домашней литографии, и оказалось, что это предприятие материально доступно (около двадцати рублей серебром). Близкая реализация опасного дела вызвала отступление и отбой со стороны некоторых участников кружка, прежде всего М. М. Достоевского, к которому присоединился и Ф. М. Достоевский. От замысла литографии отказались. Но колеблющиеся участники были выключены из дела более активными, которые перешли к новому замыслу — устройства не литографии, а тайной типографии.

В. И. Ленин относит факты проламывания цензурных заповор подпольной нелегальной печатью уже к 50-м годам<sup>1</sup>. Попытка петрашевцев устроить тайную типографию является одной из самых первых попыток такого рода. Это факт чрезвычайной важности, так как этот первый замысел создания русской подпольной печати показывает степень зрелости освободительного движения в конце 40-х годов.

Замысел устройства типографии стал известен следствию только из показаний Филиппова и Спешнева. В каких условиях произошло и чем было вынуждено это признание, нам неизвестно, так как следственные дела обоих утрачены. Первое признание сделал Филиппов 4 июня 1849 г. Он взял на себя инициативу устройства типографии и заявил, что в этом деле не было других участников, кроме Спешнева, у которого он занял денег на типографское оборудование. Часть этих вещей уже была привезена на квартиру Спешнева. «Сей умысел не касается никакого кружка и никаких лиц, кроме его, Филиппова, и Спешнева, ибо оба они положили хранить это дело в величайшей тайне».

Но, выгораживая менее тяжело обвиненного Филиппова, Спешнев настаивал, что «мысль о заведении типографии принадлежит именно ему и что Филиппов напрасно в этом случае берет на себя вину».

В квартире Спешнева тотчас же был сделан новый обыск с целью найти типографские принадлежности. Однако их уже не нашли.

---

<sup>1</sup> См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 89.

Спешневу и Филиппову удалось отвлечь внимание следствия от других участников этого дела, и они не были раскрыты. В приговоре замысел устройства типографии был вообще опущен и не инкриминировался ни Спешневу, ни Филиппову. «Покушение к распространению посредством домашней литографии сочинений против правительства» было поставлено зато в вину профессиональным литераторам, Достоевскому и Дурову.

Существование конспиративной группы, связанной с организацией тайной типографии, оставалось неизвестным до 1922 г., когда было напечатано письмо поэта А. Н. Майкова к П. А. Висковатову<sup>1</sup>. В этом неотправленном письме Майков доверил бумаге «тайну», хранимую им с 1849 г., о том, что Ф. Достоевский предлагал ему участвовать в тайной типографии, в предприятии, задуманном «людьми подельнее», чем Петрашевский, и неизвестном Петрашевскому. Эту тайну Майков рассказал также в 1887 г. поэту А. А. Голенищеву-Кутузову. Недавно опубликованная запись, сделанная тогда же Голенищевым-Кутузовым, содержит новые интересные подробности, а главное, раскрывает состав участников этой группы: кроме Спешнева, Филиппова и Достоевского, здесь называются еще Н. А. Мордвинов, Н. А. Момбелли, Н. П. Григорьев и Владимир Милютин<sup>2</sup>.

В создании этой группы проявилось большое личное влияние Спешнева, подчинявшее ему таких людей, как Мордвинов, Григорьев, Достоевский.

На примере Ф. Достоевского мы видим, как сложен был процесс размежевания общественно-политических позиций в 40-х годах. В русло формирующегося революционно-демократического течения вовлекались люди, чуждые революционным идеям, но проникнутые сильными антикрепостническими тенденциями. Достоевский был исключительно отзывчив к страданиям «униженных и оскорбленных», «бедных людей». Он с негодованием относился к эксцессам крепостничества. По воспоминаниям И. Дебу, страстная натура Достоевского представлялась петрашевцам наиболее подходящей для пропагандиста. Он производил на слушателей «ошеломляющее

---

<sup>1</sup> Письмо А. Н. Майкова к П. А. Висковатову. 1885 г., сб. «Ф. М. Достоевский», Пг., 1922.

<sup>2</sup> Рассказ А. Н. Майкова о Ф. М. Достоевском и петрашевцах. «Исторический архив», 1956, № 3, стр. 222—226.

действие» своими рассказами о прогнании солдат сквозь строй, о зверствах над крепостными. Достоевским «особенно дорожили и «фурьеристы», желая его видеть в числе своих. Рассчитывать на то, чтобы его перетянуть к себе, казалось возможным по особой его впечатлительности и неустановленности». Однако становление Достоевского шло не в сторону революционного демократизма. Он разошелся с Белинским. В повестях второй половины 40-х годов Достоевский выдвинул глубоко пессимистическую идею о раздвоенности человека и его неспособности к свободе.

Достоевский, конечно, искренне возмущался социальной несправедливостью. Но он считал возможным переделать общество путем морального перевоспитания, воздействием отдельных, нравственно высоких и чистых людей.

Достоевский говорил, что «следует не осуждать общество, а действовать на него — не желчью, а показанием собственных недостатков». Он считал, что напрасно все «нарекания» падают на правительство, а не на само общество: «Прежде чем осуждать, надобно быть лучше самому».

Пассивность общественных позиций Достоевского в 40-х годах объясняет перелом его убеждений в дальнейшем, принятие религиозной морали смирения и спасительного страдания. Хотя Достоевский и был втянут Спешневым в революционную группу, но революционным демократом не был и не стал.

Несомненно, группа готовилась не только к техническим, исполнительским, но и к редакционным функциям, пыталась объединить авторов, способных создавать пропагандистские и агитационные произведения. Об этом говорит имя участника группы В. Милютина, блестящего публициста по социальным вопросам. Это объясняет и приглашение Аполлона Майкова, вероятно, предложенного Достоевским. Конечно, Майков также никогда не был революционером, в нем и тогда уже ясно проявлялось консервативное мировоззрение. Однако казалось возможным использовать литературные способности Майкова для пропагандистских целей. Таким же было отношение к Ф. Достоевскому. Как мы знаем, Спешнев находил полезным объединение людей различных убеждений во имя некоторых конкретных, временно совпада-

ющих целей. Эта мысль ясно отражена в словах Достоевского, который уговаривал Майкова, что «надо для общего дела уметь себя сдерживать».

Особенно интересна роль в конспиративной группе П. Филиппова, который был, безусловно, душой всех ее практических планов. Его организаторская деятельность состояла не только в хлопотах по оборудованию типографии, но и в активном «собираании» рукописей, предназначенных для издания. Филиппов скопировал переписку Белинского. У него же находился перевод из Ламене Милюкова, данный ему автором. Принеся этот перевод к Спешневу, где он ночевал вечером 22 апреля, Филиппов, очевидно, сумел уничтожить этот компрометирующий документ во время ареста, так как он не попал в руки следователей. У Спешнева же оказалась «Солдатская беседа» Григорьева, переписанная Мордвиновым.

Взяв для разработки тему о крестьянах, Филиппов готовил и собственное агитационное произведение — «Десять заповедей». Оно было предназначено для крестьян: применяясь к народному мировоззрению, сопоставлялись христианские заповеди с существующим крепостническим порядком, который являлся сплошным нарушением этих заповедей. Работа Филиппова была еще незаконченным наброском; по некоторым заметкам в рукописи видно, что автор делился мыслями со Спешневым и пользовался его советами.

Мы располагаем двумя произведениями петрашевцев<sup>1</sup>, предназначенными для агитации в народе. Их надо рассматривать не только как индивидуальное творчество Григорьева и Филиппова, но как отражение взглядов целой группы петрашевцев.

Сравнение произведений Григорьева и Филиппова с некоторыми произведениями декабристов, предназначавшимися для агитации в народе, обнаруживает новые идеологические мотивы, отсутствовавшие у декабристов. Прежде всего это мотив об угнетении крепостных крестьян помещиками. «Помещик, обижающий крестьян, не хуже ли он разбойника?» — спрашивает Филиппов. Петрашевцы осуждают царское самодержав-

---

<sup>1</sup> «Солдатская беседа», в кн. «Дело петрашевцев», т. III, М.—Л., 1951, стр. 233—237; «Десять заповедей», там же, стр. 446—450.

вие не только за «неправоту и нечестие тиранства», а как врага народа, врага простых людей, грабителя солдат. Оба автора хотят показать возможность другого, более демократического строя общества. Григорьев устами своего солдата рассказывает о демократическом устройстве армии во Франции, о февральской революции, о республике. Совершенно иначе, чем декабристы, призывавшие народ ждать результатов военного переворота, относятся петрашевцы к революционной самодеятельности народа. Для дворянских революционеров народ — пассивная сила революции. Для петрашевцев народ — активная сила. Осуществление нового порядка, при котором «первые будут последними, а последние первыми», зависит от самого народа. Ему надо внушить надежду на лучшую долю и веру в свои силы.

Деятельность конспиративной группы петрашевцев, организаторов первой русской подпольной типографии в 1849 г., была сорвана царским правительством. Они не успели ничего напечатать.

Следующим историческим шагом в развитии революционной пропаганды была организация вольного русского книгопечатания за границей Герценом.

●

## ПЕТРАШЕВЦЫ ДЕРЖАТ ОТВЕТ ПЕРЕД ЦАРИЗМОМ

Враги наши никогда не отделяли *слово* и дело и казнили за *слово*... часто свирепее, чем за дело.

А. Герцен.

Служка за петрашевцами была поставлена с большим размахом. В их круг был введен соглядатай, «образованный» провокатор Петр Антонелли. Он сблизился с Петрашевским, притворяясь, что ревностно воспринимает новые идеи, аккуратно записывал откровенные разговоры, которые вел с ним Петрашевский, затем без приглашения проник на «пятницу» 11 марта 1849 г. и, не пропуская ни одной, успел собрать огромный материал.

Другие агенты рыскали вокруг дома Петрашевского, а один из них, Наумов, даже снял торговое помещение в этом доме под табачную лавку, получив доступ к хозяину дома.

После очередной «пятницы», 22 апреля, в ту же ночь жандармы III Отделения арестовали 33 человека. Затем в ходе следствия захватывались новые лица, некоторые даже в других городах. Сосланный в Вятку Салтыков был допрошен на месте.

Было арестовано и привлечено к следствию 63 человека, из них 22 были преданы военному суду, 32 отданы под секретный надзор, двое умерли в тюрьме (В. Катенев и В. Востров), А. Толстов, по высочайшему повелению, отправлен унтер-офицером в Кавказский корпус. Допрошено еще 60 человек, признанных невиновными.

Будь они в живых, к следствию были бы, конечно, привлечены Белинский и Валериан Майков. В. Милютин, из чиновной семьи с большими связями, избег внимания следователей.

Превращенные в «политических преступников», петрашевцы как бы держали экзамен на высокое в их глазах звание людей, борющихся за изменение общест-

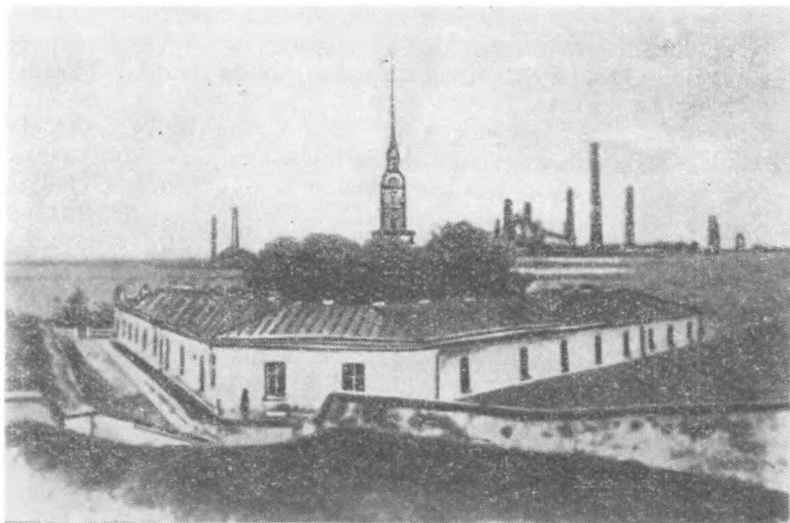
венного строя. Многие петрашевцы открыто признали себя сторонниками уничтожения крепостного права, защитниками демократического строя, социалистами. Так поступили Петрашевский, Спешнев, Ханыков, Бала-согло, Головинский, Филиппов, И. Дебу, Ястржембский, П. Ламанский и другие.

У революционеров того времени не выработался еще инстинкт непримиримого недоверия к царским бюрократам — следователям и судьям — он появился позже, у революционных разночинцев 60-х годов. Петрашевцы пытались найти какой-то общий язык с зачерствелыми крепостниками, высокопоставленными сановниками, которые их допрашивали. Петрашевский напрягал все силы, чтоб пробудить в них понимание общественных интересов. Он убеждал следователей отнестись к этому «процессу о стремлениях» как к сигналу, симптому насущных общественных потребностей своего времени. Он просил их беречь таких талантливых людей, как Достоевский, — «собственность общественную, достояние народное».

Были, конечно, и менее мужественные, которые «лыняли», по выражению Герцена, и пытались облегчить свою участь «чистосердечным раскаянием».

Сложно и рискованно вел себя Спешнев. Он выгораживал товарищей и многое брал на себя. С другой стороны, он открыл следствию ряд новых фактов, о которых молчали другие, и насмешливо и пренебрежительно отзывался о действиях кружков. Петрашевский и Львов считали, что такие показания Спешнева были вызваны желанием представить своих товарищей неспособными к серьезному революционному делу и все «преступные намерения» взять на себя. «Он предполагал, может быть, что спасет этим других и один сделается интересною жертвою». Но следователи превратили показания Спешнева в ловушку для других. Возможно, что игра с огнем была вызвана угрозами и пытками.

Военно-судебная комиссия приговорила 22 человека к разным наказаниям. Высшая судебная инстанция, генерал-аудиториат по военно-полевым законам приговорил их всех, кроме Черносвитова, к смертной казни «расстрелянием». Это было сделано, чтоб Николай I при утверждении приговора мог проявить царское «милосердие».



Алексеевский рavelин Петропавловской крепости,  
где сидели петрашевцы.

Николай казнил пятерых декабристов, но декабристы подняли военное восстание против самодержавия. Казнить петрашевцев было не за что. Царь заменил смертные приговоры каторжными работами, арестантскими ротами, ссылкой в рядовые<sup>1</sup>. Некоторым петрашевцам он даже увеличил сроки наказания по сравнению с первоначальным приговором военно-судебной комиссии или с ходатайством генерал-аудиториата о смягчении кары. Надо было дать почувствовать осужденным это «милосердие».

---

<sup>1</sup> По конфирмации Николая I сосланы: в каторжную работу в рудниках — Петрашевский (бессрочно), Момбелли и Григорьев (на 15 лет), Львов (на 12 лет), Спешнев (на 10 лет); в каторжную работу на заводах — Ястржембский (на 6 лет), Достоевский и Дуров (на 4 года), Толь (на 2 года); в арестантские роты: Тимковский (на 6 лет), Ахшарумов, К. Дебу и Филиппов (на 4 года), И. Дебу (на 2 года); рядовыми в линейные батальоны: Головинский, Европеус, Кашкин, Плещеев, Ханыков и Шапошников. Пальм прощен, но переведен из гвардии в армию. Черносвитов, которого военно-судебная комиссия оставила «в сильном подозрении», сослан в Кексгольмскую крепость.

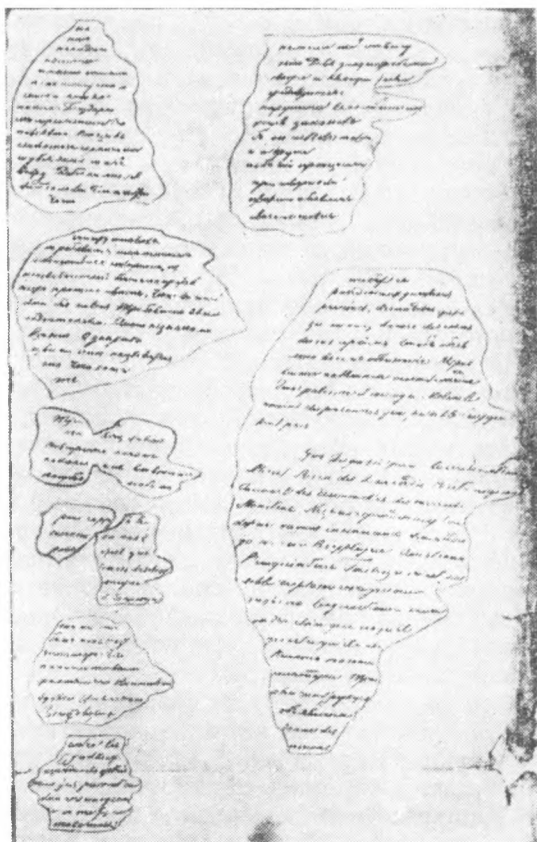
Был разработан церемониал обряда смертной казни. Петрашевцы должны были пережить предсмертные минуты, а затем узнать о царской конфирмации, оставившей им жизнь.

В пасмурное зимнее утро 22 декабря 1849 г. осужденных повезли на казнь. Извозчицы кареты, окруженные конными жандармами, рысью мчались через Неву, по Гагаринской набережной, Литейному и Владимирской к плац-парадному месту Семеновского гвардейского полка. На плацу был выстроен эшафот — высокий помост с перилами. По трем сторонам от него развешивались фронтом подходившие войска — по батальону от Московского и Егерского гвардейских полков и дивизион Конногренадерского полка. Это были полки, где служили осужденные офицеры — Момбелли, Львов и Григорьев. Густая толпа офицеров и военного начальства собралась на плацу<sup>1</sup>, у костра грелся палач с помощником. На валу Семеновского плаца толпился народ. Высаженные из карет петрашевцы впервые увидели друг друга, исхудавшие и замученные после восьмимесячного заключения. Их повели гуськом, каждого под конвоем двух солдат, вслед за священником в погребальном облачении. Увязая в снегу, они обошли выстроившиеся войска. Затем их расставили на эшафоте в порядке приговора, в два ряда, лицом к войскам, спиной к валу. Слева стоял ряд из девяти человек, которым предстояла каторга, с Петрашевским впереди, справа — остальные 12 человек. Раздалась команда «на караул», громко брякнули ружья, барабанщик пробил дробь. Осужденные, стоя без шапок, выслушали длинный приговор, который читал военный аудитор, сообщая каждому, что он приговорен к смертной казни. Тут только они поняли, для чего предназначались три серые столба, врытые недалеко от эшафота.

Шел снег. Варварский обряд продолжался. Священник призвал смертников к покаянию и исповеди. Никто ему не ответил, на краткую исповедь подошел один Тимковский. Священник обошел оба ряда, начиная с Петрашевского, все молча приложились к кресту.

---

<sup>1</sup> Один из этих офицеров, А. Э. Циммерман, в своих воспоминаниях подробно описал казнь петрашевцев. Мы используем эти неизданные воспоминания.



Записки Петрашевского к арестованным товарищам, сделанные на обломках клеевой окраски камеры.

Солдаты сняли с осужденных верхнее платье и натянули на них холщовые балахоны и колпаки. «Каковы мы в этих одеяниях»,— говорили петрашевцы, не теряя чувства юмора.

Петрашевского, Момбелли и Григорьева свели со ступеней эшафота, привязали к столбам и спустили колпаки им на глаза. «Момбелли, подымите ноги выше,— сказал Петрашевский,— а то с насморком придете в царство небесное».

Остальные осужденные готовились к смерти. С щемящим ужасом ждал Ахшарумов, что прольется кровь и товарищи упадут мертвые. Достоевский, подойдя к Спешневу, сказал: «*Nous serons avec le Christ*». — «*Un peu de poussière*», — отвечал тот с усмешкою<sup>1</sup>.

«Мы, петрашевцы, — писал сам Достоевский в 1873 г., — стояли на эшафоте и выслушивали наш приговор без малейшего раскаяния... в ту минуту, если не всякий, то по крайней мере чрезвычайное большинство из нас почли бы за бесчестье отречься от своих убеждений... то дело, за которое нас осудили, те мысли, те понятия, которые владели нашим духом, — представлялись нам не только не требующими раскаяния, но даже чем-то нас очищающим, мученичеством, за которое многое нам простится!» Между тем офицеры, заведомо знавшие, что казни не будет, с любопытством наблюдали за поведением тех, кто стоял у столбов. Против каждого из них выстроилась с нацеленными ружьями команда из 15 солдат с унтер-офицером. Григорьев, уже заболевший в тюрьме тяжелым психическим расстройством, увидел перед собой солдат своей роты под командой своего любимого фельдфебеля. Это его сильно потрясло. Его товарищи по каторге знали, что он был помешан на мести Николаю.

Григорьев выпростал руку из савана и стал креститься. Момбелли вытащил из кармана перчатки, надел их и скрестил руки. Петрашевский стоял спокойно.

В это время обер-полицеймейстер, видя волнение молодого Кашкина, сказал ему, что все будут помилованы.

Комедия приходила к концу. Солдатам было скомандовано «отставь»; они опустили ружья. Петрашевцев отвязали от столбов и опять ввели на эшафот. Петрашевский и Момбелли шли равнодушно, Григорьев был заметно рад. Аудитор прочел конфирмацию, заменявшую смертную казнь другими наказаниями. Нервы у всех были крайне напряжены. «Кто просил?»<sup>2</sup> — с раздражением заметил Дуров. Обрадовался один Пальм,

---

<sup>1</sup> «Мы будем вместе с Христом» «Горстью праха» (французский).

<sup>2</sup> Рассказ о казни петрашевцев бытовал еще в 60-х годах. Петрашевскому приписывали желчный ответ на внезапное царское «прощение»: «Вечно с своими неуместными экспромтами».

который по прихоти царя отделался переводом из гвардии в армию тем же чином, он даже некстати крикнул «Да здравствует император Николай». Но потом он горько плакал, «сожалея, что с ним так случилось, что он не разделяет участи прочих товарищей», — вспоминал Ахшарумов.

Дальше дело пошло быстро. Над головами девяти дворян, приговоренных к каторге, палач переломил подпиленные шпаги, в знак лишения всех прав состояния. Замерзшим осужденным принесли арестантские тулупы и шапки. Тут же на эшафоте кузнецы заковали Петрашевского. Он протестовал, не сознавая, что уже лишен дворянских прав, освобождающих от телесных наказаний. Но потом сел на помост и сам стал заколачивать на себе тяжелые ножные кандалы. С трудом ступая, он обошел всех товарищей и со всеми простился. «Только на эшафоте впервые полюбил я его!» — писал Ахшарумов. В «Записке о деле петрашевцев» Петрашевский написал о себе: «Петрашевский на эшафоте объявил, что он подвергался пытке и будет требовать пересмотра дела и что приговор юридически недействителен».

Петрашевский, приговоренный к бессрочной каторге, был увезен в Сибирь фельдъегерской тройкой прямо с места казни. Остальных отправили по назначению в ближайшие дни.

\* \* \*

Оказавшись беззащитными лицом к лицу с царскими тюремщиками в условиях каторги, арестантских рот и солдатчины, по выражению Ф. Толя, «без сословных помочей, без чиновничьих гарантий», петрашевцы не утратили мужества. Их демократические убеждения были связаны с действительностью, с режимом политического произвола, с нуждами трудящихся и эксплуатируемых масс, а в новых условиях эта действительность еще плотнее обступила их со всех сторон. Это влияние жизни выразил Петрашевский в одном из своих писем из Сибири: «Чтобы не разубедиться, а напротив того, еще более убедиться в своих мыслях, тех, за которые я был сослан, надо быть сосланным в Нерчинские заводы».

Самая тяжелая судьба выпала Достоевскому и Дурову, которые 4 года просидели в Омском остроге. Приговоренные к долгосрочной каторге петрашевцы

получили на местах некоторые льготы и были освобождены от физического труда. После амнистии 1856 г. оставшиеся в Сибири петрашевцы-каторжане стали ссыльно-поселенцами. На новом этапе освободительного движения они вновь стремились включиться в общественную жизнь. Когда в 1857 г. в Сибири появились первые казенные губернские газеты, имевшие публицистические отделы, Петрашевский и Львов стали писать в «Иркутские губернские ведомости», а Спешнев был даже назначен редактором этой газеты. С 1860 г., когда административное давление на газету стало слишком сильным, по инициативе Петрашевского была основана частная прогрессивная газета «Амур». Львов читал в Иркутске публичные лекции по химии. Львов и Петрашевский составили историческую статью о деле петрашевцев, посланную ими Герцену в Лондон<sup>1</sup>. Львов посылал в «Колокол» и другие корреспонденции с разоблачениями сибирской администрации.

Жизнь Петрашевского в сибирской ссылке была наполнена непримиримой борьбой. Его не подкупило либеральное отношение к политическим ссыльным генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Муравьева; при первой же встрече с Муравьевым, еще в тюрьме в 1852 г., Петрашевский определил его либерализм фразой из «Игроков» Гоголя: «Это — штабс-капитан из той же компании», т. е., по объяснению Львова, «такой же политический шулер, как и другие». Он открыто осуждал диктаторские методы управления Муравьева. В апреле 1859 г. Петрашевский организовал в Иркутске общественный протест по поводу так называемой иркутской дуэли — безнаказанного убийства на дуэли чиновника М. Неклюдова, затравленного людьми из бюрократической свиты Муравьева, во главе с Ф. Беклемишевым. Он напечатал приглашение на похороны Неклюдова, которое было широко распространено и привлекло около двух тысяч народу. На могиле Неклюдова Петрашевский сказал речь, в которой назвал дуэль изменническим убийством. Возбуждение общества было очень велико: гимназисты кричали на улице Беклемишеву:

---

<sup>1</sup> Эта статья, написанная в начале 1860 г., является ценнейшим новым источником. Она хранилась в архиве «Колокола», опубликована в «Литературном наследстве», т. 63, 1956.

«Убийца»! — и выбили ему стекла; две-три недели в городе появлялись надписи о шайке убийц — любимцев Муравьева. Ф. Н. Львов поместил в «Иркутских губернских ведомостях» статью, осуждавшую дуэли и требовавшую строгого расследования дела.

Под влиянием Петрашевского окружной Иркутско-Верхоленский суд приговорил Беклемишева и секундантов к 20 годам каторги по обвинению в преднамеренном убийстве.

В первом же номере новой газеты «Амур» Петрашевский выступил с обзором административных мер Муравьева, бросив прямой упрек в самоуправстве всеильному начальнику края.

Обличения декабриста Д. И. Завалишина, Петрашевского, Львова способствовали росту политического сознания сибирской интеллигенции. Петрашевский действительно добился известного сплочения демократических элементов, протестовавших против режима, созданного в Сибири царскими бюрократами. Влияние Петрашевского публично подтвердил сам Муравьев, упрекая иркутское общество, что оно предпочло «следовать мнению двух ссыльных негодяев» (т. е. Петрашевского и Львова), чем «убеждениям своего генерал-губернатора».

Когда по проискам сибирских властей приговор над Беклемишевым был опротестован и судьи, вынесшие его, были обвинены в неправосудии, Львов писал в «Колокол»:

«Муравьеву и его *protegés* хочется непременно открыть, что судьи писали свой приговор под диктовку Петрашевского или, по крайней мере, что они были в это время под его и Львова с К<sup>0</sup> влиянием». «Но если бы даже это и действительно было так, то что же из этого? Оно доказало бы только нравственную силу Петрашевского и К<sup>0</sup>, которая гораздо сильнее генерал-губернаторского деспотизма, простиравшегося до угрозы расстрелять и повесить Петрашевского и его друзей и всех, кто с ним имеет сношения»<sup>1</sup>.

Петрашевский добивался аннулирования приговора над участниками дела петрашевцев, который он считал противозаконным, не смирясь перед силой факта. Уже

<sup>1</sup> «Опять об иркутской дуэли», «Колокол», л. 101, 15 июня 1861 года.

в 1855 г., еще до выхода из каторги на поселение, он послал в сенат прошение о пересмотре дела. Поступок этот, писал он родным в 1856 г., «приняв во внимание, что все протестуют и противятся его совершению,—могу без самохвальства назвать гражданским подвигом».

Петрашевский считал, что остановиться «в отыскании справедливо-должного» было бы для него «непростительным, без нужды малодушным вероотступничеством политическим». Никаких личных выгод Петрашевский при этом не преследовал, так как своими протестами сознательно отягощал свое положение ссыльного. «Я же смотрел на ссылку,—писал он сестре в том же 1856 г.,—как на истинное начало моей политической карьеры, как на положение, которое на меня возложило новые обязанности».

После одной из частичных амнистий 1857 г., не коснувшейся его, Петрашевский в течение 8 лет неустанно требовал восстановления своих дворянских прав. Борьба Петрашевского за собственные права сливалась с его общественной борьбой.

«Мои личные, материальные и нравственные интересы,—писал Петрашевский декабристу Д. И. Завалишину,—требуют того же, чего требует благо общественное, разумно понимаемые интересы всей страны,—*положить законом пределы для безумного самовластительства сибирских пашей и сатрапов*».

Прочитав «Что делать?» Чернышевского, Петрашевский находил, что переносить будущее в наше настоящее следует прежде всего «актами гражданского мужества».

В феврале 1860 г. он был административно выслан из Иркутска в село Шушу. Некоторое время ему удавалось жить в городах Красноярске и Минусинске, но репрессии и высылки сыпались на него градом. Непрерывные его протесты и строптивость доводили до белого каления сибирскую администрацию. Болея цингой, без денег, перенося лишения, Петрашевский продолжал бороться. Он имел много друзей и почитателей в Сибири, и среди местных жителей, и среди политических ссыльных, от декабристов до революционеров-разночинцев 60-х годов и ссыльных поляков. Преследования, которым он подвергался, тотчас становились известными демократическому лагерю, попадали в «Колокол».

В ответ на последнее огромное прошение Петрашевского Александру II, от 14 июня 1865 г., содержавшее множество фактов о беззаконии сибирских властей и вообще и по отношению к нему лично, царское правительство приказало объявить Петрашевскому, что никаких прав у него и нет, и обязать его подпиской больше никого не утруждать своими просьбами, под страхом строгого взыскания. Через год после этого Петрашевский умер, 45 лет от роду, единственный петрашевец, не выпущенный из ссылки.

Подвиг революционной непримиримости Петрашевского вызывал глубокое уважение передовых людей. Салтыков задумал трагический рассказ «Паршивый», герой которого — «Чернышевский или Петрашевский — все равно» — сидит в Сибири, среди снегов, а мимо него «примиренные декабристы и петрашевцы» возвращаются на родину и попрекают его строптивостью.

Непримиримость Петрашевского выражалась в других формах, чем у Чернышевского, который без колебаний отказывался просить о каком-либо облегчении своей участи, даже когда это ему прямо предлагали свыше. А Петрашевский упорно и неутомимо, не идя ни на какие компромиссы, вел безнадежную борьбу за свои права, обличая произвол власти. Он видел в своих протестах пропаганду делом, «борьбу со всяким насилием, со всякой неправдой».

В поведении Петрашевского отражались понятия эпохи сороковых годов, ставшие уже пройденным этапом в развитии революционно-демократической идеологии.

\* \* \*

Некоторые петрашевцы смогли найти свое место в общественном движении 60-х годов. Современники отмечали, что в это время «возвратившиеся из ссылки так называемые «петрашевцы» пользовались большим вниманием в обществе и, как люди очень образованные и, большею частью, талантливые, заметно выдвинулись своею деятельностью».

Спешнев и Европеус стали мировыми посредниками. Известно, какую роль играли мировые посредники, обеспечивавшие интересы помещиков и очень часто

насильственно принуждавшие «свободных» крестьян принимать невыгодные наделы и тяжелый выкуп. Петрашевцы были в числе немногих посредников, защищавших интересы крестьян. Бывший политический каторжанин Спешнев был мировым посредником в Островском уезде Псковской губернии. В жандармском донесении сообщалось, что «Спешнев твердо стоит за интересы крестьян и очень равнодушен к интересам помещиков. Усиленно хлопочет о сближении с простым сословием и очень сух и холоден в обращении с помещиками. Дворянство, за весьма малым исключением, ненавидит его, но крестьяне любят и довольны».

А. И. Европеус в период подготовки крестьянской реформы входил в ряды оппозиции тверского дворянства, возглавлявшейся губернским предводителем А. М. Унковским. В декабре 1859 г. Европеус выступал в заседаниях дворянского губернского собрания и добился решительного протеста собрания против запрещения обсуждать крестьянский вопрос. Это запрещение, исходившее от царя, было воспринято как нарушение законного права дворян обсуждать свои нужды. После речи Европеуса, встреченной аплодисментами, было решено послать законное представление министру внутренних дел. Но когда губернатор не допустил этого, то по предложению Европеуса была составлена жалоба царю и за подписями 155 членов собрания спешно отправлена в Петербург. В результате Унковский был удален с должности предводителя, а в феврале 1860 г. Унковский и Европеус были административно высланы в Вятку и в Пермь, где пробыли полгода. Это яркое политическое выступление левого либерального дворянства в период начавшейся революционной ситуации имело громкий резонанс в обществе. Высылка Унковского и Европеуса была с негодованием отмечена Герценом в «Колоколе». В 1861 г. Европеус стал мировым посредником в Бежецком уезде Тверской губернии.

В поведении Европеуса и Унковского (который, как мы знаем, в молодости находился под влиянием Петрашевского и был в связи с этим исключен из Лицея) ясно видна «школа» Петрашевского, тактика борьбы за законность против произвола, отстаивание права участия в политической жизни страны. Среди либералов, к которым принадлежал Унковский, он выделялся

именно этой чертой, вовсе не свойственной либерализму как общественному течению.

В 1863—1866 гг. Европеус близко стоял к редакции «Современника». Он подвергался аресту в связи с делом Каракозова.

Н. С. Кашкин, отбыв солдатчину, жил в Калужской губернии и в 1859 г. был избран в члены губернского комитета по крестьянскому делу, где входил в состав либерального меньшинства. Здесь он сблизился с будущим революционером Н. А. Серно-Соловьевичем. В дальнейшем Кашкин служил по дворянским выборам, по земству и около 40 лет был членом Калужского окружного суда.

В. А. Головинский, отбыв солдатчину, жил в Симбирской губернии, выступал против крепостников в период подготовки крестьянской реформы. В 1862 г. он был административно выслан из Петербурга. В 1864 г. его выслали из Казани за попытку основать общество для обсуждения вопросов судебной реформы. Головинский занимался адвокатской практикой. В 1868 г. симбирский губернатор писал по поводу участия Головинского в процессе удельных крестьян, которые добивались получить дарственный надел, избавлявший их от слишком тяжелых повинностей: «Можно с уверенностью сказать, что крестьяне, волнующиеся в течение 6 лет, имея такого защитника и поверенного, как г. Головинский, не будут приведены к убеждению в необходимости подчиниться закону и исполнять свои обязанности».

Д. Д. Ахшарумов после арестантских рот и солдатчины стал врачом, в 1866 г. получил научную степень доктора медицины, вел общественную работу и оставил много исследований по социальным вопросам здравоохранения. Позже он написал интересные воспоминания о деле петрашевцев.

Ф. Г. Толь в 60-х годах приобрел имя, сотрудничая в педагогических журналах. Он печатался также в «Русском слове», написал социальный роман «Труд и капитал» (1861) и издал энциклопедический «Настольный словарь» (в трех томах, 1863—1866).

Интересна фигура Ф. Н. Львова. Еще в Сибири, уволенный со службы за участие в протесте против убийства Неклюдова, он много писал в «Современнике». Его интересовали, как и многих других петрашевцев,

экономические вопросы. Он критиковал феодальные пережитки в русской промышленности и торговле, предлагал основные налоги возложить на имущие классы. Долго работая в Русском техническом обществе, он популяризировал химические знания, отстаивал необходимость общего и технического образования для рабочих. Но в его проектах сохранялось утопическое непонимание значения классовых противоречий.

А. Н. Плещеев вернулся к литературному труду. Он долго работал в редакции новых «Отечественных записок», созданных Некрасовым и Салтыковым. Продолжали печататься в демократических журналах С. Ф. Дуров и А. И. Пальм. Ф. М. Достоевский, а также Ф. Толь, Ф. Львов в начале 60-х годов впервые подняли в русской литературе ранее запретную тему каторги. В образы литературы был включен мир отверженных, жертв общественного строя, «несчастных» — это очень важный факт в истории реалистической литературы.

Достоевский и Салтыков-Щедрин, связанные в молодости с кружками петрашевцев, стали великими писателями, классиками русской литературы. Творчество Салтыкова играло огромную роль в политическом воспитании русского общества, прививая ему презрение и ненависть к миру эксплуататоров, к хозяевам этого мира — еще не сломленным и сильным крепостникам, грабителям-бюрократам, буржуазным хищникам всех видов, высасывающим жизненные соки из трудового народа. Достоевский в первой половине 60-х годов пытался создать межеумочное либерально-демократическое направление «почвенничества» в своих журналах «Время» и «Эпоха». Позже он открыто заявлял о своем консерватизме, о неудовлетворенности теориями «социализма», в котором он видел лишь будущий «муравейник» для обезличенного человечества, искажал облик революционных борцов. Несмотря на это, Достоевский был и оставался глубоким обличителем эксплуататорского и несправедливого строя. Он зорко видел и с огромной силой изображал трагедию обездоленных и искалеченных морально людей, падавших жертвами этого губительного строя.

●

## ЧЕМ НАМ ДОРОГИ ПЕТРАШЕВЦЫ

Дело политической свободы стало *заветом* для всех поколений, следовавших за декабристами.

...Необходимость социальной основы для преобразования России стала *заветом* с сороковых годов.

*Н. Огарев.*

Уже с самого начала имя петрашевцев связывается в обществе с революционной традицией.

О сочувствии общества петрашевцам свидетельствовал сам Николай I, требуя, чтобы Следственная комиссия ускорила ход дела, ибо иначе возникнет «сострадание к заключенным».

Слухи о «заговоре» вызывали живое сочувствие молодежи. Память о петрашевцах окружалась ореолом революционного героизма. В кадетских корпусах распространялся рассказ, как петрашевцы мужественно шли на казнь, «в белых перчатках». В 1855 г. студент Добролюбов клеймил расправы Николая I с декабристами, с восставшими поляками, с «заговором 48 года», участников которого царь лишил «даже счастья умереть за святое правое дело». А. П. Щапов мечтал о грядущей народной революции, «когда Пугачев, двигатель масс народных, подаст руку декабристу Муравьеву или Пестелю или Петрашевскому». Некрасов в стихотворении 1856 г. «Поэт и гражданин» напоминал русскому обществу о тех немногих «достойных гражданах», перед участью которых честные люди преклоняют колени.

Такой новый факт общественного движения, как пропаганда в воскресных школах, связывался в умах передовых людей с наследием петрашевцев. В конце 1860 г. в Петербурге слышались разговоры о том, что в деле петрашевцев «принимали участие все учителя военных и гражданских учебных заведений, все профессора университетов», что у них были «агенты во всех

губерниях». Ссылкой 22 человек правительство «не отвратило развитие мыслей и предположений Петрашевского и его товарищей. Напротив того, они в настоящее время приводятся в исполнение в обширнейших размерах посредством учреждения воскресных школ».

Когда учащиеся воскресных школ будут подготовлены «к тем реформам, которые хотел ввести Петрашевский», тогда «уже никакая сила не будет в состоянии удерживать общий во всей России порыв к перевороту».

Первыми заговорили о петрашевцах в бесцензурной печати Герцен и Огарев. Герцен признавал их продолжателями дела декабристов. На первом плане для него стояла политическая деятельность петрашевцев. В петрашевцах, писал он, блеснула «истинная революционная традиция русская»<sup>1</sup>, шедшая от Пестеля и Муравьева. Уже в 1851 г. он знакомил западноевропейских читателей с «новой фалангой героических молодых людей». Для этих читателей была написана и биография Петрашевского (оставшаяся неопубликованной). Автором ее был петрашевец В. А. Энгельсон, эмигрировавший из России<sup>2</sup>. Вместе со статьей Энгельсона Герцен послал французскому историку Мишле перевод письма Белинского к Гоголю. Он непосредственно связывал это письмо с деятельностью петрашевцев.

В 40—50-х годах Герцен рассматривал передовую интеллигенцию своего времени как дворянскую. Но позже он глубже понял ее социальное своеобразие. Он поставил петрашевцев в ряд революционеров «новой России», разночинцев-демократов, идущий от Белинского к Чернышевскому.

«Новая Россия,— писал Герцен,— крепко подкованная на трудный путь, закаленная в нужде, горе и унижении, тесно связанная жизнью с народом, образованием с наукой», «становится во весь рост только в Белинском и идет на наше русское крещение землею на каторгу в лице петрашевцев, Михайлова, Обручева, Мартыанова и пр. Ее расстреливают в Модлине и разбрасывают по России в лице бедных студентов, ее,

---

<sup>1</sup> А. И. Герцен, Собр. соч. в 30-ти томах, т. 25, стр. 67.

<sup>2</sup> Статья «Петрашевский» была опубликована во Франции в 1908 г. и долго приписывалась Герцену. Напечатана в «Полном собрании сочинений А. И. Герцена», под. ред. М. К. Лемке, т. 6.

наконец, эту *новую* Россию — Россия *подлая* показывала народу, выставляя Чернышевского на позор»<sup>1</sup>.

Герцен неоднократно напоминал русскому обществу о петрашевцах — борцах за свободу. В его изданиях были опубликованы основные документы процесса петрашевцев. Герцен следил за борьбой Петрашевского с произволом сибирских властей и стал на защиту Петрашевского, отказавшись напечатать клеветнические выпады против него Бакунина<sup>2</sup>. Безвременная смерть Петрашевского в Сибири вызвала в «Колоколе» горячий отклик о «человеке, погибшем ради русской свободы, жертвой правительственных гонений».

С оценкой революционного опыта петрашевцев выступил Н. П. Огарев. Он также придавал большое значение политической стороне деятельности петрашевцев. Но особое его внимание привлекали их «социальные», т. е. социалистические, стремления. Огарев, как и Герцен, стоял на утопической почве «русского социализма»: возможность социалистического преобразования России казалась ему заложенной в народной форме коллективного землевладения и мирского самоуправления — в сельской общине. Он критиковал петрашевцев за то, что их социализм, «отвлеченный», «теоретический», не имел корней в жизни русского крестьянства. Если бы общество петрашевцев продолжало существовать, думал Огарев, «оно сошло бы с теоретического пьедестала на народную почву и поняло бы, что строить историю можно только на имеющемся фундаменте и из данных материалов»<sup>3</sup>.

Но позже Огарев глубже понял «огромное значение и неистребимое влияние» дела петрашевцев. Он причислял петрашевцев к людям «из среднего дворянства», которые «отрекались от помещичества». «Их труд шел на разработку социальных теорий Запада. Они прошли

---

<sup>1</sup> А. И. Герцен, Собр. соч. в 30-ти томах, т. 18, стр. 243—244. В Модлине были расстреляны в 1862 г. два офицера и унтер-офицер за пропаганду среди солдат.

<sup>2</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс рассказали о роли Бакунина в преследовании Петрашевского в Сибири и одобрили защиту Петрашевского Герценом («Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих». См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения. т. 18, стр. 428—429).

<sup>3</sup> Н. П. Огарев, Избр. соц.-полит. и философ. произв., т. 1, М., 1953, стр. 421.

не замеченные своим сословием и не узнанные народом», — писал Огарев. Но их дело, как и дело декабристов, «выражало *степень* русской мысли», «оставалось *заветом* для преемников». Заветом всех поколений, следовавших за декабристами, стало дело политической свободы. Заветом после петрашевцев стала «необходимость социальной основы для преобразования России»<sup>1</sup>.

В истории освободительного движения в России петрашевцы занимают особое место. Они еще связаны с дворянской революционностью, но уже отходят от ее классовой ограниченности. Они деятели переходного, промежуточного периода между основными этапами освободительного движения — дворянским и буржуазно-демократическим. В. И. Ленин подчеркнул значение этого подготовительного периода, характеризуя Белинского как предшественника «полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении»<sup>2</sup> еще при крепостном праве.

Петрашевцы хотели революции, но такой, которая бы обеспечила благосостояние народных масс. Они понимали, что революция должна делаться силами этих масс. Свой общественный идеал они определяли как социализм. В мыслях и в деятельности петрашевцев ясно пробивались ростки нового могучего течения, отражавшего интересы и нужды трудящихся масс.

Нас интересуют петрашевцы как люди впервые складывавшегося в 40-х годах революционно-демократического лагеря. Нам они дороги как борцы за новую мысль, стремившиеся, чтоб эта мысль овладела массами и превратилась в неодолимую революционную силу.

Изучение взглядов петрашевцев показывает, как сложно шло становление новой идеологии в таких исторических условиях, которые еще не давали прямого ответа, какими средствами бороться с крепостничеством и самодержавием. Мы находим у петрашевцев элементы демократической программы — сформулированное Петрашевским требование освобождения крестьян со всей обрабатываемой ими земель без выкупа, требование демократической республики с участием народных масс в выборах в представительные органы. Но наряду

---

<sup>1</sup> Н. П. О г а р е в, Избр. соц.-полит. и философ. произв., т. I, М., 1953, стр. 653.

<sup>2</sup> В. И. Л е н и н, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.

с этим мы видим противоречия и разногласия в вопросах о методах борьбы за осуществление демократических задач, свидетельствующие о незавершенности новой идеологии на данном этапе ее развития.

Своеобразие революционного демократизма, под знаменем которого шло освободительное движение в России в течение почти полувека, до начала пролетарского периода этого движения, выражалось в нераздельности демократических и социалистических идей. В. И. Ленин отмечал, что кружок петрашевцев стоял у истоков создания социалистической интеллигенции в России<sup>1</sup>. Социалистические элементы отличали идеологию демократов 40-х годов от предшествовавших представителей прогрессивной общественной мысли. Петрашевцы стояли в самом начале полувекового пути, пройденного русской социалистической мыслью в ее исканиях правильной революционной теории. В развитии русского утопического социализма большое значение имела социалистическая мысль более развитых капиталистических стран, отражавшая движение рабочего класса. Ленин подчеркивал, что передовая мысль в России следила «с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки» в области революционной теории, что «Россия поистине *выстрадала*» марксизм «полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»<sup>2</sup>.

Утопический социализм русских демократов был формой критики и отрицания крепостнических общественных отношений, господствовавших в России. Его классовую природу определил В. И. Ленин, указав, что в отличие от различных форм домарковского социализма на Западе, облекавших уже умиравшую революционность европейской буржуазной демократии и еще не созревшую революционность пролетариата, русский утопический социализм облекал «*революционность* буржуазной крестьянской демократии в России»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 7, стр. 438, прим.

<sup>2</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 7—8.

<sup>3</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 21, стр. 258.

Русские демократы и социалисты, боровшиеся в крепостнической стране не против капитализма, а за уничтожение крепостничества, за буржуазно-демократический строй, не могли понять революционной общественной роли рабочего класса и не могли прийти к теории исторического материализма. Однако, живя в атмосфере непрекращавшейся борьбы крестьянства против власти помещиков, они сделали важный шаг в развитии материалистической общественной теории, уяснив себе огромное значение народных масс в революционной борьбе.

Стремясь к демократизации общественного строя, к уничтожению крепостничества, к политической свободе, петрашевцы, как и Белинский, и Герцен, не могли удовлетвориться рамками буржуазной демократии и видели задачу подлинной демократии в обеспечении благосостояния народных масс.

Но петрашевцы-социалисты, защищая социалистический идеал общественного устройства, в русских условиях не могли удовлетвориться теми формами мирной экономической борьбы за социализм, которые предлагали западноевропейские утопические социалисты. Они подходили к пониманию необходимости насильственного изменения общественных отношений. Их борьба за социализм должна была сливаться с борьбой за ликвидацию самодержавно-крепостнического строя.

Петрашевцы внесли свой вклад в развитие революционно-демократической идеологии, поняв, что революционная пропаганда должна быть обращена непосредственно к народным массам. Некоторые петрашевцы признали крепостное крестьянство могучей силой, способной в близком будущем сломать свои оковы. Это было связано с реальным подъемом крестьянского движения в конце 40-х годов. Передовые люди 40-х годов хотели отдать свои силы народу в его освободительной борьбе. Они пытались разжечь в обществе ненависть к самодержавному произволу. Они задумали распространять политические обличения самодержавия, пытались овладеть приемами революционной агитации, предназначенной для народа, пытались создать бесцензурную печать.

Начатое петрашевцами важнейшее дело создания русской бесцензурной печати было вскоре после разгро-

а петрашевцев осуществлено Герценом. Вопросы, первые намечавшиеся петрашевцами,— о методах революционной пропаганды, о принципах подпольной организации, о задачах революционной интеллигенции о отношении к народному восстанию — стали в центре внимания революционных разночинцев на следующем этапе освободительного движения. Общение с петрашевцами ускорило созревание революционной мысли Гернышевского.

В исторической перспективе петрашевцы занимают неотъемлемое место в ряду дальних предшественников научного социализма в России.



## СОДЕРЖАНИЕ

Россия в сороковых годах XIX века . . . . .	3
Новые идеи — новые люди . . . . .	10
1845—1847 гг. Три сезона «пятниц» . . . . .	24
1848—1849 гг. Главный враг — самодержавие . . . . .	37
Воинствующие атеисты . . . . .	52
Золотой век впереди нас . . . . .	59
Социализм и Россия . . . . .	78
Крестьянам воля и земля без выкупа . . . . .	88
Силы революции . . . . .	98
Организация единомышленников . . . . .	118
Пропаганда без цензуры . . . . .	129
Петрашевцы держат ответ перед царизмом . . . . .	143
Чем нам дороги петрашевцы . . . . .	157

*Вера Романовна Лейкина-Свирская*

### ПЕТРАШЕВЦЫ

Редактор *Н. П. Ковалевская*. Обложка *Н. А. Короткина*. Художественный редактор *А. В. Сафонов*. Технический редактор *В. Ф. Егорова*. Корректор *Е. А. Блинова*. • Сдано в набор 10/VI 1965 г. Подписано к печати 11/XI 1965 г. 84×108<sup>1/32</sup>. Печ. л. 5,125 (8,61). Уч.-изд. л. 8,34. Тираж 11 000 экз. (Тем. пл. 1965 г. № 297). А 10599. Заказ 3437. •

Издательство «Просвещение» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по печати. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41. •

Областная типография Ивановского управления по печати. г. Иваново. Типографская, 6.

Цена 23 коп.